ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ УМИНСКИЙ
«ТАЙНА ПРИМИРЕНИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово прости
От грехов освобождаемся через покаяние
Таинство Таинств
Любовь изгоняет страх
Рождаемое зачинается малым
Да будет слово ваше: «да, да», «нет,нет»
Тесные врата
Оставление прежнего
Правда, которую надо исполнить
Свобода послушания
Страх Господень
При вратах Царствия
Настройте себя как орган

Слово «прости»

Высоко достоинство человека. Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна; и не в них благоволил упокоиться Господь, а только в человеке.

Прп. Макарий Великий

Насадил Господь рай и поместил туда человека, чтобы человек владел этим великолепием. Все в раю создано ради человека. Господь, абсолютно самодостаточный в Своей неизменной полноте, ни в чем не нуждается. Не нуждается Он и в человеке. Но по величайшей Своей любви Господь творит человека, как центр Вселенной, даруя ему Свой образ и все видимое и невидимое, чтобы человек этим владел, возделывал его, сохранял и, совершенствуясь в общении с Богом, преображал и мир вокруг себя.

Все в раю принадлежало человеку, в том числе и древо познания добра и зла. Но странную заповедь дал Господь, по которой человек мог вкушать от всех плодов в райском саду, кроме плода от древа познания добра и зла. И сказал Господь человеку: «В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 17).

Кажется, как странно, человек, сотворенный на этой земле, чтобы владеть миром, должен же и в себе, и в этом мире разбираться? Почему же не прикасаться к этому древу? Как же тогда узнать, что такое добро и что такое зло?

Но Господь повелел: *«Не прикасаться! Не вкушать»!* Но почему? А потому, что добро и зло по-разному познаются.

Если вдуматься, добро в полной мере было доступно Адаму в раю: весь мир, о котором Господь сказал, что это хорошо (по-церковнославянски «добро зело») (Быт. 1, 31), был у него перед глазами. Сам Бог пребывал с человеком, говорил с ним, давая возможность Его познавать, двигаться к Нему, стать, наконец, подобным Богу, осуществив высшее

предназначение человека – стать, как Бог, стать самим богом. Замысел Бога о человеке, о его личности, свободе и достоинстве состоял в том, чтобы человек познавал высоту и силу добра, наполнялся им, чувствовал его в себе самом, и в постепенном приобщении к нему получил бы силы и могущество побеждать зло, оставаясь совершенно к нему не приобщенным.

Запрет был наложен именно на приобщение ко злу, то есть на соучастие в нем. «Познаешь – и смертью умрешь» (Быт. 2, 17), – предупредил Господь, оберегая Свое неокрепшее создание от смертельной опасности. Раскрывая в себе Божественный образ через приобщение к Богу, человек должен был в добре победить зло, не приобщаясь к нему, победить любовью и добром. Адаму же, не вкусившему еще добра, не познавшему его во всей полноте, нельзя было познавать зло в любом его виде, и тем более через его вкушение.

Вот закон, неизменный от Адама до настоящего дня: если человек познает зло, приобщаясь к нему, он тут же принимает его в себя, соединяется с ним и им побеждается. Запрещение вкушения плода от древа познания – это прообраз поста, раскрывающий его глубинный смысл. Древо познания – это древо различения, древо победы добра над злом. Не утвердившись в добре, человек не может вступать в борьбу – ведь он сам еще не добр. Пост был наложен с единственной целью, чтобы человек, свободной волей приобщившись к добру, смог победить зло.

Рай затворен, но древо познания добра и зла, древо их различения, заложено в каждом человеке – это его совесть, которая, по словам аввы Дорофея, есть тот естественный закон, который открывает человеку, что есть доброе и что есть злое, от зла охраняет, а к добру приобщает. Приобщение к добру просвещает человека и согревает его сердце, помрачает же и оледеняет – отступление и выбор зла.

И сейчас тот же соблазн исходит от мира: «Все надо попробовать, все надо испытать… Как же ты проживешь, не зная того и другого…» Зло, которое творится вокруг, нам все время рекламируют и преподносят, как соблазнительное блюдо, которое мы обязательно должны съесть. И человек опять вкушает запретный плод, пренебрегая первой заповедью, данной ему Богом: «Не вкушай, смертью умрешь» (Быт. 2, 17).

«Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть какое-либо существо и не имеет никакого состава».

Авва Дорофей

Из предания Церкви мы знаем, что человек пришел в мир, в котором уже существовало зло. Что же такое зло? Откуда оно появилось? Как следует христианину относиться к нему? Разные религиозные системы по-разному разрешают вопрос о соотношении добра и зла.

В дуалистических моделях восприятия мира добро и зло существуют на равных, причем они взаимопроникающи: в добре есть зло, и наоборот. Такая модель очень популярна, и, принимая ее, человек признает изначальное существование зла и отсутствие возможности точного определения, что такое добро и что такое зло, потому что они равны между собой, могут переходить одно в другое и не имеют внешних критериев для различения. Поэтому во многих восточных культах и религиях посмертное существование и спасение – это не пребывание в добре, а состояние, выводящее человека за пределы добра и зла. Нирвана, слово очень популярное в современном мире, является не бытием, а выходом из мучительного круга перевоплощений и представлений о добре и зле. А для христианина смысл спасения заключается в том, чтобы, соединившись с Богом как с источником любви и добра, войти в полноту бытия – в вечную жизнь. Но что же такое в христианском понимании зло и какое отношение оно имеет к добру?

Носителем зла Церковь называет сатану. Глава в книге пророка Исаии и Апокалипсис Иоанна Богослова приоткрывают завесу над доисторической катастрофой – первым

бунтом твари против Творца. Денница, «первый светоносец», прекраснейший ангел, сотворенный светлым и добрым, стал личностным представителем зла, когда, увидев, что мир принадлежит человеку, возгордился и отпал от Бога, не захотел подчиниться закону Божию и признать в человеке создание выше себя. Отныне мятежная тварь стремится погубить все, что Господь сотворил прекрасного и возвышенного, и прежде всего того, кому предназначен был служить, – человека.

Из самой истории зарождения зла становится ясно, что зло – это отпадение, отрицание, не несущее в себе созидательного начала. Может быть, поэтому ему трудно дать точное определение. Легче провести такую аналогию. Что такое тьма? Отсутствие света, она не имеет своего бытия: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1Ин. 1,5). Но там, где нет света, его место занимает тьма. Точно так же и зло – это отсутствие добра или его искажение, это добро, которое отпало от Бога, исказило свое бытие, но собственного онтологического бытия оно не имеет. Бытие имеет только то, чему Господь сказал: «Да будет»! Зла Он не создавал и не говорил – »Да будет»! – греху. А того, что Бог не создавал, того, говоря строго, и нет.

Значит, абсолютного зла не существует, существует абсолютное добро. Поэтому зло бессильно: оно не имеет ни собственно бытия (сама природа творения лежит в Божественном замысле о его доброте), ни собственного продолжения (его существование ограничено временем), ни собственной силы (он пользуется только тем, что может захватить и на чем может паразитировать).

Даже сам предельно изуродованный носитель зла не есть абсолютное зло. Светлый херувим, которого мы называем сатаной, вышел из рук Господа полным добра и силы. Это потом его добрая природа была искажена до такой степени, что посмела противопоставить себя Богу, стать антиприродой.

Если Бог абсолютно благ, бесконечен и вечен в Своем добре, то совершенно очевидно, что по сути своей, будучи творением, сатана не может обладать абсолютным злом, как бы ему этого ни хотелось. Этого ему просто не дано – все абсолютное принадлежит только Богу. Как бы ни стремился сатана казаться совершенным богом со знаком минус, увлечь этой идеей неразборчивых ангелов, как это было в начале творения, или людей, способных поверить в подобное безумие, его притязания все равно останутся безосновательными, потому что такого просто не может быть.

Своей собственной силой сатана не обладает, и поэтому все, на чем паразитирует падший дух, это энергия и сила добра, которые были ему изначально даны, как величайший Божественный дар. А то, что является даром Божиим, что Господь сотворил как добро, несмотря ни на что даром Божиим остается, хотя порой его можно исказить до такого страшного состояния, из которого, кажется, и возврата нет. Безбытийность зла лишает его возможности так исказить человека, чтобы он до конца потерял образ Божий. Даже в своем самом предельном богопротивлении и демоноподражании человек все равно остается образом Божиим, способным ко спасению.

«При таких благах какое избрал ты зло! После такой славы какой несешь на себе стыд! Почему теперь так омрачен ты, так обезображен, так бренен? После такого света какая тьма покрыла тебя».

Прп. Макарий Великий

Первый человек был сотворен имеющим в себе одновременно как возможность стать бессмертным, так и возможность умереть. Являясь Божественным даром, а не природой человека, залог бессмертия давал ему возможность через самосовершенствование, через послушание Богу духовно дорасти до того, чтобы он стал его природой.

Дар бессмертия – это приобщение к Богу, к самому Источнику жизни. Но человек не приобщился к жизни в раю. В раю он приобщился к смерти. Человек захотел жить без Бога, а жизнь без Бога – это и есть смерть. Это ужасно звучит: приобщился к смерти там,

где должен был приобщиться к жизни. Человек приобщился ко греху всем своим существом, и грех страшным образом исказил его природу. Творение отпало от своего Творца. Грех открыл дорогу смерти. Человек, имевший такую возможность – не умирать, стал смертным и был изгнан из места жизни, где все существующее имеет вечное бытие. Грех Адама, его отпадение от Бога, могли бы стать вечным уделом всего человечества, если бы Бог по милосердию Своему не изгнал Адама из рая во временный мир, чтобы смерть не стала его вечным состоянием, чтобы сатана не победил его до конца.

Мы все приобщены к смерти через первородный грех, и хотя в Святом Крещении он прощается, последствия греха, к сожалению, остаются. Поврежденная человеческая природа должна быть исцелена самим человеком, которому суждено жизнью своей преодолевать последствия грехопадения Адама – идти в обратном направлении, не вкушая от древа познания добра и зла, а приобщаясь только к добру.

Действие зла в мире продолжается, человек вновь приобщается ко греху, вкушает запретный плод, и зло искажает его снова и снова. Мировая история повторяется в истории каждого человека.

«Как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Рим. 5, 19).

«Ты свободен; и если хочешь погибнуть, то природа твоя удобоизменяема».

Св. Макарий Великий

Зло могло быть побеждено еще в раю. Сатана, творение, наделенное свободной волей, мог быть побежден только свободным творением, и эту победу должен был одержать Адам – победить зло в раю, как человек, и тем осуществить свое Богочеловечество. Но он этого не сделал. Господь мог бы, как и может, всемогуществом Своим воспретить злу присутствовать в мире, совершенным словом Своим просто уничтожить его. Но Он поступил иначе, потому что тому живому, что Он сотворил, и ангелам и человеку, Он дал свободную волю. И однажды даровав человеку свободу, Господь никогда ее не отбирает.

Бог спасает человека иначе: Сам становится Человеком в этом мире, во всей полноте принимает на себя человеческую природу, чтобы все-таки победить зло не как Бог, а именно как Человек, а потом дать возможность каждому человеку снова приобщиться к Богу, чтобы снова победить. И Он побеждает сатану во всей силе Своей человеческой природы, во всей полноте ее богоприобщенности, чтобы каждому из нас тоже даровать такую возможность снова и снова своим свободным произволением побеждать зло, приобщаясь к добру.

Но в нас живет память о согрешившем Адаме, и эта память вновь и вновь толкает нас обмануть Бога, согрешить против Него, коснуться запретного плода, стать самодостаточным в самом себе.

Мы гораздо более сопричастны добру, чем искажены злом. Зло, не имеющее сущности, явившееся лишь следствием недуга человеческой души, не в состоянии до конца победить человека, для которого добро естественно, а зло противоестественно. Поэтому у каждого христианина есть силы победить зло, и, значит, в самом человеке добро обязано побеждать зло, если он прилагает к этому усилия. Человек не может себя оправдать тем, что он не в силах с собой справиться, потому что он имеет огромный запас помощи Божией и собственной силы, чтобы, преодолев любой грех, победить в себе сатану.

Это путь, по которому должен пройти каждый. Господь ведет нас этим путем, давая нам возможность снова вернуться в рай, снова и снова принять то, что было дано человеку в раю, где он пребывал во всей своей красоте, во всей своей гармонии, чтобы эта красота, воспринятая как дар, стала его собственностью, его природой, его действительно нестираемым образом Божиим.

«Велика была скорбь Адама по изгнании из рая, но когда он увидел сына своего Авеля, убитого братом – Каином, то еще большею стала скорбь его, и он мучился душою, и рыдал, и думал: «От меня произойдут и размножатся народы, и все будут страдать и жить во вражде и убивать друг друга». И эта скорбь его была велика, как море».

Прп. Силуан Афонский

У каждого человека свои особенные дары. Как пишет апостол Павел: «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учители? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи»? (1Кор. 12, 28–30) Все люди очень разные. Они сотворены так, чтобы каждый в каждом нуждался, чтобы один без другого не мог осуществить себя как человек во всей полноте.

Человечество создано, как семья, призванная жить общечеловеческой жизнью, постоянно помогая друг другу и, по слову апостола Павла, неся тяготы друг друга, чтобы исполнить закон Христов (см. Гал. 6, 2). Но жизнь каждого человека неразрывно связана с жизнью всех людей, потому что человечество задумано Богом не просто как семья, а как единый Церковный организм. Так, например, супружество есть осуществление этой полноты человечества, когда двое становятся единым существом – два плоть едина (см. Мф. 19, 5).

По мысли сербского богослова прп. Иустина Поповича, уже в раю человечество было задумано, как Церковь: каждый человек так сильно связан с другими людьми богоподобной церковной природой, что в будущем он будет иметь возможность осуществиться как Церковь. Развитие способностей и добродетелей каждого человека является естественным созиданием всего человечества, как богоподражательного Адама, который становится новым человеком, а новое человечество – осуществленной Церковью.

Но подобная связь страшным образом проявляется в падшем человечестве: грех, в природе которого заложено свойство распространения, разрушает не только человека, он разрушает все человечество в целом.

Через Адама приходят в мир грех и смерть: грех одного человека и его смертность становятся уделом всех. Адам виноват перед всем человечеством, перед каждым из нас. Но тогда и каждый из нас через свой грех виноват перед всеми.

Если мы хотим начать борьбу со злом, для этого необходимо прежде всего искоренить зло в себе, и только если нам удастся победить сатану в самих себе, нам удастся это сделать и вокруг себя. Но если мы не начали эту борьбу, то имеет ли смысл спрашивать тогда: *«Почему существует страдание? Почему умирают дети? Почему торжествует ненаказанное зло? Почему так много несправедливости в мире»?* Если человек будет честен перед самим собой, он должен будет ответить: «Это мой грех искажает мир, и мое зло ко мне же возвращается».

По ком звонит колокол? Он звонит по тебе.

«Прежде всего, братия, нам нужно смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать «прости».

Авва Исаия

Какие простые слова говорят святые отцы: *«Словом „прости" побеждается сатана»*. Именно это нам и надо сделать: просто победить сатану.

И оказывается, что это действительно просто. Надо только уметь искренне сказать «прости» на всякое дело, во всяком месте и всякому человеку. И как только мы внутри себя от сердца говорим это слово, мы разрываем связь с сатаной. Ведь единственное существо в этом мире, не способное сказать «прости», – это злобный дух вражий.

Если бы случилось невозможное и дьявол смог бы переступить через свою гордыню и покаяться, его больше не существовало бы, он бы немедленно вернулся в свое высочайшее архангельское достоинство. Он снова стал бы ангелом, если бы смог… Но сделать этого он уже не может.

Но это может сделать человек. Как только он произносит великое слово «прости», Господь откликается, прощает человека, и в нем чудесным образом проявляется потерянное в грехе божественное достоинство. Состояние гордыни, помраченности, злобности вдруг исчезает, и преображенный человек приобщается к жизни ангельской. Покаянием сокрушаются все козни, отражаются все стрелы врага, бессильного пред словом «прости». Сети, которые с такой тщательностью и изощренным хитроумием он расставляет человеку, разрываются, и перед нами открывается потерянная дорога в рай.

«Покайтесь, – призывает Спаситель, выходя на проповедь, – приблизилось Царствие Небесное» (Мф. 4, 17). Только так совершается возвращение в Царствие Небесное, дарованное нам Господом Его победой над сатаной. Он не просто возвращает нас в Место блаженства, а дарует неизмеримо больше того, что было дано Адаму в раю. Человеку, сотворенному в земном раю, открывается рай небесный, вместо мира земного – Небесное Царство, которое неизреченно, непознаваемо, которое совершенно никак не определено кроме того, что это есть Царство Божией любви, Царство Его настоящей жизни.

Вот что нам даруется вместо потерянного земного блаженства! И только одно слово «прости», сказанное всею жизнью человека, – не случайно, не впопыхах, не формально, не в один единственный день в году, а всею нашей жизнью, – открывает нам эту дверь. Открывает каждому: разбойнику и праведнику, мытарю и фарисею, блуднице и целомудренной – всем.

И когда мы оказываемся способными всей жизнью своей всегда говорить «прости», это значит, что мы всегда оказываемся победителями сатаны. Только это и возвращает нас в рай. И этому слову мы будем учиться всю жизнь, чтобы оно стало нашим главным оружием в победе над злом. Потому, что невозможно победить его иначе, как только по-настоящему начать духовную борьбу.

От грехов освобождаемся через покаяние

От прародительского греха освободились мы через Святое Крещение, от тех же грехов, на которые дерзали мы по Крещении, освобождаемся не иначе, как через покаяние. Прп. Максим Исповедник

«Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2Пет.3:9).

Живя в этом мире, каждый день сталкиваясь с проблемами и ситуациями, которые кажутся совершенно безвыходными, трудно бывает поверить в то, что нам дарована свобода, что мы можем хоть как-то повлиять на свою судьбу. В минуты отчаяния кажется совершенно очевидным, что Бог нас не слышит, не любит и не желает нам спасения.

Действительно, зависит ли в нашей жизни хоть что-то от нас самих? Способна ли наша собственная воля каким-то образом изменить нашу жизнь? От подобных настроений легко прийти к выводу, что не всем дано в этом мире спастись. Некоторые религиозные направления утверждают, что есть люди, особым образом избранные Богом для спасения, а есть такие, у которых, как бы они ни трудились, как бы ни старались, ничего не получится. Одни призваны ко спасению, другие – к погибели, и результат дела спасения от самого человека не зависит.

Такие тяжелые мысли могут возникнуть даже при чтении Священного Писания. «А ты кто, человек, что споришь с Богом? – говорит апостол Павел, – Изделие скажет ли

сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого»? (Рим. 9, 20–21). Читаешь эти строки, и закрадывается мысль, что если создал тебя Господь горшком, то ничего, кроме горшка, из тебя и не выйдет. Действительно, не существует ли страшной предопределенности о людях, которые не могут спастись в принципе?

Но на это нам отвечает само Евангелие, говоря, что Бог не желает смерти грешника, что нет Божией воли, «чтобы погиб один из малых сих» (Мф. 18, 14). Воля Божия заключается в том, «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим. 2, 3–4).

У аввы Дорофея есть замечательный пример того, как суды Божии не похожи на суды человеческие и насколько иначе может смотреть на человека Господь, чем смотрим на ближних своих мы своим немилосердным и лишенным любви взглядом.

Он пишет, что в одном городе продавали рабов. На рынок пришли две женщины: одна – монахиня, а другая – блудница. Они увидели, что продают двух девочек, и монахиня купила одну девочку, чтобы воспитать ее в страхе Божием, а вторую девочку купила блудница, чтобы сделать ее сосудом греха в сто раз хуже себя. Спрашивается, если эти две девицы, повзрослев, согрешат одним и тем же грехом, скажем – блудом, неужели Господь будет их судить одинаково? *«Конечно же, нет»,* – отвечает авва Дорофей. Господь знает, кому что было дано, в какой ситуации каждый прожил и как оплакал потом свой грех. Каков будет Его суд? Это известно только Ему одному. И в какой мере человек проявляет свою свободу и свою волю ко спасению, тоже судить не нам.

Но единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в том, что в какой бы стране и с каким бы цветом кожи человек ни появился на свет, на каком бы языке ни разговаривали его родители и какие бы представления о мире они ни имели, каждый человек рожден ко спасению. Любого человека, рожденного как в Новой Гвинее, так и в Нью-Йорке, в семье миллиардера или в семье бедняка, ищет Господь, чтобы спасти его бессмертную душу; чтобы она встретилась с Ним в этой жизни; чтобы при выборе между добром и злом человек оказался способным по велению своей совести выбрать добро; чтобы естественный закон Божий, который Господь вложил в каждого из нас, как совесть, как призыв к Богоподобию и христианству даже в нехристианине, был осуществлен до самого конца.

Мы знаем о Боге не только то, что Он вездесущий, но что Он еще и всеобъемлющий. «Вседержитель», – говорим мы. Для иудеев того времени Бог как Отец воспринимался как прежде всего Бог – Отец иудеев, Бог определенного народа, которому Он принадлежит по праву богоизбранности. Такое мнение может сложиться и у каждого, кто каким-то образом исповедует свою веру, как богоносную, настоящую, истинно православную.

Но вот в молитве «Отче наш», в обращении к нашему Отцу почему-то добавлены слова: Иже еси на небесех. Зачем? Ведь и в Ветхом Завете, и в заповедях постоянно упоминается, что Господь не имеет общего ни с чем материальным; и есть заповедь, чтобы не сотворить себе кумира из «того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли» (Втор. 5, 8). Но когда мы говорим: Сущий на небесах, – мы исповедуем отцовство Божие всеобъемлющее.

Наше исповедание заключается именно в том, что мы признаем Бога Отцом для всех людей, так как Он – на Небесах. Имеются в виду, конечно, не чувственные небеса, не небеса, состоящие из определенных слоев атмосферы, каких-то газов и т. д., а мир духовный, который больше, чем мир земной, мир невидимый, который больше, чем мир видимый, – мир всеобъемлющий. И посему и отцовство, которое заключено в Боге, покрывает собой все творение Божие, и нет в этом мире ничего, что не было бы покрыто Его Божественной любовью. Поэтому всякое существо, сотворенное Богом, как существо живое и богоподобное, принадлежит Его отцовству, а не только мы, «род избранный,

царственное священство» (1Пет. 2, 9), как привыкли о себе думать православные христиане.

Каждый человек сотворен Богом как богоподражательная личность, как сын. Поэтому Тертуллиан, древний учитель Церкви, так и говорит: «Душа по природе своей христианка». То есть всякий человек, где бы и когда бы он ни родился, всегда рождается прежде всего как христианин, чтобы стать христианином и в Боге познать своего Отца.

Нет для Бога никого, кто был бы Ему чужд. Это надо знать каждому из нас, потому что в этом заключается Промысл Божий о мире.

В Послании к римлянам апостол Павел пишет, что даже язычники могут исполнить закон Божий (см. Рим. 2, 13–16), не зная его, хотя сама религиозная система, которую они исповедуют, может обманывать и уводить далеко от спасения. Закон Божий написан в сердце каждого человека – это его совесть, путеводитель ко Христу. Когда человек, для которого совесть стала главным законом жизни, слышит о Христе, происходит настоящая встреча.

Как бы низко человек ни пал, даже на самом дне тяжких человеческих изуверств, существует выбор между добром и злом. Он есть всегда. Церковь учит, что Господь до ада сошел, когда искал погибшего Адама. В песнопениях Страстной седмицы поется: На землю сшел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего, Владыко, даже до ада снисшел еси ищай. До таких глубин человеческого зла, в такие глубины ада спустился Господь, что ад был исчерпан схождением Христовым.

Кающемуся грешнику обязательно надо знать, что не осталось такого человеческого состояния, в которое не погрузил бы Себя Господь, такой бездны порока, в которую не спустился бы Господь, нет такого греха, которой Господь не очистил бы, и не придумал сатана такого зла, которое бы Господь не исцелил.

Это становится очевидным на исповеди. Каждый священник чувствует это, встречаясь с человеком, который, по обывательскому представлению, уже никак не может быть уврачеван. Иногда исповедуются люди, жизнь которых не вписывается в рамки представления о нормальном, кажется невероятным, что таких людей земля носит. Но сама их исповедь говорит о том, что Господь ждет любого негодяя, любого изгоя, – и только сам человек может настолько далеко уходить от Бога, чтобы совершенно этого не чувствовать.

Вернуться к Богу – это значит прислушаться к голосу своей совести, которым стучится Господь в каждое человеческое сердце. Если только человек прислушивается к нему, он тут же вступает на путь спасения. Но, говоря, что наш Отец Сущий на Небесех, мы должны понимать, что сыновство наше – тоже Небесное. Оно осуществляется нами, как проникновение в Небесное Царство, когда и мы осуществляемся таким же чудесным образом, каким оно даруется нам свыше.

«Таинство есть священнодействие, через которое тайным образом действует на человека благодать, или, что то же, спасительная сила Божия».

Свт. Филарет Московский

В Пространном христианском катехизисе святителя Филатера Московского о Таинстве покаяния сказано так: *«Покаяние есть Таинство, в котором исповедующий грехи свои при видимом изъявлении прощения от священника невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом».* Но ни одно из Таинств не может быть раскрыто до конца, не может быть исчерпано словом катехизиса или внешним описанием. А Таинство покаяния менее других поддается описанию, потому что в нем заложена какая-то двойная тайна: оно еще более сокрыто и не имеет внешнего проявления.

Именно внешнее описание Таинства покаяния представляет большие трудности, тогда как все остальные имеют определенное богослужение. Так, Таинства крещения и

венчания изначально входили в состав Божественной литургии, а Соборование является богослужением утрени. Кроме того, всякое Таинство имеет и свой богослужебный характер, молитвенную и описательную форму. А о Таинстве покаяния такого сказать нельзя. Оно имеет, конечно, свое чинопоследование, читаются положенные предначинательные молитвы, готовящие грешника к покаянию, но они не имеют никакого совершительного значения.

Мы знаем, что центром Таинства крещения является богослужебный момент, когда священник троекратно погружает крещаемого в купель со словами *«Крещается раб Божий* (имярек) *во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».* При Венчании священник трижды благословляет пару: *«Господи Боже наш, славою и честию венчай их».* Мы хорошо знаем, как совершают Таинства евхаристии и елеоосвящения. Эти Таинства можно наблюдать, снять на пленку, показать, объяснить последовательность их совершения, описать в катехизисе.

А что происходит во время Таинства покаяния? Какое священнодействие является в нем основным? Это Таинство наименее уставное и в общем не имеет внешней формы – определенной, устойчивой и неизменной. Складываясь в течение веков по велению Духа Божия, свободно меняясь в зависимости от требований времени, оно принимало различные формы, и ни одна из них не является устоявшейся.

В первые века христианства исповедь носила публичный характер, и исповедующийся нес ответственность именно перед Церковью. Исповедовались обычно те грехи, о которых апостол Иоанн Богослов говорит, как о смертных: убийство, прелюбодеяние, а в периоды гонений – отступление от Христа. Церковь принимала отпавших, согрешивших разбоем, воровством, каким-то другим тяжким грехом, который действительно не давал возможности человеку оставаться в Церкви. И тот, кто хотел вновь соединиться с Телом Христовым, исповедовал свои грехи перед всеми членами Церкви, которая принимала кающегося грешника или до определенного момента не принимала его, давая ему время для покаяния, также носившего публичный характер, с разными степенями несения епитимьи.

Публичная исповедь была для человека колоссальным духовным подвигом. Тот, кто был способен на такую исповедь, приносил глубокое покаяние и уже не имел возможности отступать. Исповедь несла в себе именно исцеление, через покаяние человек становился цельным, целостным, целомудренным, и вся остальная его жизнь была свидетельством принесения плодов покаяния, исправления «жизни напоказ». Вся Церковь (и епископ, возглавлявший в раннехристианской Церкви общину, и вся община) следила за его покаянием, помогала ему в этом труде, видела, как брат становится другим, и с любовью принимала его. Венцом отпущения греха и примирения кающегося с Богом становилось Причащение святых Христовых Таин, то есть вхождение в Тело Христово. Об этом, собственно, и говорит молитва, которую читает священник во время разрешения грехов: Примири и соедини его святой Своей Церкви…

Если Таинство покаяния воспринималось как врачевство, примиряющее с Церковью человека, впадшего в грех к смерти, то повседневная исповедь происходила у человека наедине с Богом. Свои каждодневные грехи христиане исповедовали келейно, на вечернем правиле. Такое покаяние существовало как образ жизни христианина, оно сопутствовало человеку всегда, а не время от времени, не от исповеди к исповеди. И его сердечное сокрушение и покаяние, видимые только Богом, тоже были по сути своей Таинством.

Конечно, мы говорим о раннехристианской Церкви в целом. Никогда не существовало такого идеального состояния, когда все члены Церкви были бы святыми и жили единым духом покаяния. Но духовный уровень жизни христиан первых веков во многом отличался от теперешнего.

Христиане не питали иллюзий относительно своего состояния и понимали, что, крестившись, они сразу святыми не становились. Тем более что новообращенные приходили из языческого мира. Из житий святых мы знаем, что многие из них выросли в смешанных семьях, в которых, например, мать была христианкой, а отец оставался язычником. Христиане понимали, что грехи, которые они несут в себе, как некую болезнь падшей природы человека: тщеславие, гордость, самомнение, самооправдание, лживость, – свойственны всякому человеку и преодолеть их возможно только христианским подвигом покаяния.

В дальнейшем, при возникновении монашества, практика исповеди стала меняться. Основа монашества – послушание, которое проявляется как полное предание воли послушника своему духовному наставнику. Духовное руководство в монастыре стало осуществляться через исповедование помыслов старцу, духовному руководителю. С этим была сопряжена духовная аскетическая борьба. Причем духовником, т. е. тем, кто принимал помыслы – душевное и духовное состояние исповедника, чаще всего был простой монах, так как монашество в первые века не было иерархичным. Одной из традиций монашества было непринятие сана: монах уходил от мира и в силу своего смирения не мог принимать на себя священный сан.

В этот момент к монастырям потянулись за духовной поддержкой и миряне, потому что христианство стало принимать иные формы. Став государственной религией, оно, конечно, потеряло то напряжение духовной жизни, которое имело во времена гонений. Естественно, и грехов стало больше. В христианской среде стало проявляться некое нечувствие ко греху. В маленьких общинах все друг друга знали, все жили одной верой и исповедничеством этой веры и за веру отвечали своей жизнью и своей кровью. Когда христианство распространилось и стало обыденной, традиционной религией для многих людей, человеческая падшая природа начала брать верх над Духом Божиим, принятым человеком в Таинствах крещения и миопомазания. Высота и чистота христианской нравственности стали оскудевать.

Для верующих перестали быть необычными и невиданны ми те грехи, которые считались таковыми раньше, например, блуд, воровство и многие другие, которые принес языческий мир в среду христиан. Публичная исповедь уже не могла удовлетворять Церковь, потому что подобные явления становились слишком широко распространенными, чтобы исповедовать их во всеуслышание. Общественная жизнь требовала сокрытия грехов членов христианской общины. Покаяние стали принимать в монастырях, вошло в обычай исповедоваться тайно. И тогда два способа исповеди – исповедь помыслов, изначально присущая только монашеству, и исповедь тяжких грехов в Церкви – соединились во времени. Исповедь перестала носить публичный характер. Соблюдение тайны исповеди стало законом, а человеком, который олицетворяет Церковь и которому кающийся исповедует свои грехи, со временем стал священник.

Так складывалась современная практика, которая, однако, со временем также может измениться.

«Кто болен и знает свою болезнь, тот должен искать врачевства. Кто объявляет другим болезнь свою, тот близок к уврачеванию и легко найдет оное».

Прп. Исаак Сирин

В таинстве покаяния встречаются два человека – священник и кающийся. Причем, священник не является совершителем Таинства, совершается оно Духом Святым, и принимает покаяние Сам Господь. Священник говорит о себе, что он тот, кого Церковь уполномочила быть только свидетелем покаяния.

В течение долгого времени, когда духовниками были простые монахи, не облеченные священным саном, Таинство исповеди, тем не менее, совершалось. И в словах апостола

Иакова – исповедуйте друг другу согрешения ваши (Иак.5,16) не говорится же, что грехи надо исповедовать только священнику, хотя чуть раньше (Иак. 4,14) он совсем иначе говорит о Таинстве Соборования – да призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господа, – явно указывая, что совершителем этого Таинства является епископ.

Каждому из нас дана власть прощать и вязать – разрешать грехи. Мы можем простить обиды которые были нанесены, прежде всего, нам лично, поэтому и говорим, – Бог простит. Мы имеем такую власть – от имени Божьего действовать на земле. Я тебя прощаю, и тебя прощает Сам Бог в моем лице. Мы говорим не задумываясь, а на самом деле Господь дает нам очень большое дерзновение: что свяжешь, то будет связано, что разрешишь, то будет разрешено. Так и священник говорит только те слова, которые ему Господь поручил сказать: *«Я, недостойный, властью мне данною прощаю и разрешаю тебя от грехов»,* то есть властью, данной просто объявить тебе, что как кающийся грешник ты обязательно будешь прощен.

Это непривычно звучит, но в исключительных обстоятельствах таинство покаяния может совершаться и без священника. Если священника нет, а человек кается? Если он кается на смертном одре, а позвать священника нет возможности? Значит ли это, что Таинство покаяния не совершается?

В этом есть какая-то неизреченность. С одной стороны, если стать на такую точку зрения, то Таинство будет профанировано, потому что священник, конечно, необходим. Но с другой стороны, в исключительных случаях, когда рядом нет священника, и нет возможности никому исповедаться, но человек находится в состоянии глубочайшего покаяния, как скажем, Мария Египетская в пустыне, Таинство, несмотря ни на что, совершается, и действенность его доказывают плоды, которые принесла преподобная Мария. Нельзя сказать, что человек, не имеющий возможности позвать священника, но искренне кающийся, находится вне Церкви и не желает принести свои грехи на свидетельство Церкви. Но знаком того, что, тем не менее, это Таинство церковное и соборное, является то, что при первой же возможности Мария Египетская объявила свои грехи всей Церкви в лице преподобного Зосимы.

Священник несет на себе ответственность свидетельства всей Церкви о том, что был человек мертв – и ожил, пропадал – и нашелся. Своим присутствием он свидетельствует перед Богом, что человек принес на исповедь всего себя, что он ничего не хочет утаивать, и поэтому исповедуется перед Церковью, а не только перед Богом, которому и так все известно о нас, которого бесполезно обманывать, потому что Господь всегда присутствует при совершении греха.

Очень важно, что человек не стыдится и приносит себя Церкви, показывая этим, что *«вот я весь перед вами, а не подобно Анании и Сапфире утаиваю часть имущества от Церкви и только часть отдаю. Я не хочу лгать Святому Духу, а хочу принадлежать Церкви до конца»*.

В отличие от других Таинств, священник, принимая исповедь, выступает и как священник, и как народ Божий, представляя собой образ христианской общины и образ самой Церкви, которая, как Богочеловеческий организм, несет в себе силу, исцеляющую кающегося грешника, и через Духа Святого подает ему силы для борьбы с грехом и для победы над ним.

«Должно быть, тяжело для вас, отец Иоанн, слушать и принимать исповеди человеческих грехов..»? Я ответил: *«Это – Пасха! Это радость большая – принимать искреннее покаяние, все равно в каких грехах (и чем больше грех человека, тем радостнее его покаяние). Человек освобождает от смерти свою душу – это радость».*

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Исповедь совершается между человеком и Богом, и личность священника никакого тайносовершительного значения не имеет. Но Церковь не просто Божественный, но Богочеловеческий организм. Во всех Таинствах присутствует этот образ Богочеловечества, и в Таинстве исповеди в том числе. Священник, принимающий исповедь, часто становится помощником кающегося на его духовном пути, и тогда личность священника на исповеди уже имеет значение, как духовного руководителя. Но участие священника не сводится только к этому.

В древней русской практике священник, разрешая грехи, произносил: *«Грехи твои на вые моей, чадо»,* – и клал руку грешника себе на шею, показывая тем, что Церковь берет его на себя, как заблудшую овцу. Это не значит, что сам священник принимает лично на себя его грехи, но он выступает от имени всей Церкви, выражая этим, что именно так происходит в ее жизни: когда болит один член, болит вся Церковь. В этом случае вся Церковь страдает в лице священника. Всегда, когда приходит кающийся грешник, именно священник должен стать той Церковью, которая страдает вместе с ним.

Личность священника имеет колоссальное значение. В Таинстве исповеди он не может равнодушно фиксировать покаяние чужого ему человека, но должен насколько возможно глубоко молитвенно принять в свое сердце грехи своего чада. Никакая исповедь для священника не проходит бесследно, не является простым разговором, его участие не сводится к тому, что он, как понятой, призван свидетельствовать, что совершено преступление. Состояние священника на исповеди – это принятие на себя Церковью боли страдающего брата.

С одной стороны, священник во время исповеди духовно открыт для восприятия этой боли. Имея в себе такую готовность и сострадательную любовь, подражательную Христу, духовник должен быть совершенно открыт, чтобы всякая рана, нанесенная человеку сатаной, грехом и собственными страстями, была болью и для самого священника. Как Церковь, он должен почувствовать эту боль, переболеть ею, потому что Церковь – единый организм, в котором боль одного члена отзывается во всем теле.

С другой стороны, при совершении Таинства священник безмерно защищен милостью и благодатью Божией от того, чтобы разрушительная сила греха не разрушала его самого. И благодать Божия, которая покрывает священника, это благодать, дарованная всей Церкви, как благодать исцеляющая, как благодать Духа Святого, оскудевающее восполняющая и немощствующее врачующая, как говорится о ней в Таинстве хиротонии.

В Таинстве покаяния в лице священника Церковь раскрывает себя и с Божественной, и с человеческой стороны. И, с одной стороны, священник, как человек, являющий Богочеловечность Церкви, должен взять на себя боль другого, а с другой стороны, как образ Первосвященника Христа, должен подать человеку врачевание через человеческое участие, исходящее от Бога.

Священник выступает в Таинстве покаяния, как милосердный самарянин (см. Лк. 10, 30–35), пользуясь благодатью церковной, способной исцелять раны. Священник обладает этими дарами, чтобы через него они были преподнесены кающемуся грешнику. В этом смысле он не просто священник, его священство – благодатная сила Церкви. Хотя по-человечески для многих священников такое отношение к покаянию является настоящим подвигом.

Именно священник – это Церковь, которая подает исцеление грешнику, и радость, которая охватывает человека в Таинстве покаяния в момент исцеления от греха, это та радость, которой радуется Церковь, которой радуется все тело, когда радуется один член, и священник не может не испытывать таких благодатных состояний. Это именно тот момент, когда он выступает как сама полнота Церкви Христовой.

Подобное состояние описывал протоиерей Глеб Каледа, когда ходил исповедовать в тюрьмы и общался со смертниками. Незадолго перед смертью этот 70-летний священник,

просветленный и полный радости, говорил: *«Отцы, что же вы в тюрьму-то не идете? Это такая радость»!* Эту радость исцеления он постоянно чувствовал на себе, как рождение новой жизни. Для священника она всегда является благодатной платой за боль, которую он на себя берет, и эта благодать в Таинстве исповеди совершенно покрывает все тяжести, которую он возлагает на «выю свою», принимая на себя исповеди других людей.

«Нет неправды у Бога. Бог не оставит неисполненным того, что Он предоставил исполнить Себе, когда исполним то, что мы обязаны исполнить».

Прп. Макарий Великий

Если понятно, что исповедь – не разговор со священником, а приход к Богу, то и самим исповедником она должна восприниматься не как возможность получить совет и утешение у священника, даже очень хорошего и мудрого, а как возможность прийти прежде всего ко Христу и как его собственный духовный труд. Как говорят святые отцы, Бог спасает нас, но не без нас.

Очевидно, что Таинство покаяния может совершаться по-разному в зависимости от обстоятельств жизни человека. Человек может каяться перед священником, у которого есть епитрахиль и есть требник, но Таинство может совершаться и вне храма (как это было во время гонений), и без епитрахили, и без креста и Евангелия. Для самого Таинства покаяния нужно только покаяние, и больше ничего. Даже если все присутствует – и грешник, и священник, и епитрахиль, и храм, и требник, и крест, и Евангелие, – и прочтены все молитвы, и на голову грешника накинута епитрахиль, и сказано «прощаю и разрешаю», Таинство может и не произойти.

А как же происходит Таинство покаяния? Как мы уже говорили, это одно из самых таинственных Таинств. Все в нем неизреченно, неописуемо и неизъяснимо, и есть только определенная форма, которая дает нам возможность осознанного участия в нем. Потому что если мы не можем описать, как Господь словом мир сотворил, то и как Господь новотворит человека тоже описать невозможно.

Часто человек находит для себя компромиссный вариант покаяния, как раз тот, который можно описать словесно, который можно сформулировать, как Таинство, пригодное для учебника покаяния по вопросно-ответной системе. Кающийся приходит на исповедь и перечисляет свои грехи, священник ему отпускает эти грехи, и человек от своих грехов освобождается. В таком случае Таинство исповеди становится ординарным событием, происходящим у людей время от времени в течение определенных периодов жизни. Наступает пост, человек идет на исповедь, причащается святых Христовых Таин… Пост проходит, человек живет дальше до следующего поста, до следующего Причастия, до следующего покаяния. К величайшему сожалению, сейчас Таинство покаяния существует в сознании многих людей как отдельная треба, которая совершается многократно, когда они испытывают в ней нужду.

Сделав для себя исповедь «Таинством многоразового использования», наше сознание и живет от исповеди до исповеди. Если мы не научились осознавать и выстраивать свою жизнь, как единый непрерывный путь к Богу, она становится прерывистой, случайной, когда человек не живет покаянием, а лишь иногда приходит на исповедь и кается. Но нельзя отделить Таинство покаяния от самого пути покаяния. Где совершается Таинство покаяния? Когда? На каком этапе исповедь становится движущей силой?

Для человека, который живет покаянием, исповедь каждый раз совершается по-новому, не так, как совершалась прежде. Это не всегда осознается, но это так. И каждый раз она требует особенного, личного подвига. Не только помощи Божией, но и человеческого подвига и человеческой решимости в борьбе со грехом.

С одной стороны, мы знаем, что Бог обладает всеведением, Ему открыта судьба человека еще до его рождения, существо человеческое от Бога не утаено. Но, с другой стороны, человеку дана свободная воля, человек сам собой распоряжается, и Господь

никаким образом не может потревожить свободу человека. Такие образы Он Сам дает нам в Своем воплощении.Он рождается, как Младенец, Которого Матерь Божия пеленает пеленами, связывает по рукам и ногам. Он приходит в мир Богом, и с самого начала связан в своих действиях, не свободен, если хотите. Слово, может быть, не совсем соответствующее природе Божества, но оно еще раз потом определяется, когда мы видим Христа, сидящего у Пилата в темнице, связанного по рукам и ногам, несвободного, заключенного людьми. Мы знаем, что Бог совершенно свободен, Он так и говорит Петру, который пытается Его защищать от стражников в Гефсиманском саду: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов»? (Мф. 26, 53) У Него есть свобода защищаться, но Он связывает Себя Собственной волей, чтобы человеческая свобода торжествовала даже таким образом.

Поэтому если каждый человек и предопределен ко спасению, это не значит, что каждый будет спасен. Промысл Божий о каждом человеке в том, чтобы он осуществил свое изначальное сыновство в Боге. Но осуществить его дано только тем, кто употребляет для этого свою свободную волю, желает отечества в Боге и своего усыновления. А те, кто отвергает его, вместе с этим отвергают и спасение.

«Сам Искупитель предлагает для всех одно делание, объемлющее все прочие делания, и повелевает апостолам говорить всем одно: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное».

Прп. Марк Подвижник

Все Таинства, которые совершаются в Церкви, не могут быть совершены без личной веры и изъявления свободной воли человека. Таинства не заканчиваются в момент произнесения священником отпуста в конце обряда, а должны продолжаться и после разрешительной молитвы. Крещение младенцами не осознается, но мы крестим их исключительно по вере родителей и крестных, которые обязуются воспитывать их в вере. Осознанное желание полноты брака является основанием для совершения Венчания, хотя в самый начальный момент люди не способны до конца войти в это Таинство, а осознают его по-настоящему в течение всей последующей жизни, глубоко принимая на себя или, наоборот, отвергая, созидая свой брак или разрушая его. В Таинстве священства желание служить Богу до конца является основанием для его совершения, чтобы затем оно происходило и дальше, осуществляясь всей последующей жизнью человека.

Таинство покаяния, это тоже Таинство жизни человека, – не просто единомоментный акт, а действие Духа Святого в душе человека до окончательной победы над грехом.

Таинство покаяния занимает исключительное место среди других Таинств, так как является основанием для осуществления в человеке всех остальных Таинств. Если человек крещен, венчан, рукоположен, но Таинство покаяния в нем не совершается, то все остальные Таинства лишаются благодатной силы. Дух Святой не может действовать в человеке, благодать остается, но не осуществляется, потому что Дух Святой действует в человеке не без участия человека. Всякое Таинство – это прежде всего сотрудничество, синергия, действие одновременно человека и Бога, и действие человека осуществляется через Таинство покаяния.

Если в человеке имеется залог Духа Святого через Таинство крещения, то осуществляется человек как Сын Божий в этом Таинстве через покаяние. Если в человеке есть супружеская любовь, осуществленная как залог Духа Святого в Таинстве венчания, то осуществляется это Таинство через постоянное самоукорение, внутреннее покаяние и стремление нести тяготы друг друга. И, конечно же, особенным образом это связано с Таинством причащения.

Поэтому о покаянии можно говорить как о Таинстве, которое наполняет собой и наполняет смыслом жизнь человека в любых других Таинствах, которое осуществляет

полноту Таинства крещения, полноту Таинства миропомазания в сошествии Святого Духа, полноту Брака, Священства и полноту его жизни во Христе в Таинстве евхаристии.

«Церковь по своей природе есть бесконечный и непрерывный рост жизни и единой веры; поэтому все в ней соборно, поэтому все в ней непрестанно учатся и сотрудничают для спасения и преображения всех».

Митрополит Амфилохий (Радович)

О каком бы Таинстве мы ни говорили, в само понятие Таинства обязательно должно входить понимание того, что это действие общецерковное. Таинство – это одновременно и действие самой Церкви, и действие, направленное к самой же Церкви, чтобы все стало Церковью. Соборность лежит в существе самой исповеди.

Грех – это зло, которое разлито во всем мире. Он имеет страшную разрушительную природу. Для кающегося человека должно быть понятно, что каждый грех – это убийство всего человечества. Мы не можем сделать вид, что не отвечаем за то, что происходит в мире. Человек не может не ощущать своей ответственности и вины за то, что в мире на его глазах случилось несчастье. Во время природных катаклизмов или катастроф, подобных захвату заложников, мы все интуитивно чувствуем, что каким-то образом отвечаем за них. Когда в больнице умирает близкий человек, всегда присутствует ощущение вины за его страдания, которое трудно себе объяснить, ведь ты вроде бы ни в чем не виноват. В романе «Братья Карамазовы» Достоевский написал, что всякий перед всеми виноват. Это ощущение взаимной вины есть осознание того, что грех – это смерть, что грех несет с собой смерть.

Исповедь человека – это исцеление не только самого человека. Это исцеление мира. Изменяется поврежденная грехом природа человека, и – природа вокруг него, и – природа его отношений с другими людьми. Исцеляется некое пространство жизни, которое человек исказил своим грехом, хотя внешне это может быть и незаметно.

И в этом смысле Таинство покаяния, Таинство победы над злом, является осуществлением Церкви. И поэтому каждая исповедь – не только твое личное, индивидуальное дело, не просто дело каждого отдельного человека, но дело именно церковное. Церковь принимает на себя эту рану, Церковь ее залечивает, и через это сама Церковь становится исцеленной.

«И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек».(1Ин. 2, 17)

Мы называем Покаяние вторым Крещением. Всякий раз, когда человек по-настоящему глубоко переживает его, он становится иным. Покаяние может быть его новым рождением, в этот момент он осуществляет победу над временем и становится вечным. Приходя спасать грешников, Господь все-таки ищет в них что-то, принадлежащее вечности, чтобы через покаяние приобщить их к бессмертию.

Какое великое, неизреченное чудо – то, что было, вдруг исчезает, совершенно тонет в милосердии Божием, действительно доказывая, что зла просто нет, что оно не имеет своего бытия в вечности. Но, в отличие от греха, который может быть побежден и совершенно истерт из истории человечества, осуществленная добродетель, приобретенная человеком через борьбу с грехом и истинное покаяние, остаются и в истории, и в вечности.

Грех – временное нечто, чего Бог не сотворял, чего быть не должно. Человек, искаженный грехом, – какая-то химера, миф о человеке. Страшно видеть, как истинный полный жизни и вечности человек, существо богоподобное, становится настолько поглощенным временным и несуществующим, что самого человека практически уже и нет – осталось одно безобразие и уродство. Во всем, что бы он ни делал, – пустота; все, что бы он ни сказал, – ложь; вся жизнь человека превращается в то, чего нет. А когда в человеке ничего нет вечного, тогда там нечего и спасать. Это уже окончательная погибель.

Смерть грешника тем страшна, что в нем – одна пустота, спасать уже нечего. Но человек, который сочетается с добродетелью, не исчезает, когда умирает, а даруется всему человечеству, осуществляется в человечестве через пространство, через время, через совсем иные измерения. Полторы тысячи лет назад умер человек, а мы сегодня говорим: *«Святителю отче Николае, помоги».*

Если человек борется с грехом, если он исповедуется, то ему становится очевидным, что грех – абсолютное ничто. И получается так, что само Таинство исповеди – это Таинство победы вечности над временем в самом человеке. В своем временном состоянии человек способен так прикоснуться к вечности, что она может его заполнить, заново родить и все временное в нем победить.

Человек, как существо телесное, не способен нести в себе духовное до конца; как существо, приобщенное к земному, не может стать небожителем одномоментно, – это дело всей его жизни. Но когда, наконец, земля становится небом в человеке, когда временное уходит, а вечное настает, тогда-то человек и способен осуществить в себе то, что Господь дарует ему через Таинства Церкви. И тогда то настоящее, что принадлежит вечности и Духом Святым в нем оживлено, вдруг в человеке побеждает.

Таинство Таинств

«Никакое Таинство не бывает совершенно без Причастия». Прп. Максим Исповедник

«Завершение всякого священнодействия и печать всякого Божественного Таинства есть Священное Причащение». Св. Симеон Солунский

Мы говорим, что евхаристия – это Таинство Таинств. Значит, нет Таинства, которое не освящалось бы евхаристией, не было бы глубоко с ней связано.

В древности существовали крещальные Литургии, Таинство брака совершалось только на Литургии. Таинство священства до сих пор совершается во время Литургии. Так ли это в отношении других Таинств?

Соборование как будто никак не связано с Литургией – ни по чинопоследованию, ни по символике. Но интересно, что в древности оно совершалось не совсем так, как сейчас, когда мы все собираемся раз в год на Таинство соборования, и осмыслялось оно иначе – как приход Церкви к немощному и больному человеку, «на одре лежащему», как говорится в молитвах. Немощный, больной человек не имел возможности прийти в Церковь на евхаристию, и к нему приходила Церковь. В первый день приходил один священник читать над ним Евангелие и молитвы и помазывал его. На другой день приходил второй священник, и так всю неделю в течение семи дней приходили семь священников. И наконец они собирались вместе, помазывали его в последний раз, читали над ним общую молитву, а потом причащали его святых Христовых Таин.

Поэтому нельзя сказать, что Соборование не связано с евхаристией. Сама Церковь приходила человека исцелить и через Таинство соборования подготовить к Причащению святых Христовых Таин. Это до сих пор сохранилось в нашем сознании как традиция причащаться на следующий день после Соборования.

И Таинство исповеди глубочайшим образом связано с евхаристией, как допущение или недопущение человека до евхаристии.

Существовавшая в древней Церкви публичная исповедь была связана только с евхаристией. Она имела смысл, как отвержение согрешившего человека от возможности причащаться или соединение его с евхаристией через покаяние. А отлучение человека от Церкви означает отлучение не от формального членства в Церкви, а прежде всего от евхаристии: священника – от возможности служить Литургию, мирянина – от

возможности причаститься. А подходит человек к евхаристии только в покаянии, только примиренный, только с разрешением приобщаться святых Христовых Таин.

Какие слова произносит священник, читая разрешительную молитву? Примири и соедини святой Твоей Церкви… А примирение с Церковью – это вхождение в евхаристию. В этом и заключается глубокая связь Таинства исповеди и евхаристии, духовной жизни человека и его участия в Литургии.

Таинство покаяния глубоко связано с Таинством евхаристии, потому что Таинство покаяния это Таинство Церкви. Оно не только имеет целью самоусовершенствование, не только является средством преодоления недостатков, но определяет: ты в Церкви или ты вне Церкви, ты с Богом или ты не с Богом, ты принимаешь Христа или отвергаешь Его, потому что уже настолько искажен, что должен что-то сделать, чтобы себя исправить и принять Христа. Только ради этого человек кается. Только ради этого он трудится над собой и приносит плоды покаяния, смысл которых в том, чтобы соединиться со Христом в Таинстве евхаристии.

«…им следовало бы бежать к духовному отцу своему тотчас по падении, и сделать это не по чему другому, как по желанию поскорее омыть скверну греха, оскорбившего Бога, и принять новую силу против себя самого в святейшем Таинстве покаяния и исповедания».

Прп. Никодим Святогорец

Многие священники, даже митрополит Антоний Сурожский, выступают против частой исповеди, считая, что можно приходить на исповедь раз в месяц, а то и реже, и что в этом случае человек по крайней мере придет с покаянием, сможет себя оценить, осознать свою греховность и будет каяться более глубоко. Если встать на такую точку зрения, то может показаться, что то же самое можно сказать и о Причастии: если человек будет причащаться редко, то он будет причащаться достойно. Некоторые священники, не допуская людей до частого Причащения, аргументируют это именно тем, что Причастие становится формальностью.

Трудно согласиться с таким мнением. Общение с Богом, если оно истинное, не может быть формальностью, будь то в Таинстве покаяния, в Таинстве причащения или в молитве. Формальным оно может стать само по себе, и зависит это не от того, часто или нечасто человек приступает к Таинству, а от того, как он к нему относится: насколько глубоко он понимает смысл исповеди или смысл своего участия в Литургии, насколько он вообще живет духовной жизнью. Если человек горит сердцем и живет духовной жизнью по-настоящему, то ничего формального в его отношениях с Богом быть не может.

В современном мире для большинства новоначальных христиан частая и подробная исповедь является важнейшим моментом катехизации, возможностью услышать от священника ответ на вопросы, необходимые для духовного становления.

А можно приходить на исповедь раз в год, перед Великим Четвергом, как это, к сожалению, часто и происходит,но совершенно не видеть своих грехов. Но если же человек желает честно на себя взглянуть, то покаяние пробуждается в нем как естественная потребность.

Грех пугает, и если человек не может, не хочет с этим жить, то ноги сами несут скорее его на исповедь. Как же он будет ждать целый месяц? Как только почувствовал, что тебя уязвил грех, беги скорее к врачу. А чем больше времени проходит, тем бесчувственнее становится душа. Состояние окамененного бесчувствия и происходит от того, что человек находит для себя возможность терпеть греховную уязвленность, отложить возможность покаяния. Вспоминается блаженный Августин, который, будучи еще грешником, молился: *«Господи, спаси меня, но только не сейчас». Именно уязвленность грехом должна подвигать человека тут же бежать на исповедь, сразу просить помощи и духовного совета у духовника.*

Возможно, человек и не может за неделю принести серьезных плодов покаяния, но он все время должен быть в пути.

«Кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога».

Прп.Каллист и Игнатий

В разных странах существует разная практика исповеди, не везде она обязательно сопряжена с Литургией. И это великая радость, что в Русской Церкви сложилась такая замечательная традиция – всякий раз перед евхаристией примиряться с Богом. Но именно поэтому Таинство покаяния иногда воспринимается некоторыми людьми не как Таинство Царства Небесного, а как некий пропуск к Причастию святых Христовых Таин. Конечно, все всегда говорят, что это не так, но внешне именно так и происходит: сначала ты идешь на исповедь и получаешь разрешение причащаться. А исповедь – это не разрешение причащаться, а соединение с Церковью, от которой грех отлучает человека.

Если понимать Таинство исповеди как разрешение на Причащение, тогда и причащение, и покаяние мыслится, как дело личное. Мое личное дело с моими личными грехами рассмотрено священником, наложена определенная резолюция, и теперь я гожусь для того, чтобы продолжить свое личное дело и для себя причаститься святых Христовых Таин. Это заблуждение. Для очень многих людей, приходящих в храм за своим собственным маленьким делом, за своей «собственной» благодатью, причаститься и соединиться с Богом – значит что-то у Него взять. Навык такой ложной духовности является одной из самых больших трагедий, которые наполняют нашу церковную жизнь, которая не может наладиться вне взаимного движения всех людей друг ко другу и к Богу. Священническая молитва не пропуск для Причастия, но свидетельство того, что человек рвется к Богу, ищет Его, жаждет Его.

Хотя, с другой стороны, я не считаю, что формальным допущением до Причастия является Исповедь: исповедовался – причащаешься, не исповедовался – не причащаешься. Я думаю, что можно причащаться чаще, чем исповедуешься. Если человек был на исповеди, скажем, неделю назад и ничего особенного о себе сказать не может, но хочет причащаться, имеет дух сокрушенный и примирен со всеми, то почему бы не допустить его до Причастия? Мы так и делаем, когда совершается праздник Пасхи, – все люди причащаются. Не надо этого бояться. Бояться надо – не донести себя до Причастия или не сохранить себя после Причастия.

А если человек не сделал ничего плохого, старался, сохранял себя, если сердце его полно плача перед Богом, достаточно подойти к исповеди и сказать: «Батюшка, вы знаете, я чувствую, что я человек грешный, но ничего нового о себе сказать не могу, но очень хочу причаститься». Будет ли это исповедью? Будет, конечно. Человек не должен быть отвержен, потому что он идет ко Христу, и Христос его не отвергает. Такая исповедь не будет содержать длинного перечисления грехов, может быть, и не надо их перечислять, но свидетельствовать о себе перед Богом, мне кажется, хорошо.

Подходя к Причастию даже после глубокой исповеди, очень важно осознавать, что на самом деле ты почти ничего не исповедовал и каким был, таким же по сути своей и остался. От исповеди человек все равно отходит не праведником, а грешником, не смеющим без трепета прикоснуться к Божеству.Конечно же, после исповеди перед Причастием святых Христовых Таин надо стараться всячески себя блюсти. Если ты кого-то обидел и не примирился после исповеди, то, конечно, как можно причащаться? Но стоит ли впадать в отчаяние от того, что ты поисповедовался и вдруг вспомнил какой-то грех, о котором забыл сказать? Этот грех не является препятствием к Причастию. Надо сокрушиться сердцем и сказать: «И за это меня, Господи, прости», – и идти причащаться.

«Осквернен делы безместными, окаянный, Твоего Пречистаго Тела и Божественныя Крове недостоин есмь, Христе, Причащения, егоже мя сподоби».

Из Канона ко Святому Причащению

Господь принимает нашу исповедь не по количеству исповеданных грехов и не по тщательности выбранных слов, которыми мы перечисляем наши согрешения. Именно то, что в нас столько грехов, которые мы не то что не исповедали, но даже еще в себе и не увидели, и ставит нас в состояние недостоинства подходить к Чаше. Исповедались, а грешниками остались, но Господь нас принимает. По милосердию Своему принимает нас, грешных, если видит желание покаяния и решимость бороться с грехом. Принимает и делает другими.

Но если нет у нас ни желания, ни решимости, то ничего не сделает и Господь… Причастишься, и тут же растеряешь полученную благодать. Если мы подходим к Чаше с полным равнодушием и пониманием, что мы такими же и останемся, если нам даже и хотелось бы стать другими, но хотелось бы все-таки немножечко и прежними остаться, – вот что ужасно. Когда остается в сердце такое чувство, что ты другим быть не хочешь, что тебе жалко лишаться многих мелочей, что тебе хочется еще этим насладиться, к тому пристраститься, что-то еще раз попереживать, как раньше переживалось, – вот это беда.

Господь допускает нас к Причастию не потому, что мы достойны, не потому, что теперь, после исповеди, мы имеем право причащаться. Никогда никакого права мы не имеем. Но такова безмерность человеколюбия и милосердия Божия, что несмотря ни на что Он принимает нас такими, какие мы есть.

Всякое Таинство – это страшная встреча человека и Бога. «Страшно впасть в руки Бога живаго». (Евр. 10, 31), – говорится в Священном Писании. Во всяком Таинстве страшно. Таинство причащения Святого Тела и Крови Христовой наиболее страшное. И Церковь через апостольские послания, через учения святых отцов не устает говорить нам, что никто не может достойно причаститься. Как ни готовься, как ни молись, как ни постись… Возможность приобщаться Телу и Крови Христовым дает только одно – дух сокрушения и полное понимание того, что ты не можешь причащаться, но ты никак не можешь и не причащаться, потому что это единственный источник твоей жизни.

Только Таинство покаяния является основанием и надеждой, что это причащение и соединение человека со Христом будет ему в радость и в жизнь вечную.

Любовь изгоняет страх

***«Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной».* (1Тим. 1, 16)**

«Имеет меру злоба ваша, но врачевство против нее не имеет меры. Порок человеческий имеет предел, а человеколюбие Божие – беспредельно».(Св. Иоанн Златоуст)

Порой для многих неверующих людей грань между тем, что хорошо и что плохо, более определена, чем для некоторых христиан, запутавшихся в ложных, поверхностных представлениях о духовной жизни. «Что бы мы ни сделали, все плохо, все недостойно», – часто говорят верующие, не понимая, что этими словами они обесценивают всю человеческую жизнь. Неверующие же обычно оценивают все соизмеримо своей совести: добрый поступок – это добрый поступок, а плохой поступок – плохой; прожив обычную жизнь, не нарушая норм, установленных обществом, они привыкли считать себя порядочными, хорошими и нормальными людьми.

Приходящие в Церковь новоначальные, конечно, многое оценивают совершенно иначе, чем это оценивает Церковь. Впервые подходя к исповеди, они берут в руки книги, созданные именно для того, чтобы помочь им в подготовке к этому Таинству; но на самом деле встречаются с серьезными проблемами, потому что далеко не всегда такие книги приносят пользу. Есть среди них очень хорошие. Лучшая, а может быть, единственная –

«Опыт построения исповеди» архимандрита Иоанна Крестьянкина, хотя и она для новоначальных слишком сурова.

Но в основном в книгах об исповеди человеческая жизнь преподается как сплошной грех, который никак и ни в чем не имеет оправдания. Новообращенный человек, взяв в руки книгу, написанную о грехе и об исповеди формально, приходит в замешательство, когда видит список грехов, в которых, оказывается, надо каяться, а он их как грех еще для себя не осознает. Имея плоды нормальной хорошей человеческой жизни – дети, семья, работа, что-то вокруг себя создал: дом построил, огород вскопал, – человек не может понять, почему добрые дела, которые он совершал, на самом деле добрыми делами не являются. Из подобных книг он узнает, что жил невенчанным, что его любовь оказывается сплошным не доступным пониманию грехом, детей не крестил, добрые поступки, которые совершал для других людей, в своей основе имеют мелкое тщеславие… То есть все, что бы он ни сделал, оказывается подсудно – человек уничтожен, его нет, спасать некого.

В некоторых книгах подобное перечисление грехов доходит до абсурда. Мне приходилось видеть книгу, написанную петербургским священником, которая называлась «Исповедайтеся Господеви». В ней подробно перечисляются всевозможные извращения, называются такие грехи, которые непристойно даже произносить. Для кого это написано? Что же это за христиане, если у них такие грехи? Они и христианами-то называться не могут. Часто в списках грехов не делается разницы между строгой аскезой и образом жизни недавно обращенного человека, хотя многое очевидно недопустимое, скажем, для монаха (например, пригласить девушку на вальс) вполне может себе позволить верующий мирянин.

Появляются наставления неизвестно откуда взявшихся «старцев», которые тоже учат, как надо правильно каяться. И если эту книжечку внимательно прочтешь, то обязательно дойдешь до какого-нибудь психического расстройства. Там все грехи названы в женском роде, «я делала то-то и то-то…», культивируя отношение к женщине, как к рабскому существу, готовому все принять за чистую монету и подчиниться любой несуразице. Ясно, что такие вещи могут только поработить человеческое сознание, как это делается в тоталитарных сектах.

Подобные книги представляют человека, как сгусток зла, который не может рассчитывать на прощение. Уничтожая любую возможность осознать себя, как богоподобную личность, они ввергают его в ложное духовное состояние, не дают возможности на что-то опереться и осмыслить свою жизнь в категориях нравственности, совести, своего изначального стремления к добру и справедливости. Это не вызывает ничего, кроме отчаяния, опустошения и протеста. Человек приходит на исповедь раздавленный, уничтоженный, не имея никакого основания для веры в то, что Бог может его простить.

В самой структуре таких книг, в отношении к человеку, как к преступнику, есть что-то инквизиторское. Поэтому надо быть очень осторожным, беря в руки подобного рода труды, иначе можно впасть в отчаяние и вообще отойти от Церкви.

Конечно, встречаются книги более или менее хорошо написанные, но даже книга святителя Игнатия Брянчанинова способна произвести тяжелое впечатление, потому что построена достаточно схематично: есть добродетели, которых у нас нет, есть грехи, которых у нас слишком много, и есть форма, по которой мы исповедуемся. Но есть еще и живой человек, который хочет стать другим, который трепещет Господа и который только-только нащупывает к Нему тропинку. Опоры в Боге у него еще нет, он пришел, чтобы ее найти, и, возможно, не знает, что Господь с любовью смотрит на всякого кающегося грешника, приходящего к Нему.

«Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». (Быт. 4, 7)

«Нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного».

Прп. Исаак Сирин

Вся жизнь человека сопряжена с грехом. Это страшно, но не безысходно. Действительно, наша жизнь есть непрестанный грех перед Богом, но так ли на нас смотрит Господь, как об этом говорят авторы книг об исповеди, где всякая мысль, всякое пожелание представлены, как греховные?

У многих людей (да и у меня самого так было) после первой исповеди остается очень тяжелое чувство: «Как же теперь жить, куда идти? Вот я приду домой, а отношения там сплошь греховные… На работе – то же самое… Ведь так быстро жизнь нельзя изменить. Что же делать? Нельзя же после исповеди сразу пойти в монастырь… Начать молиться? А я и молитв никаких не знаю… Любить Бога? А я любить не умею…»

Это серьезная проблема и большое препятствие для приходящего на исповедь человека. Испугавшись греха, люди теряют вкус к жизни и воспринимают ее, как необходимость спрятаться от греха, от любой ситуации, где можно каким-то образом согрешить, а в конце концов – спрятаться от самой жизни.

Из таких людей собираются целые сообщества христиан, которые боятся жить. Не грешить, а именно жить. Чувствуя свою постоянную зависимость от греха, они боятся делать любое дело, потому что за него придется отвечать. Испуганный человек ни на что не пособен, не способен он стать и членом Церкви, потому что не может выполнить никакого послушания. А вдруг не выполнит и согрешит? Лучше не делать. Одна женщина на мой вопрос: «Что же ты не помолишься за такого-то?» – ответила: «Как же я за него буду молиться? Начну молиться – пойдут искушения. Искушения пойдут, я их не выдержу, согрешу. Я не могу молиться за такого человека».

И многое другое люди не делают из страха согрешить. Есть даже известная поговорка «побольше поспишь, поменьше согрешишь». Эти люди представляют в Церкви достаточно большую массу аморфных, испуганных и забитых прихожан. В нашем поколении таких очень много, иногда они производят впечатление умопомраченных, потому что их боязнь жизни сопряжена с различными фобиями. Боящийся жизни начинает бояться людей, ему кажется, что все вокруг него злые, не так на него смотрят, чего-то от него хотят, а оставшись в вакууме, он становится агрессивным. Это несчастные люди, которые были напуганы неправильным отношением к исповеди и ко греху. Человек, который любит Бога, не может жить с таким сознанием, потому что любовь изгоняет страх (1Ин. 4, 18).

Если в бездействии нет возможности согрешить, то нет и возможности принести какие-то плоды для Бога.

«И когда снова ошибешься и падешь, снова кайся. Не отчаивайся, найди в себе отвагу и надежду. Говори: «Прости меня, Христе мой, снова каюсь!» Не говори: «Мне уготован гнев Божий». Не грех ли? Человецы есмы».

Старец Иосиф Афонский

В притче о талантах (см. Мф. 25, 14–30) господин раздает своим рабам таланты, кому – пять, кому – два, кому – один, каждому по силе его, и просит употребить их в дело. Говоря проще, нашим языком, это некая финансовая сделка, может быть, банковская операция, в которой человек должен вложить деньги и получить на них банковский процент. Операция эта достаточно рискованная: вложишь не туда – и тебя обманут. Можно все деньги потерять, но ведь можно и что-то приобрести, если поступить правильно.

Раздавая деньги своим рабам, господин понимает, что рискует. Определенная доля риска заложена во всякой финансовой операции. Вложенные средства могут принести прибыль, но могут быть и убытки. В притче не говорится прямо, но можно понять, что

господин дает своим рабам право ошибиться, потерять эти деньги. Но он не дает им одного единственного права – эти деньги зарыть.

«Господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал» (Мф. 25, 24), – говорит господину раб. Вот сознание людей, которые боятся жить и поступать по-христиански. «Как же я возьмусь это дело делать, если за него придется отвечать на Страшном Суде! Как же я буду помогать близким или молиться за них… Как же я возьму на себя труд ухаживать за старушкой, а если я не смогу? Если не потяну? Как же потом отвечать перед Господом? Да я лучше вообще ничего делать не буду!»

Но разве Господь человек жестокий? Отвечая на это, Господь говорит: «Вот только за то, что ты испугался жить, не захотел даже попробовать что-то сделать, испугался, вот за это Я тебя буду судить, раб ленивый и лукавый, а не за то, что ты потерял бы эти деньги, что ты мог бы их не сохранить».

С нами чаще всего так и бывает: Господь нам дает таланты, а мы их не сохраняем. Таинство исповеди как раз имеет своей целью примирение с Господом человека, который не сохранил свои таланты, не зарыл, а именно не сохранил. Ему дана была возможность их употребить, но он не смог этого сделать по своей глупости, по своей неловкости, по своему неумению, по своему легкомыслию, по какой угодно причине, просто по своей греховности. Он их растерял, но он их не зарыл. И поэтому он имеет возможность примириться с Богом через исповедь.

Но для человека, который зарыл свои таланты, исповедь как Таинство может не состояться, потому что он перед Богом как бы ни в чем не виноват. Внутренний протест против Бога, как против человека жестокого, которого боишься, которого трепещешь только потому, что тебе придется отвечать за свои ошибки, не дает человеку возможности исповедовать свои грехи, даже если он часто приходит на исповедь.

Но вспомним, что говорит Господь Каину перед тем, как тот готовится убить Авеля. Он говорит: «У дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4, 7).

Смерть и время царят на земле,

Ты владыками их не зови.

Все, кружась, исчезает во мгле.

Негасимо лишь Солнце любви.

В. Соловьев

Когда Святая Троица творит свободного человека, из этого неизбежно вытекает возможность греха. Господь знает о Своем крестном подвиге, и он мыслится именно как дарование свободы и искупление Богом человека. Если человек не искупается Богом, то отвечает за свои поступки по закону. Но Господь изначально приносит Себя в жертву за наш грех, и это позволяет нам поступать так, как мы решаем в данный момент. Господь дает нам свободу, а свобода, данная человеку, предполагает ошибки.

Свобода слишком великий дар, его нельзя зарывать. Она делает человека богоподобным. Она дает ему возможность бороться с грехом и приступать к Таинству покаяния.

Осознать рабство, почувствовать в грехе свою несвободу может только свободный человек. Грех тем и характерен, что он делает человека рабом, а обладающий рабским сознанием, раболепствующий, живущий в постоянном страхе и унынии человек не может бороться с грехом. Он будет только бегать от греха, как от бешеной собаки, но грех всегда будет настигать его в каком-то другом месте, как об этом написано у Пушкина:

Напрасно я бегу к сионским высотам.

Грех алчный гонится за мною по пятам.

Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,

Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Кто кем владеет? Кто кому хозяин? Если, действительно, грех властвует над нами и мы боимся его, как нашего господина, а себя признаем его рабами, то мы никогда не станем рабами Божиими, грех не даст нам возможности дышать, жить, он нас запугает, как злая собака пугает маленького ребенка, так что он боится выходить из дома. Но мы можем властвовать над грехом.

Одно из тяжелых состояний, которое человек выносит из своей исповеди и духовной жизни – боязнь быть виноватым. Самая главная свобода христианина в том, чтобы не бояться быть виноватым перед Богом. Будьте как дети», говорит Господь (см. Мф. 18, 3). Дети не думают, что они боятся быть виноватыми перед родителями, хотя часто бывают виноваты перед ними. Но они знают, что вина их, какая бы она ни была, все равно будет прощена: дети есть дети, родители есть родители. И поэтому дети не боятся жить. Конечно, можно запугать ребенка до такой степени, что он будет бояться своих родителей, но любить их он не будет.

Можно бояться Бога, как забитые дети боятся своих жестоких родителей, но это совершенно не спасительно и убийственно для человека. Жить надо безбоязненно, потому что Господь дает нам некую фору. Он прекрасно знает, что мы не можем не грешить, что по своей падшести мы обязательно согрешим в том или в другом. Но Он нас любит не за то, что мы праведные, а за то, что мы есть.

«Злословить – значит сказать о ком-либо: такой-то солгал, или сблудил, или погневался… А осуждать – значит сказать: такой-то лгун, блудник, гневлив. Вот такой осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей жизни его»…

Авва Дорофей

Как часто, глядя на наших ближних, мы думаем, что их греховные поступки и есть сам человек. Но святые отцы учат, что нельзя отождествлять человека с грехом. И Евангелие дает нам удивительный образ того, как Господь смотрит на человека и как нам надо научиться смотреть на ближнего.

В каждом человеке есть свой Иоанн Креститель – это голос его совести, глас Божий, всегда обличающий нашего внутреннего Ирода, который пытается жить против закона Божия. В Евангелии рассказывается, как Ирод посадил Иоанна в темницу, но тем не менее приходил к нему и «многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (Мк. 6, 20). Удивительно это… Ведь Иоанн Креститель обличал Ирода достаточно грозно. Читая Евангелие, мы слышим, как он называл фарисеев, приходящих креститься на Иордан, порождениями ехиднины, то есть змеиным отродьем (см. Мф. 3, 7). Примерно так же мог он разговаривать и с Иродом. Представим только, станут ли нас слушать люди, если мы попытаемся говорить с ними в такой манере, особенно если они имеют возможность не слушать нас, а посадить в темницу. Но здесь все выходит совсем по-другому.

Ирод – это сын того самого Ирода Великого, который убил Захарию, отца Иоанна Крестителя. Сам Ирод, может быть, этого и не знал, но Иоанн Креститель прекрасно знал, что посадивший его в темницу – сын убийцы его отца. Как должен был говорить Иоанн Креститель с Иродом, чтобы тот с удовольствием его слушал? Какие слова говорил пророк этому развратному человеку, живущему в открытом прелюбодеянии, творящему вокруг себя только зло и беззаконие, что тот его слушал со сладостью и многое делал по слову его? Так мог говорить только человек, который не отождествлял Ирода с его грехом, который несмотря ни на что видел в Ироде богоподобную личность, образ и подобие Божие. Очевидно, что только с любовью к Ироду можно было говорить необидно обидные вещи, говорить жестокую правду так, чтобы она доставляла человеку сладость, проникала

до глубины его сердца, действовала на его совесть, чтобы заставляла даже Ирода поступать по слову Божию.

Из Евангелия становится совершенно очевидно, что если бы Ирод не уступил Иродиаде, поступил бы по совести, по закону Божию, он стал бы совсем другим человеком, может быть, стал бы мучеником за Христа, святым стал бы… Такое преображение могло бы с ним случиться, потому что образ Божий, хотя и изуродованный, не теряется и даже такой ужасный человек способен ко спасению, к покаянию и исправлению. Зная это, Иоанн его любил и спасал.

И это должен знать каждый кающийся грешник: он и грех – совсем не одно и то же. Грех может быть так близок к человеку, что уродует его, как кожная болезнь, как проказа. Человек в этой проказе – как в панцире. Но это не он. Он совсем другой. Грех, действительно, можно стряхнуть с себя в один момент. Так мог бы измениться Ирод, нужен

был только решительный шаг ко Христу, и он сразу стал бы другим, Евангелие стало бы другим, мир стал бы другим, все стало бы иным. Но он его не сделал.

Самое главное, что человек должен знать о грехе и зле, что их нет. Одним шагом можно все изменить: и свою жизнь, и жизнь людей вокруг себя. А можно, наоборот, все погубить, как погубил Ирод и себя, и всех вокруг, а потом погубил и Христа.

«Страх греха не спасает от греха, радость о Господе – спасает».

Пресвитер Александр Шмеман

«Он, как видим в Евангелии, никем не гнушался, кто Его ни звал к себе; не возгнушается и нами, яко человеколюбец, аще покаянием очистим домы наша и со смирением попросим Его».

Свт. Тихон Задонский

Лучшее, что можно прочитать, готовясь к исповеди, это евангельские притчи о грешниках. Мне кажется, они должны предварять любую книгу о покаянии. Самое главное, о чем мы должны помнить, когда готовимся к исповеди, это не списки с перечислением наших грехов, а Евангелие, где говорится о любви Христа ко грешникам, о том, как Он обличает праведников, как Он пришел грешников спасти, как Он берет заблудшую овцу на Свои плечи. Лик Христа, Который милует грешника, Который грешника любит, Который не отождествляет грешника и грех, может убедить человека не бояться жить.

Прежде чем человек идет на исповедь, прежде чем ему взять книжечку с перечислением грехов, он должен прочитать Евангелие и увидеть, как к Господу приходят грешники: как к Нему приходит блудница и Он ее прощает; как к Нему приходит блудный сын и Он его принимает; как приходят прокаженные и Он их очищает; как приходит к Нему множество совершенно разных людей, ужасных, больных, и как Он к ним относится, как Он любит этих грешников. Как он с Пилатом разговаривает! Как Он говорит с первосвященниками. С какой любовью Он смотрит на людей, которые Его распинают, плюют в Него, бьют Его по лицу. Если человек это увидит, он не будет бояться жить. Он поймет, что Христос эту жизнь дарует любому человеку, самому ужасному и плохому. Он почувствует, что Христос вместе с ним, что Христос побеждает этот грех за него. И вот тогда он уже не захочет жить с грехом.

Мы все равно останемся грешниками, но это нас не будет пугать, потому что мы знаем, что Господь любит грешников, Он прощает грешников. Но если мы будем грешить по своей воле, то, значит, мы не читали Евангелие, потому что нельзя совместить жизнь в грехе с жизнью в Боге. Значит, мы будем с грехом бороться.

Кто это поймет, тому не будет страшно жить, но ему будет тяжело оставаться прежним, грех будет ему противен, мерзок. Но бояться его он уже не будет, потому что он может его победить.

«Увы мне! В каком я стыде! Сокровенное мое не таково, как видимое! Подлинно, у меня только образ благочестия, а не сила его. С каким лицом прииду к Господу Богу, Который знает сокровенности сердца моего»?

Прп. Ефрем Сирин

Пришли два человека в храм помолиться. И один говорил: «Господи, благодарю, что я не такой, как прочие», – а второй, не смея возвести глаза к небу: «Боже, милостив буди мне грешному» (см. Лк. 18, 10–13). И первый ушел осужденным, а второй – оправданным.

Так бывает очень часто. Мы приходим в храм, как мытари, а потом почему-то вдруг становимся, как фарисеи. Первый приход человека в храм – решительный, важный… Это приход мытаря, не смевшего возвести глаз к небу. И удивительно, Господь снисходит к такому человеку, возносит его, действительно возвышает до Себя только ради этих слов: «Боже, милостив буди мне грешному!» – ради сокрушения сердечного, ради глубокой решимости, невозможности быть таким мытарем, нести на себе груз лжи, неправды и развращенности. Невозможно жить с грехом. Грех – это мука. Грех – это ад. И вот когда человек в таком состоянии приходит к Богу, Господь видит его, милует его, смиренного, и возносит до Себя.

И человек сразу чувствует, что изменился, что жизнь его стала сродни свободе, и он не может не говорить Господу: «Господи, благодарю Тебя!» Оглядывается назад, а рядом стоит такой же мытарь, каким был он сам, и вот он уже восклицает: «Благодарю Тебя, что я не такой».

Такое бывает. Пришел человек в храм, стоит, молится, красивый, благообразный, с благородными чертами лица, по виду христианин, оборачивается, а рядом стоит панк с оранжевыми волосами, и человек радуется: «Господи, благодарю Тебя, что я не такой!» Мы выходим в мир, видим, какой он страшный, и благодарим Господа, что мы не такие, как эти, и эти, и эти…

И с этого момента приходится признать, что мы перестали двигаться к Богу, потеряли желание Его искать. Именно в этот момент человек становится фарисеем, когда начинает думать, что он все в своей жизни уже нашел и может в этом состоянии спокойно пребывать, любуясь собой, измеряя свою жизнь своими добрым поступками, своим личным благочестием. Заметьте, именно благочестием, именно праведной жизнью, именно добрыми делами, именно милосердием, постом и молитвой, именно тем, чем определяется наша христианская жизнь. Ведь, действительно, хороший человек пришел в храм, милосердный постник, подвижник. Пришел, а остался без Бога.

Этот образ и нас заставляет задуматься о том, ради чего мы пришли к Богу? О том, почему мы христианами называемся? Где наше место рядом с Ним? Почему наша жизнь не меняется, почему мы остановились и никуда не идем? Но то-то и страшно, что то, что дается человеку как путь, становится для него камнем преткновения.

Когда этот путь уже никуда не ведет, когда этот путь является остановкой и определяется не Богом, а самим собой, оказывается, что человек дошел просто до самого себя. Он собой доволен, он собой удовлетворен, ему больше ничего не надо и некуда больше идти. Страшное фарисейство настигает нас совершенно незаметно для нас самих, когда мы полны желания жить благочестиво, жить в Боге, потому что нам кажется, что все, что мы делали, мы делали для Бога.

А Богу этого не надо. Ему не нужны наши дела. Ему не нужны хорошие поступки, делающие нас фарисеями. Жизнь христианская – это беспрестанный и бесконечный путь к Богу, когда человек ищет Бога, когда ему без Бога плохо, когда он постоянно ощущает свое сиротство, свое несовершенство, действительно находится в состоянии покаяния и

постоянного изменения самого себя. И только это состояние глубочайшего сокрушения перед Господом действительно делает нас способными к Нему приобщиться. Только в этом состоянии Господь доводит человека до Себя.

Поэтому мы не боимся быть грешниками. Мы знаем, что мы грешники, нам от этого горько, но нам и радостно, потому что Господь ради грешников в мир пришел, чтобы их спасти. Праведникам не нужен Христос, им и без Него хорошо. А грешникам без Христа деваться некуда.

До самого последнего дня мы будем говорить, что мы грешны, потому что, пока мы это говорим, Господь нас будет миловать, будет нам прощать и будет нас любить. Как только мы скажем: «Наконец-то, мы праведники! Благодарим Тебя, Господи, что мы не такие, как прочие человеки!» – как только мы это скажем – все, мы тем самым отвернемся от Бога.

Рождаемое зачинается малым

«Все рождаемое зачинается малым и, будучи мало-помалу питаемо, возрастает». **Прп. Марк Подвижник**

«Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему». (Лк. 3, 4)

Священная история дает нам два великих образа покаяния – это Иоанн Креститель и Мария Египетская.

Иоанн Креститель возвещает покаяние, как ключ в Царство Небесное: если человек идет в Царство Небесное, то приблизить его для себя он может только покаянием, которое должно стать не каким-то единичным актом, но его жизненным путем.

Покаяние называют вторым Крещением. Смысл Крещения заключается в том, что человек крестится в смерть и Воскресение Христово, погружается в смерть и восстает с Воскресшим Господом. Это его новое рождение. А в покаянии происходит возрождение человека, его глубокое духовное обновление.

Образ Иоанна Крестителя очень суровый, аскетический. Он – пустынный житель, отверженный от мира. Его называют Предтечей, потому что он предваряет Христа, идет перед Ним. Все, что происходит с Христом, сначала происходит с Предтечей. Его родители получают благовещение раньше Пресвятой Богородицы, он рождается раньше Христа и раньше уходит в пустыню. Он раньше Христа проповедует то, что потом будет проповедовать Спаситель: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3, 2). Он предается смерти раньше Христа, пройдя уничижение и темницу. Он раньше сходит во ад и, как поется в его тропаре, проповедует Христа Сущим во аде.

Покаяние для каждого человека – это путь Иоанна Крестителя, оно прокладывает дорогу ко Христу. Через это Таинство в человеке возрождается Христос. Это богорождение в нем самом. Оно дает возможность человеку найти в себе место, где бы Дух Святой мог жить.

А Мария Египетская – это пример пути покаяния. В чем он состоит? Тоже пустыня, отвержение, отсутствие малейшего саможаления и совершенная невозможность за что-то себя простить.

В человеке, который примиряется с собой, с таким, какой он есть, покаяние существовать не может. В тот момент, когда он находит возможность для самооправдания и начинает сам себя прощать, он воздвигает преграду между собой и Богом, кладет непреодолимое препятствие для того, чтобы Дух Божий мог его простить.

Мария Египетская, прожила 17 лет в полном одиночестве, и вся ее жизнь в пустыне была Таинством покаяния. В онтологическом смысле – это Таинство нашей жизни, это

Таинство духовного пути, непрестанного усовершенствования, рождения в человеке Человека.

«О, чада мои, да – умоляю вас, настройте себя, как орган и сладостный псалтирь Духа Святого».

Прп. Феодор Студит

Большинство людей, входящих сейчас в нашу Церковь, – новообращенные. Мало кто является носителем традиций, мало кто с детства воспитывался в настоящей христианской семье с православными устоями. Представления о духовной жизни у современного человека складываются в основном из книг или из общения с другими христианами.

Книг, касающихся духовной жизни, аскетики, читают сейчас мало. Они написаны слишком высоким духовным языком и не всегда доступны пониманию новоначального христианина. Поэтому чаще всего передача христианского опыта идет от новоначального к новоначальному, обычно в виде неких схем: надо исполнять определенные правила, вести себя определенным образом (православные должны говорить с определенной интонацией, носить определенную одежду) и т. д. – это воспринимается как традиция Церкви, хотя традицией Церкви чаще всего не является.

Одновременно в сознании складывается стереотип жизни христианина и представление о том, как надо жить, чтобы «все было хорошо». Причинно-следственные связи при этом определяются чисто внешним, формальным образом: если ты будешь поступать так, то должно быть обязательно вот так. Если христианин молится, читает утренние и вечерние правила, соблюдает пост в среду и пятницу, ходит в храм, постится и причащается (что, без всякого сомнения, необходимо и важно), то вся его жизнь в соответствии с этим должна измениться. У человека не должно быть уныния и отчаяния, но мир и покой в душе и благополучие в семье, «успехи в труде и счастье в личной жизни», как в поздравительной открытке.

И вот человек, начинающий жить в Церкви, искренне старается исполнять необходимые правила христианской жизни и приходит в недоумение: «Как же так, я покаялся, стараюсь исправить свою жизнь, не поступать как прежде, молюсь, пощусь и причащаюсь, а у меня как было все плохо, так и есть, а иногда даже хуже становится». Человек заходит в тупик и не понимает, что с ним происходит. Кажется, все правильно делает, как написано, как говорят, как положено, а ничего не получается. Но есть один очень важный момент, который не осознается или забывается.

Скажем, музыкант открывает ноты с ноктюрном Шопена, начинает играть, а звучит какофония. Все вроде бы правильно делает, на нужные клавиши нажимает, а музыки нет. Почему? Инструмент расстроен.

Расстроенность нашего внутреннего инструмента, человеческой души, совершенно нами не осознается. Мы пытаемся преодолевать что-то наскоком, формально следовать правилам духовной жизни, не понимая, что правила эти – для правильных. Они действительно помогают достичь состояния гармонии души, но для того, чтобы душа обрела гармонию, необходимо очень глубокое понимание того, что мы из себя представляем на сегодняшний день, в каком мы находимся состоянии. И ожидать того, что сейчас вмиг или даже за год в нашей жизни воцарится гармония только потому, что мы пришли в Церковь и исповедались, является глубочайшим духовным заблуждением, от которого страдают многие.

Мы все ждем, что спасение может произойти помимо нас или благодаря каким-то внешним факторам, за которые мы будем прятаться, не осознавая того, что такое падший человек, что такое наша искаженная грехом природа. Но духовная жизнь начинается с того, что на духовном языке называют словом «смирение» или «смиренномудрие». Лучше будет сказать – начатки смирения, потому что смирение безгранично. Можно вступить на путь смирения, осознать себя грешником, а вот до конца дойти совершенно невозможно.

Но начать духовную жизнь можно только с осознания того, что твой духовный инструмент совершенно расстроен и вся твоя духовная жизнь – это прежде всего приведение в норму твоей души, исцеление не внешнее, но внутреннее.

Человек начинает молиться и удивляется, что не чувствует того, о чем в книгах о молитве прочел. Многого сразу хочет. Несовершенный человек не должен ждать от молитв и постов быстрого результата. Конечно, после исповеди нам кажется, что с этого момента все должно стать другим. На самом же деле с этого момента только начинается осознание того, что душа больна и нуждается в огромной духовной работе, в углубленном духовном труде с пониманием того, что если жизнь не меняется, это не вина Церкви, не вина священника, который говорит, как надо поступать, а у тебя все равно ничего не получается. Это состояние твоей собственной души, и нужно принять это с определенным смирением.

В духовной жизни, как в альпинизме, все определяют постоянство и большое терпение. Альпинисты идут в гору очень медленно. Опыт подсказывает им, что если они поторопятся, не дойдут до вершины – очень скоро растеряют силы и дальше идти не смогут. В таком же постоянстве подвига духовной жизни и совершается настройка души, приведение ее в порядок. Но происходит это вовсе не быстро, иногда годами, а мы очень нетерпеливы. Грешил человек всю жизнь, с момента своего рождения, а за год-два хочет достичь совершенства. Так не бывает или бывает крайне редко – у людей, которые способны на столь глубокое покаяние, что могут сразу все бросить, уйти в пустыню и жить суровой подвижнической жизнью.

Надо трудиться терпеливо и постоянно, каждый раз, каждый день, каждую минуту настраивать себя, понуждать на духовную жизнь. И наконец в тот момент, когда, проходя таким путем, человек начинает приближаться к состоянию внутренней гармонии, к созвучию с Божественной волей, тогда все, что он делает, приобретает характер спасения. И тогда и молитвенное правило, и посты, и его жизнь в Церкви начинают приносить плоды. Только в этот момент человек становится живым членом Церкви – плодоносящим.

Но пока этого нет, происходит страшное искажение. Именно по этой причине жизнь Церкви иногда неприятно удивляет и даже отталкивает неверующих людей. А что это у вас в Церкви все так странно? Вроде написано, что вы должны быть святыми, а у вас все не так. Почему? Именно по этой простой причине, потому что на расстроенном инструменте нельзя играть.

«С чего начать нам, никогда не занимавшимся исследованием сердец наших? Стоя вне, будем стучаться молитвою и постом, как Господь повелел: «Толцыте, и отверзется вам».

Прп. Макарий Великий

Часто новоначальные люди задают такой вопрос: «А зачем я должен молиться чужими словами на незнакомом мне языке?» Вопрос, надо сказать, по существу. Действительно, почему, открывая молитвослов, мы читаем слова других людей, причем многие из них совсем непонятны.

Молитвенное правило следует понимать как способ приобретения молитвенного навыка. Правило – это выправление, исправление нашей духовной жизни, потому-то оно и необходимо, и в этом только его необходимость и состоит. Святитель Игнатий писал: *«Душа, начинающая путь Божий, погружена в глубокое неведение всего божественного и духовного, хотя бы и была богата мудростью этого мира. Для вспомоществования младенческой душе святая Церковь установила молитвенное правило. Цель правила, доставить душе недостающее ей количество молитвенных мыслей и чувств, причем мыслей и чувств правильных, святых, Богу угодных»*.

Часто мы машинально произносим слова молитвы, совершенно не осознавая, что разговариваем с Богом. А ведь слово – это не пустой звук, оно живо и действенно. Когда

человек приступает к Богу и начинает что-то говорить Ему – это великое дерзновение. Для того чтобы сказать Богу слова настоящие, искренние, живые, надо иметь для этого некое основание. Ведь пустые слова Богу не скажешь. Бессмысленными словами, которые ничего не весят, не стоят ничего, к Богу не обратишься.

Когда мы открываем молитвослов, там есть удивительные, правильные и простые слова: «Прежде чем начинаешь молиться, постой немного, помолчи, сделай так, чтобы все твои душевные чувства успокоились, умирились, и тогда только из молчания произнеси: „Боже, милостив буди мне грешному", – представив себя сейчас перед Богом стоящим». Не Бога надо представить себе, потому что Бога не видел никто и никогда и представить Его невозможно, – это ошибочное и опасное явление, когда человек, чтобы настроить себя на молитву, начинает представлять образ Божий. Только себя можно представить перед Богом, это и надо сделать – предстать перед Невидимым и Живым Богом, в присутствии Которого ты находишься, и из этой глубины начать что-то говорить.

А что ты можешь Богу сказать? А сказать-то нечего, кроме как: «Боже, милостив буди мне грешному». И поэтому, чтобы научиться с Богом разговаривать, Церковь предлагает нам молитвы, написанные святыми отцами. Их молитвы живые, от сердца исходящие слова, не придуманные специально. Внутренний духовный инструмент святого человека настроен очень гармонично, поэтому его слова созвучны Богу. Это настоящая песнь духовная.

Душа каждого человека подобна музыкальному инструменту, она всегда поет Творцу. Человек так устроен Богом, чтобы всегда Его восхвалять, только наш инструмент расстроен, и слушать эту фальшь невозможно. А Господь нас терпеливо слушает. Мы так не умеем слушать друг друга, как Господь слушает нас. Но когда мы читаем, скажем, молитву Василия Великого, происходит нечто удивительное – мы настраиваем инструмент своей души на очень высокий молитвенный лад, если мы эти слова, слова святых, произносим по-настоящему глубоко, пытаемся их в свое сердце принять, сделать их своими словами. Это очень и очень тяжело, это величайшее упражнение. Нет ничего более трудного, как говорят святые, чем молиться. Есть русская пословица о том, что две самые тяжелые вещи – опекать престарелых и молиться. Это значит – кровь проливать и в том, и в другом случае.

Чтение молитвенного правила подобно настройке музыкального инструмента. Но не только молитвой мы настраиваем свою душу на богообщение. На протяжении долгих лет жизни человек настраивает себя и покаянием, и участием в богослужении, и добрыми делами. И наконец молитва приобретает некоторое качество, с течением времени звучание слов: «Помилуй мя, Боже», начинает походить на то, каким оно было у царя-пророка Давида.

«Путь к Богу – молитва. Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно – и удобно наследуешь спасение».

Свт. Игнатий Брянчанинов

Молитвенное правило должно нас исправлять, но оно не должно стать для нас препятствием к молитве. Мы вычитываем большое количество молитв, не понимая, что мы делаем, зачем это нужно, и тем самым не молитвенное правило становится необходимым для нас, а мы становимся рабами молитвенного правила.

Исполнение правила, не осмысленного нами, не понятого, не воспринятого по мере наших духовных сил, приводит к тому, что то, что должно служить человеку для спасения, подчас становится причиной торможения и даже духовного умирания. Нельзя становиться рабами некоего уставного обессмысленного содержания, иначе потеряешь всякую молитву. Для тех, кто отвергает опыт молитвы святых отцов, святитель Игнатий Брянчанинов достаточно жестко написал, что человек не должен молиться от себя. «Не дерзни произносить Богу многоглагольных и красноречивых молитв, тобою сочиненных,

как бы они ни казались тебе сильны и трогательны. Они – произведение падшего разума и, будучи жертвой оскверненной, не могут быть приняты на духовный жертвенник Божий. А ты, любуясь изящными выражениями сочиненных тобой молитв и признавая утонченное действие тщеславия и сладострастия за утешение совести и даже благодати, увлечешься далеко от молитвы в то самое время, когда тебе будет представляться, что ты молишься и уже достиг некоей степени богоугождения».

А вот святитель Феофан Затворник пишет прямо противоположные вещи: что молиться только по молитвеннику это примерно то же, что говорить с Богом по разговорнику. И это тоже совершенно верно. Неужели у нас совсем нет для Господа своих собственных слов? Если мы верим в Бога, как же мы можем только правилами ограничить свою молитвенную жизнь? Значит, мы должны одновременно идти и вторым путем, мы должны искать слов выражения своей духовной жизни, своей нужды в Боге.

Но бывает, к сожалению, что прочитал человек утреннее правило и выдохнул облегченно – можно о Боге до вечера не вспоминать. Это ужасно. Духовная жизнь, если она настоящая, живая, такова, что человек не может ни минуты не вспоминать о Боге. Он должен постоянно пребывать в общении с Господом, все время перед Богом ходить, спит ли он, говорит ли, что бы ни делал.

Об этом апостол Павел говорит: «Непрестанно молитесь» (1Фес. 5, 17). Понятно, что нельзя непрестанно читать правило, потом взять в руки акафист, псалтирь – и так по кругу. Не об этом идет речь. Когда апостол Павел говорит о непрестанной молитве, он говорит прежде всего о состоянии человеческой души, о том, насколько его душа с Богом пребывает.

Если у человека нет слов для Бога, это очень опасное явление. Очень тревожно, если человек как бы живет духовной жизнью, исповедуется, причащается, посты соблюдает, а для

Бога слов у него нет. Поэтому жизнь наша духовная прежде всего состоит в приобретении навыка молитвы.

Цель молитвенного правила состоит в том, чтобы желание молиться в человеке не преставало, чтобы молитва в нем присутствовала всегда, в любой форме, даже когда она не выражается словами, есть и такая форма молитвы. Когда человек молится по-настоящему, ему никакое молитвенное правило уже не нужно.

«Всегда необходимо помнить, что нам нужно не только просто молиться, но молиться так, чтобы быть услышанным».

Свт. Иоанн Златоуст

Для многих людей молитвенное правило является проблемой, потому что им трудно различить молитвенное правило и саму молитву. Совпадают ли они? Каким образом сделать так, чтобы совместить в себе возможность и молиться, и исполнять то, что положено каждому христианину? Святитель Игнатий говорит, что пока у человека нет молитвенного правила, ему невозможно выстроить свою духовную жизнь. Оно является особенным способом домостроительства своего внутреннего человека. Можно сказать, что с молитвенного правила начинается устроение храма Божиего внутри себя.

Мы должны понимать, что грех исказил нашу природу. Хотя мы знаем, что в Крещении он прощается человеку, но последствия его исправляются не актом Крещения, а самой жизнью. Всякий дар Божий, будь то приобщение к какому-то Таинству или молитва, дается постольку, поскольку мы способны как-то его принять, но он не преображает нас сразу, в момент его принятия, нам лишь дается возможность преображения.

Дар Божий – это то, что человек в принципе не может вместить. Любое благодатное посещение бесконечно больше самого человека. Нам иногда кажется, что нам чего-то недодали: мы поисповедовались как могли, но нам кажется, что мы от Бога что-то

недополучили; мы причащаемся, и ждем, что с нами должно что-то необыкновенное произойти, а ничего не происходит. На самом деле только наша глубочайшая слепота не дает нам почувствовать и понять то, что подает нам каждое Таинство. Даже самая малая крупица, которая падает со стола Христов а, больше человека, бесконечно больше всего мира. Дары Божии подаются только с тем, чтобы мы стали способны не в этот момент даже, а потом когда-нибудь так к ним приобщиться, чтобы этот дар Божий мог стать нашей природой, чтобы мы смогли его сохранить.

А с нами постоянно происходит обратное: Господь дает, а мы не берем. Взять не можем, а думаем, что нам не дали. Или взяли, но тут же потеряли. А к дару можно только приобщиться, сделать так, чтобы ты и он стали единым целым.

Это можно сказать и о молитвенном правиле, том даре Божием, который должен приобщением к нему сделать нас иными. Он подается нам как возможность так употребить силы нашей души, ума и сердца, чтобы это невместимое, непосильное, то, что больше нас, сделать своим. И когда правило таким образом входит в человека, оно выправляет его. И тогда правила уже не существует, оно становится молитвой.

Но надо дорасти до тех слов, которыми молились Василий Великий или Иоанн Златоуст. Эти слова, этот уровень духовной жизни, богоустремленность, христостремительность, заложенные в их молитвах, нам не известны. Молитвенное правило – это наука, постоянное упражнение, школа духовной жизни, то, что учит нас молитве, и то, что в конце концов становится молитвой.

Мы имеем благодатную возможность говорить теми словами, которыми говорил с Богом Василий Великий. Иногда случается и нам сказать Богу от сердца что-то такое, что принадлежит только нам и Ему. И это слово так соединяет нас с Богом, что мы совершенно забываем о себе, в этот момент мы даже забываем, молимся мы или нет. Этим и определяется настоящая молитва – когда человек совершенно не помнит себя, о себе помыслить никак не может, не может увидеть себя со стороны, когда его нет. В такие минуты настоящей молитвы человек «блаженно исчезает», и тогда он начинает говорить Богу настоящие слова. Молитвы нашего правила – это как раз те самые настоящие слова, которые говорил Василий Великий, исчезнувший в Боге. И этому мы должны научиться.

«Надобно иметь молитвенное правило немощи ради нашей, чтобы, с одной стороны, лености не давать хода, а с другой – ревность держать в своей мере».

Свт. Феофан Затворник

Молитва, как дар Божий, дается только тому, кто употребляет усилия. В Священном Писании есть такие слова: дающий молитву молящемуся (см. 1Цар. 2, 9 слав.). Только когда ты употребляешь усилие в молитве, только тогда тебе дается молитва. Но если ты этого не делаешь, не понуждаешь себя к молитве, не прилагаешь стараний, а ждешь, что она родится сама по себе без настоящего пролития пота и крови, ты никогда молитвы не получишь. Это не тот дар, который дается случайно и внезапно, по какому-то обстоятельству.

Чтобы правило стало не препятствием, а настоящим двигателем человека к Богу, необходимо, чтобы оно было соразмерно его духовным силам, соответствовало его духовному возрасту и состоянию души. Многие люди, не желая себя отягощать, сознательно выбирают слишком легкие молитвенные правила, которые из-за этого становятся формальными и не приносят плодов. Но иногда и большое правило, выбранное из неразумной ревности, тоже становится кандалами, ввергая в уныние и мешая духовно расти.

Правило – не застывшая форма, в течение жизни оно обязательно должно меняться и качественно, и внешне. Человек может увеличивать или сокращать правило в зависимости от обстоятельств жизни, например при путешествии или болезни. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в своем дневнике пишет, что иногда, когда человек

болеет, он не может молиться, и не надо. По этому поводу не надо унывать, а молиться, как можешь, или занять себя другим деланием, например чтением, в этом нет греха. Молитва – это дыхание жизни, и она должна жизни соответствовать.

В молитве самое страшное, с одной стороны, формальное отношение к ней, а с другой – нерегулярность. Казалось бы, эти две вещи друг другу внутренне противоречат: регулярность так или иначе приводит человека к формальному исполнению, однако молитва не может в человеке родиться по-настоящему, если в этом делании он непостоянен. Как сделать так, чтобы при постоянстве молитвы она оставалась живой? Это и является существом молитвенного труда.

Когда человек встает на молитву, он должен к этому внутренне подготовиться. Молитве должно предшествовать состояние внутренней тишины, представление, что сейчас начнется главное дело в твоей жизни – разговор с Богом. С Богом разговаривать очень непросто, ведь мы говорим слова Тому, Кто Сам в Священном Писании назван Словом Божиим.

Для новоначального представление о правиле начинается с того, что он прежде всего оценивает свое внутреннее стремление быть с Богом и говорить с Ним всерьез, не просто отчитываясь, а пытаясь предстать перед Господом. И этот разговор должен быть одновременно и разговором с Богом, и наукой, учением разговаривать с Богом. Достаточно выбрать из утреннего или вечернего правила те слова, те молитвы, которые лежат у нас на сердце, чтобы они стали нашими. И потом со временем человек начинает чувствовать определенную жажду, голод молитвенный, когда этих слов не хватает и хочется сказать что-то еще. И тогда молитвенное правило начинает неуклонно развиваться. Правило не обязательно увеличивается, оно может быть небольшим, но очень хорошим и чистым. Душа расширяется, она жаждет умножать слова для Бога, и человек жаждет молиться постоянно.

Молитва узнается по плодам. Если в течение какого-то времени мы молимся, а молитва плода не приносит, надо задуматься, как мы относимся к молитве.

Плод молитвы проявляется, когда человек начинает любить богослужения, не тяготится ими, участвует в них, молится со священником и с хором, не пропускает слов, – это знак того, что у него происходит какое-то движение в его келейном правиле. Когда человек стремится чаще бывать в храме или когда он, не бывая в храме, переживает это очень тяжело, как болезнь. Или когда человек, по обстоятельствам жизни не успев прочитать утренних молитв, целый день чувствует себя не на своем месте. Это признаки того, что в нем молитва рождается, двигается и эта молитва сама начинает двигать человека.

Молитва выстраивает всю человеческую жизнь. Потому что в Царствии Небесном ничего нет, кроме молитвы, наполняющей жизнь и соединяющей всё и вся. Там нет отдыха от молитвы, нет возможности спрятаться от нее, найти место, где бы можно было не молиться. Царство Небесное – это общение с Богом, непрестанная молитва.

«Велика сокровенность Господа в мире, и невероятна открытость Его нам… Хозяин виноградника совсем близко. Сейчас войдет».

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Большое неразрывно связано с малым. Большое отступление начинается с мелочи. Авва Дорофей очень часто повторяет, что небрежение в малом рождает в душе человека злой навык, а от злого навыка происходят все его грехи. Небрежение в малом является причиной всех человеческих страстей.

Вот приходит человек в Церковь и хочет стать христианином, но так, чтобы сразу – заснуть неизвестно кем, а проснуться христианином. Но оказывается, что это невозможно даже после очень глубокой исповеди, даже после очень больших трудов. Для того чтобы стать христианином, нужно пройти очень длинный духовный путь, который складывается исключительно из верности в малом.

Многие святые отцы говорят, что человеку присуще быть добрым и добродетельным, а присутствующее в нас зло значительно меньше того добра, которое естественно в нас заложено. И если происходит что-то совсем противоестественное, если зло обретает какие-то колоссальные размеры, силу и могущество, значит, происходит то, что случилось со злыми виноградарями из евангельской притчи (см. Мф. 21, 33–41; Мк. 12, 1–9; Лк. 20, 9–16). Мы сами прогоняем от себя всякое доброе движение, которое присутствует в нас не только как естественное стремление к добру, но и как сверхъестественное, потому что это нам Господь Духа Святого послал, благодатные дары даровал.

Когда Господь две тысячи лет назад рассказывал притчу о злых виноградарях, Он обращался к иудейскому народу, к тому народу, который в Священном Писании и назывался виноградником, и отождествлялся с тем особенным местом, которое плодоносит и преображает свои плоды в новое вещество – вино. Когда иудеи слышали эту притчу, они понимали, о чем идет речь. Это к еврейскому народу Господь посылал пророков и апостолов, чтобы они вразумляли его, народ, который часто заблуждался, отступал от Бога, жил земными устремлениями и от поклонения истинному Богу обращался к идолослужению, потому что языческая вера совершенно удовлетворяла земные потребности людей.

Пророки, которых посылал Господь, пытались укорять и обличать этот народ, призывать его к покаянию, но были изгоняемы и побиваемы камнями. Как пророки Илия, Исаия, Иеремия и многие-многие другие пророки, которые взывали к еврейскому народу, чтобы он отвратился от идолослужения, пришел к истинному Богу. Но этого не случалось. Народ снова погрязал в грехах, и только в минуту страшных бедствий, когда попадал в рабство, бывал практически весь уничтожен врагами, он как-то вразумлялся и приходил к покаянию.

В этой притче Господь говорит еще и о Своем страдании, о том, как в конечном итоге еврейский народ отринет и Самого Сына Божия, предаст Его на распятие и что сам этот народ в конце концов будет отвергнут Богом, виноградник будет отдан другим делателям.

И действительно, так и случилось. Иудеи отвергли Спасителя, распяли Сына Божия – и были отвергнуты. Обетования, Новый Завет, были даны другим – другому человечеству, которое возродилось во Христе через святое Крещение и стало новым виноградником, о котором Спаситель сказал Своим ученикам во время Тайной вечери: «Я есмь истинная виноградная лоза, …а вы – Мои ветви» (Ин. 15, 1, 5). Так сказал Он о тех, к кому обратил Свое евангельское слово – к Своей Церкви. И тем самым это обетование, виноградник Христов, перешло на нас с вами.

И тогда эта притча, которую Господь обращал к иудеям, становится очень актуальной, не только историческим воспоминанием о том, как иудеи отвергли своего Спасителя. Господь рассказывает о каждом из нас, о тех, кто призван быть в этом винограднике Христовом, кому Господь подает Свои обетования.

Мы получили величайший дар – работать для Бога, быть участниками жизни вечной. Как мы отвечаем на это призвание? Приносим ли свои плоды? Не бываем ли мы похожи на иудейский народ, отвергнувший своего Спасителя?

Каждый раз, когда человек впадает в малое нерадение, он говорит себе: «А что будет, если я позволю себе небольшой компромисс, эту греховную, но приятную малость?» И когда совесть призывает к другому, он отвечает ей: «Замолчи, уйди, не мешай сейчас немножечко расслабиться, пожить для себя». Раз сказал, два сказал, а потом решил: «А нужно ли мне все это? Зачем такие странные заповеди? Для чего так себя истязать? Весь мир живет свободно, легко, радостно! Все позволено, все можно, все искрится жизнью! Почему я должен сейчас думать о служении Богу? Ведь это моя жизнь! Она проходит

очень быстро, скоро от нее ничего не останется, надо же воспользоваться этой возможностью пожить в свое удовольствие, что-то для себя сделать».

В этот момент с нами происходит то же, что происходило со злыми делателями – мы убиваем в себе все доброе и хорошее, наше призвание отвергаем и в конечном итоге впадаем в тяжкие и смертные грехи. Этим мы распинаем Слово Божие, и распинаем не как язычники, а как те, кому доверили дары, что знают истину, те, что были призваны, но отвергли Спасителя подобно тому, как это сделали иудеи.

Верность только этим и измеряется, нет никакого другого критерия верности, как только верность в малом. Иногда мы думаем, что это малое незаметно, немногоценно. «Ну, тут немножко недоделал, там покривил душой, здесь себя пожалел… по мелочи же… Ну, я же не убил, не своровал, по большому не предал…» Но великое в нашей жизни встречается исключительно редко, мы все люди мелкие, и жизнь наша состоит по большей части из мелких поступков.

Даже если человека очень сильно тряхнет судьба, он может очнуться на какое-то время, но и то не до конца. Только когда человек приучает себя по мелочам не лгать, не тщеславиться, по пустякам не обижаться, не попускать себе даже в малом: нарушать пост, опаздывать немножко на службу – только тогда в человеке может что-то измениться.

Великое может совершиться только с тем человеком, который в малом всегда был верен. Господь очень часто говорит в Евангелии, что тому, кто верен в малом, будет вручено многое (см. Лк. 16, 10 и др.). От нас требуются небольшая, но верность, небольшое, но делание. Настоящее, с которого мы не сворачивали бы, которое мы делали бы всегда.

Для этого нужно мужество, конечно, только мужество, и больше ничего. Чтобы мы могли сказать о каждой мелочи, которую нам предлагают: «Нет, мне этого не нужно, я даже в мелочи от Господа не хочу отступать».

У нас не так мало сил для того, чтобы быть настоящими христианами. И вот если у нас есть это мужество, просто мужество стоять на своем месте, как на посту, в Церкви Христовой, не отступать от того призвания, которое Господь нам даровал, тогда все остальное по милости Божией у нас получится.

И апостол говорит: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны» (1Кор. 16, 13). Услышим эти слова. Ведь Господь наш грядет, Он совсем рядом с каждым из нас. Какой ужас, если, живя обычной человеческой жизнью, мы просто не обратим на Него внимания. Господь сейчас стоит рядом с нами и смотрит на то, какие мы в Его винограднике, каково наше сердце, кому оно принадлежит.

«Самоистукан бых страстьми, душу мою вредя, Щедре, но в покаянии мя приими…»

Из Великого канона прп. Андрея Критского

Христос – второе Лицо Святой Троицы, Сын Божий, о Котором сказано, что Он есть Слово Божие, Логос Божественный. Об этом сказано в начале Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). Это о Нем, о Христе. Он в мир пришел, чтобы спасти нас, чтобы мы могли этим Словом жить, этим Словом насаждаться, этим Словом питаться, любоваться этим Словом и приносить свой плод.

И вот мы слухом не слышим, глазами не видим, умом своим разуметь не хотим ничего. Почему, казалось бы? Апостол Павел, который этим Словом жил, который мог сказать о себе, что «не я живу, но живет во мне Христос» (см. Гал. 2, 20), о слове Божием сказал, что «Слово Божие живо и действенно и острее меча обоюдоострого» (Евр. 4, 12). Оно проходит человека и разделяет его дух и душу.

Вот каково Слово Божие. Оно всесильно и всемогуще. Оно настолько всесильно, что им весь мир сотворен. «Сказал Бог: Да будет свет. И стал свет» (Быт. 1, 3). Как много дается каждому из нас, чтобы мы услышали это Слово. Оно звучит для нас в храме, оно хранится

у нас дома. Мы, к сожалению, не часто его открываем, а если открываем, то действительно смотрим и не видим, слушаем и не слышим… Почему?

А потому, что мы такие, как земля бесплодная в известной притче о сеятеле, как поле переезженное, сорняком заросшее, как камни, которые вместо души и сердца заполнили все внутри нас (см. Мф. 13, 3–8). И вот это ужасно. Потому что даже всесильное и всемогущее Слово не может на нас так действовать, как оно действует на все остальное в мире. Как Господь создал этот мир, так он и существует; как Господь повелел деревам плоды приносить, так они и приносят. Всё слушается Бога. Всё повинуется Ему. Всё приносит Ему свои плоды.

И только человек часто слухом не слышит, глазами не видит. Господь приходит и просит его спастись. Господь приходит и отдает Свою жизнь. Идет на Крест. Слово Божие распинается за человека, чтобы что-нибудь с ним произошло. Чтобы как-нибудь человек это Слово услышал. Чтобы что-нибудь с ним случилось, и это Слово наконец-то вошло в него и сделало его живым: не истоптанной дорогой, не пустырем каменистым, не пустыней выжженной, не полем, заросшим сорняком и терновником, – нет, не этим! Чтобы он смог прорасти настоящим и живым колосом, который может плод принести, который может сам этим словом стать и сам это семя сеять.

Слово только на добрую землю падает, только когда это земля по-настоящему готова принять это Слово, чтобы стать плодоносящей. А для этого надо очень потрудиться. Для этого, во-первых, надо очень сильно захотеть. Только и всего на самом деле. Просто свою свободу, свою волю, которую Господь нам даровал, направить к Богу. Приложить свой труд, может быть, и не совсем маленький, но очень благородный и благодатный.

В последнее время, говоря о покаянии, обычно вспоминают греческий перевод этого слова – «метаноя», что означает «изменение сознания» или «изменение ума». И сам покаянный путь представляется как изменение самого человека. Меняя покаянием свое сознание, он должен изменить свое отношение к Богу, отношение к ближнему, к миру и ко всему – то есть действительно переродиться.

В русском языке это слово имеет другой оттенок. В «покаянии» и в самом чувстве раскаяния присутствует глубочайшее сокрушение. Не зря слово «сокрушение» всегда идет рядом со словом «покаяние». И мне кажется, что в русском звучании слово «сокрушение» прежде всего означает сокрушение себя – человек должен сокрушаться о своих грехах, но в конце концов он должен сокрушить самого себя.

Самоистукан бых страстьми, душу мою вредя, Щедре, но в покаянии мя приими, – пишет преподобный Андрей Критский в своем покаянном каноне, говоря, что сделался сам для себя истуканом. Человек, создавший идола в самом себе, призван этого самоистукана в себе разрушить, разбить на мелкие осколки, чтобы ничего от самого себя у человека не осталось. Возненавидев его настолько, чтобы не пожалеть в нем ни единого кусочка, надо с совершенной решимостью его сокрушить.

Даже слово «саморазрушение» воспринимается, как недостаточное. Сокрушение – это не просто повержение в прах, это – обращение в прах. Сам человек становится таким прахом земным, из которого Господь может воссоздать Адама, тем прахом земным, в который Господь может вдунуть дух жизни.

Покаяние – это та сила, которая дает нам удивительную возможность – стать новым. Кто во Христе, от новая тварь. Но новый – он во всем новый, он совсем новый. Новизна пугает, не дает возможности пожить так, как мы привыкли. Хотим ли мы быть новыми или нам достаточно быть просто старыми?

Вдумайтесь в слова блаженного Августина: «На обращение одного грешника Господь тратит больше Своей Божественной энергии, чем на сотворение мира!» Вот какое ужасное создание – человек! Вот какая душа – окамененная!

Это заставляет очень серьезно взглянуть на Таинство покаяния. Оно подобно труду земледельца: когда лежит перед ним бесплодная земля, он вонзает в нее острый плуг, чтобы всю ее разворошить, перепахать, вскрыть ее, засохшую и безжизненную, чтобы дойти до доброй почвы. Он не жалеет эту землю.

И мы должны отнестись к себе, как землепашец к земле: душа так и останется пустой, ничего на ней не вырастет, если человек ее не проборонит, как следует не взрыхлит, пока не вонзит в себя острый нож этого плуга духовного – настоящего покаяния

Да будет слово ваше: «да, да», «нет,нет»

***«Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх того, то от лукавого»*. (Мф.5,37)**

«Разве так должно исповедоваться? Мало прийти и сказать: «Я грешен», надо осознать отдельно каждое свое противозаконное действие или слово, или мысль, осознать греховность этого, сожалеть искренно, и, раскаявшись нелицемерно, сказать священнику; и тогда лишь отпущенный грех – развязан».

Арх. Иоанн Сан-Францисский

Исповедь существует в тех условиях, в каких существует Церковь, и развивается вместе с церковным сознанием. Во многих местах, в том числе и во многих храмах Москвы, до сих пор существует практика общей исповеди, хотя об этом очень много говорится, и даже Патриарх выступает против подобной формы исповеди.

Для истории Церкви общая исповедь – явление неизвестное. Она вошла в церковный обиход и даже в церковную традицию, как традиция ложная: как существует, например, ложная традиция редко причащаться, так существует и ложная традиция общей исповеди.

Говоря об общей исповеди, мы вспоминаем наши многолюдные храмы в тот период, когда не хватало ни храмов, ни священников. В большие праздники в церковь приходило так много людей, что невозможно было успеть всех поисповедовать, и совершалось некое действие, которое стали называть общей исповедью. Обычно выходил священник в епитрахили с крестом и с Евангелием и ко всем людям, которые пришли в храм, чтобы причаститься Святых Христовых Таин, обращался с проповедью, касающейся Таинства Покаяния. Он рассказывал людям о том, что такое исповедь, какие люди грешные, о том, что всем надо каяться, потому что без покаяния никто не может спастись и войти в Царствие Небесное, а потом говорил такие слова: «Сейчас я вам буду перечислять грехи, а вы все внутри себя кайтесь в них и говорите: грешен или грешна». И священник начинал читать длинный-длинный список грехов, начиная от первой заповеди и кончая последней. И все люди повторяли вслед за священником слова покаяния в перечисленных грехах. После этого священник покрывал всех епитрахилью, люди целовали крест и Евангелие и шли причащаться.

Такую форму исповеди приписывают святому Иоанну Кронштадтскому, называя его родоначальником общей исповеди. Действительно, святой праведный Иоанн Кронштадтский, своим пламенным словом побуждал людей к покаянию. К нему на службу в кронштадтский Андреевский собор собиралось по пять-семь тысяч человек. В храме просто страшно было находиться: настолько глубоко проникало его слово, настолько реально было чувство покаяния, что люди не могли сдержаться, вставали на колени, громко выкрикивали свои грехи, плакали, умоляли Бога о пощаде. Даже местные воры пользовались этим и во время общей исповеди проникали в собор и срезали кошельки у людей, которые ничего не замечали в момент своего глубочайшего покаяния. Это совершенно не было похоже на то, что под видом Таинства происходит в наших храмах.

Исповедь продолжалась несколько часов. Совершалось настоящее покаяние, очищение и изменение жизни, потому что люди видели присутствие святого, и его личная святость передавалась всем. После этого они причащались из его рук. На такое был способен только святой Иоанн Кронштадтский.

Позднее общая исповедь вошла в наши храмы во времена гонений и войны. Священники находились в лагерях, и чтобы добраться до действующих храмов, которые были, в основном, маленькими, кладбищенскими, людям приходилось преодолевать огромные расстояния. Попасть на службу они могли, может быть, только несколько раз в год, скажем, на Крещение или на Пасху. И вот они собирались в храме, а там один старенький священник, который только что вышел из лагерей, который едва стоял ногах и был не в силах исповедывать большое количество людей. И тогда стали прибегать к общим исповедям. Время было такое тяжелое – время гонения на Церковь, и люди, которые жили тогда со Христом, конечно, переживали исповедь немного иначе, чем переживаем сейчас мы с вами. В те годы подобная практика имела свое оправдание.

После войны храмы стали открываться, но священства было очень мало. Об этом сейчас почти никто не говорит, эта страничка почему-то закрыта для тех, кто описывает жизнь Церкви, а ведь очень много священников, которые служили после войны, были обновленцами. Церковь по милосердию своему приняла их после принесения покаяния и клятвы верности Церкви, часто формальных, и они относились к уставу и Таинствам Церкви крайне небрежно и вольнодумно. Уполномоченным по делам религии это было очень выгодно.

А затем наступил период новых гонений на Церковь, когда Хрущев похвастался, что скоро покажет по телевизору последнего попа. Некоторые из обновленцев-священников публично отрекались от веры. Огромное количество храмов, открытых после войны, было закрыто и разрушено. Мне рассказывал мой духовник, как он служил в одном московском храме, очень богатом в те времена, который никогда не закрывался, и где священником был бывший обновленец. Совершив Евхаристию он не потреблял Святые Дары, а выливал их в умывальник. Много таких рассказов я знаю, например, про батюшку, который любил в алтаре пить чай и есть пирожки с мясом.

Из-за такого же ложного, равнодушного отношения укоренилась и общая исповедь. Приходили люди в храмы, которых и в это время было мало, а их там никто не слушал, священник бормотал слова общей исповеди, накрывал епитрахилью, люди шли к Чаше. Так традиции причастия и исповеди были заложены священниками – бывшими обновленцами, которые после войны нанесли серьезный урон церковному благочестию и вообще жизни Церкви.

Мое глубокое убеждение, что общая исповедь не является Таинством. Если кто-то в этой исповеди и получает отпущение и разрешение грехов, то оно ничем не отличается от того покаяния, которое человек может принести наедине с Богом в своей келье.

Мы говорили, что в Исповеди, как Таинстве, важно не только покаяние человека перед Богом, но и свидетельство Церкви о его покаянии, поэтому разрешительные молитвы и покрывание епитрахилью при общей исповеди не имеют никакого сакрального значения. О чем же ты, священник, будешь с епитрахилью свидетельствовать, если не знаешь этих людей: ни глубины их покаяния, ни грехов, ни духовной жизни, ни плодов? Поэтому тут нет исповеди, Таинства нет. Есть призыв к самоукорению, есть призыв к тому, чтобы человек видел свои грехи, даже есть призыв к покаянию, а вот свидетельства о покаянии здесь нет. Священник не может свидетельствовать за этих людей перед Богом, от имени Бога простить и разрешить их грехи, потому что не знает, кто к нему сейчас подходит, с каким грехом, что на душе у этого человека. Конечно, иногда священник говорит: «Те из вас, кто совершали убийства, прелюбодеяния и аборты, к причастию не подходите, а найдите время отдельно покаяться». Но ведь не только это может отлучить человека от общения с Богом. А если человек не примерен? Есть такие вещи, которые необходимо

высказать, а священнику выслушать и дать им определенную оценку, иначе в этой исповеди вообще нет смысла.

Если уж допускаешь человека до Причастия, не выслушав, так допускай по мере совести каждого. Скажи: «Вы можете причащаться сегодня, но исповеди не было. Если вы с сокрушенным сердцем приступаете ко Причастию, и ваша совесть не обличает вас, причащайтесь». Но не надо формальной исповеди.

Общая исповедь искажает духовную жизнь людей, приучает их к формализму, не дает возможности покаяться. Подходит человек на исповедь и говорит: «Во всем грешен». А когда спрашиваешь: «В чем?» – оказывается, он и сам не знает. Мне приходилось служить в провинциальных храмах, где люди всю жизнь ходили в церковь, но были только на общих исповедях, и оказывается, что им нечего сказать о себе: они не знают своих грехов, никогда в себя не заглядывали и просто ждут, что священник им что-то скажет, а они радостно ответят: «Грешен». Прожили люди всю жизнь, ходили в церковь и так ни разу и не покаялись…

Не разрешительой молитвой прощаются грехи. Кто-то из святых говорил, что бывает так: священник читает молитву: «Прощаю и разрешаю…», а Христос, который невидимо стоит, приемля исповедание, говорит: « А Я не прощаю и не разрешаю».

Исповедоваться лучше гласно. Для самого человека полезнее вслух произносить свои грехи, словесно отказываться от них. Хотя Таинство все-таки зависит от внутреннего состояния человека.Можно просто подать записку и по внутреннему своему состоянию быть в этот момент совершенно адекватным написанным словам.А некоторые исповеди необходимо записать подробно. Например, подготовка к кардинальной исповеди требует очень внимательной проверки своей совести. Надо помолиться, сосредоточиться, вспомнить всю свою жизнь и провести достаточно долгое время в размышлениях над самим собой. В этом трудном деле именно письменная исповедь помогает докопаться до причины греха и описать правильно, может быть даже кратко, для самого себя, свое состояние. Это приводит человека в очень правильное внутреннее духовное расположение.

Письменные исповеди могут быть уместны и даже полезны для человека, который только-только начинает свой покаянный путь, когда есть желание ничего не забыть, – необходим план построения своей исповеди. А некоторые грехи просто тяжело высказывать вслух священнику, особенно для начинающего.

Иногда духовники просят записывать очень подробно в течение дня свои состояния, а потом приносить их на исповедь. Но это больше связано с монастырской исповедью, с откровением помыслов послушника своему духовнику.

Но когда письменную исповедь составляют люди, которые давно и часто исповедуются, это может стать серьезным препятствием для полноценной исповеди. Человек привычно заполняет бумажку перечислением своих повседневных грехов, как квитанцию в химчистку, и в этом действии уже есть что-то не внутреннее, но внешнее.

Священнику это бывает удобно, особенно при большом количестве исповедующихся, когда к нему стоит длинная очередь и нет возможности поговорить с каждым человеком. Конечно, легко взять в руки бумажку, пробежать ее глазами, и разорвав, прочитать разрешительную молитву, оставляя само таинство встречи с Богом и сердечное покаяние на совести кающегося. Но понятно ли ему, что происходит с человеком? А в конце концов это очень часто приводит к привычке исповедоваться формально, чего быть ни в коем случае не должно. Поэтому для человека, который уже достаточно воцерковился и часто исповедуется, конечно, лучше не писать, а рассказывать о себе священнику. В рассказе о себе всегда присутствует живое участие совести. Желание высказаться и тяжесть этого помогают что-то потом поменять в своей жизни. И конечно, когда священник слышит

живое слово покаяния, его сердце молитвенно отзывается на это слово. В этот момент он чувствует душу кающегося и может помочь и советом, и молитвой.

Достигаешь момента, когда так ясно становится, что понимать-то, в сущности, нечего, что все «сложности» («он такой сложный человек, его нужно понять…») суть сложности мнимые. Все это туман, разводимый нами, чтобы не оказаться лицом к лицу с одной реальностью – греха. Грешник может верить. «Трудности», «сложности», «проблемы» – пошлейшие алиби самодовольного себялюбца.

«Грешник кается и обращается. Лжедуховный обречен на погибель».

Протопресв. Александр Шмеман

Время, отведенное для исповеди, это Божье время. Готовясь к Таинству покаяния человек должен думать, прежде всего, о том, чтобы предстать перед Богом таким, какой он есть. Мы обязаны донести свое покаяние до Бога во всей полноте, не искушаться на большую очередь, не комкать исповедь, не стараться говорить быстро.

Ожидая исповеди можно либо еще раз обдумывать свою жизнь, либо читать Евангелие, а лучше всего читать правило к Причастию. Я помню, что в юности эти длинные очереди меня ужасно тяготили, я от них очень уставал. Но потом я изобрел очень хороший способ: пока идет очередь, читать правило к Причастию. Если это войдет в обиход, прихожане не будут думать о том, торопиться им на исповеди или не торопиться, они будут заняты хорошим молитвенным делом.

А для священника, который стоит на исповеди, это крест, который он сам на себя взял. Люди, пришедшие к нему, это те, кого ему Господь послал. Священник может быть в этот момент уставшим, невнимательным, не следует обращать на это внимания и обижаться на него.

Намного важнее понять, как правильно исповедоваться, чтобы не превратить Таинство Покаяния в сеанс психотерапии, во время которого можно просто облегчить душу или, как говорят, «разгрузиться». Ведь в таком случае священник предстанет не как свидетель покаяния, кем он, собственно, призван быть, а как психотерапевт, которого можно нагрузить своими проблемами, а потом успокоено отойти и жить дальше как ни в чем не бывало.

Избежать этого не всегда просто. Вместо собственно исповеди и покаяния в грехе человек начинает описывать свое состояние, рассказывать, когда ему плохо и где тревожно, как он реагирует на события своей жизни. Самой исповеди здесь может быть немного, а описания своих переживаний – предостаточно. Человек может даже испытывать в этот момент очень глубокие угрызения совести, даже бичевать себя и всячески обнажать, получая при этом от такого «самоедства» внутреннее удовлетворение и облегчение.

Обычно, это происходит с людьми гордыми, с болезненной подозрительностью относящимися ко всему окружающему. Свойственная им тенденция к самоедству не имеет никакого отношения к покаянию. Это нездоровое явление, которое надо стараться изживать. Чем проще человек, тем, как правило, действеннее и глубже его исповедь. И наоборот, чем рефлексивнее и запутаннее его внутренний мир, тем чаще исповедь превращается в беспочвенное кружение на одном месте. Такая рефлексия часто бывает следствием тщеславия, нежелания духовного труда, а иногда и проявлением психического заболевания.

Превращение Таинства исповеди в психоаналитическую беседу – это, конечно, очень большая проблема современных исповедей и крест для духовников. Люди, склонные к подобной рефлексии, чаще всего путешествуют по приходам, задерживаясь у одного священника до тех пор, пока у того хватает терпения. С этими несчастными очень тяжело общаться, выводить их из такого состояния крайне неудобно, потому что сказать свое мнение прямо, значит – страшно их обидеть, лишить почвы под ногами. Ведь по-другому

они жить не привыкли. Священник должен быть очень мужественным и хорошо знать этого человека, чтобы с одной стороны отрезвить его, а с другой, не отпугнуть его от себя.

Очень часто человек задает себе вопрос, насколько подробно нужно описывать и сам грех, и обстоятельства, в которых он был совершен. Об обстоятельствах жизни, которые обычно приводят на исповеди, как некое оправдание и смягчение своей вины, говорить имеет смысл только тогда, когда об этом спрашивают, но минимально себя оправдывая и стараясь высказать их достаточно бесстрастно. Но если священник спрашивает об обстоятельствах, утаивать ничего не следует. И ложный стыд перед духовником, и боязнь кого-то втянуть в эту историю и подвести других людей не должны смущать сердце человека, потому что священник обязан все это сохранить в тайне. Во время Таинства исповеди он должен найти в себе силы не поддаваться гневу или осуждению по отношению к людям, которые явились соучастниками греха или его свидетелями. Хотя такое бывает, мы все люди грешные Но постоянно хранить себя от подобных состояний и после исповеди иметь ко всем людям ровное отношение – это обязанность священника.

Рассуждать о себе, конечно, надо. Святые отцы говорят именно о такой глубокой исповеди помыслов, мыслей и состояний. Человек должен исповедовать не только свои грехи, но и достаточно глубоко заглянуть в себя и увидеть не только греховные поступки, но и их корни. Но такая исповедь – всегда плод трезвенного отношения к себе. Разница между самокопанием и внимательным анализом своих грехов вот в чем: в первом случае человек всегда пытается переложить ответственность за свою жизнь либо на священника, либо на обстоятельства, либо на других людей. А во втором случае человек берет ответственность только на себя, и его исповедь – это всегда плод духовного труда, желания исцеления и решимости бороться с грехом.

«В исповеди слабая память – не оправдание; забывчивость – от невнимания, несерьезности, черствости, нечувствительности к греху. Грех, тяготящий совесть, не забудется».

Священник Александр Ельчанинов

Иногда люди, которые обладают хорошей памятью, жалуются на то, что они забывают грехи. Бывает и так, что человек, который, как ему казалось, подробно исповедался, вдруг начинает вспоминать грехи прямо перед Чашей. Это смущает сердца многих и даже заставляет иногда со страхом от Чаши отойти. Насколько серьезно стоит беспокоится из-за этой забывчивости? По своему опыту я знаю, что забываются именно те грехи, в которых человек успел себя оправдать. Мне кажется, это является основной причиной забвения грехов.

Можно ли совсем не беспокоиться из-за забывчивости? Конечно, нет. О своих грехах надо помнить и сокрушаться. Забвение своих грехов – это тоже некое поражение души, и если мы обнаружили его в себе, то надо просить у Бога способности видеть и помнить свой грех.

Но, тем не менее, исповедь не измеряется количеством перечисленных грехов. Профанация исповеди, формализация Таинства бывают чудовищны. Люди привыкают составлять списки грехов, совершенно не понимая, что Господь ждет от них исправления жизни и только этого. Можно много лет исповедоваться, называть все свои грехи, но ничего не изменить. А можно не называя формально грехов так измениться, что они просто исчезнут потому, что ты жизнь поменял, другую дорогу избрал. Эти грехи сами по себе слетят, как пыль при сильном ветре.

А есть люди, которым кажется, что чем больше грехов они на исповеди перечислят, тем больше им простится. Они стараются записать как можно больше грехов на всякий случай, потому что не верят самим себе и не доверяют Богу. Но ведь не от количества же перечисленных грехов зависит прощение. Человек становится другим, потому что

прилагает усилие для исправления себя, а не потому, что он формально перечислил множество грехов, даже если они действительно имеют к нему отношение.

В словах Господа «иди и впредь не греши» (Ин.8, 11), – очень важно услышать этот призыв «иди». И тот, кто после исповеди по-настоящему идет по пути спасения и борьбы с грехом, тот и перестает грешить. А тот, кто остается на месте с тетрадочкой для перечисления грехов, так и будет записывать их до конца своей жизни.

«Не верь слезам своим прежде совершенного очищения от страстей; ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точило заключено в сосуд».

Прп. Иоанн Лествичник

Часто на исповеди и при подготовке к ней наша эмоциональность заслоняет собой духовность. Некоторые люди от природы очень эмоциональны, слезы бывают и от ложного умиления или от тщеславия. Плач, как проявление духовного состояния, может быть и невидимым и беззвучным, а может быть и явным, как у святых отцов, но к нам это отношения не имеет. Наши слезы – проявление чувственное, не духовное, это определенное свойство наших эмоций, сентиментальности, природной слезливости, но отнюдь не духовности. К этому надо относиться трезво.

Хотя, несомненно, бывает в нашем покаянии и настоящий плач, но это слезы человеческие, не более. У святых отцов сама природа слез иная. Их слезы – это не внезапный порыв, а бесстрастное состояние, приблизиться к которому очень нелегко.

Иногда при подготовке к исповеди человек переживает свои грехи и состояния очень эмоционально, а в храме на службе эмоциональность вдруг улетучивается, столкнувшись с духовной реальностью, с настоящей молитвой, с живым присутствием святыни. И поверхностные душевные переживания, не способные нас изменить, отступают, остается только самое главное. Если бы наши слезы были глубоким духовным переживанием, способным нас изменить, то они были бы нашей духовной константой, неизменным состоянием.

Вот мы внешне, эмоционально попереживали, что мы такие плохие, как нам нехорошо с собой, неприятно, мы растрогались от того, что осознали свою худость, помолились Богу, умилились от этого, представили, как мы сейчас на исповеди хорошо все это расскажем, и батюшка посмотрит, как мы каемся… А потом мы пришли на службу, а здесь воспевают Бога Живого, и Господь Живой перед нами предстоит, и все наносное рассеивается. Осталось только то, что есть – маленькое такое, не очень важное представление о себе самом. Полезно это? Полезно это понимать.

Хочешь или не хочешь, эмоции существуют. Другое дело, что мы можем их преображать в настоящее чувство. Если эти эмоции остаются с нами и нас изменяют, то они уже истинны.

«Молчание есть тайна будущего века».

Прп. Исаак Сирин

«Помышления свои открывай не всем, но только тем, которые могут спасти твою душу».

Прп. Антоний Великий

Все знают, что существует такое понятие, как тайна исповеди, но обычно почему-то считают, что ее должен хранить только священник. Но это не так. Тайна исповеди существует для всех. Самому исповедующемуся тоже следует хранить себя.

Мне кажется, тайна исповеди, прежде всего, связана с понятием целомудренность: с целомудренным отношением к своей духовной жизни и к духовной жизни другого человека.

Конечно, мы имеем полное право раскрывать себя перед своим ближним, и в общем так это и бывало в древней Церкви, когда христиане публично исповедовали свои грехи. Ведь человек кается не только перед Богом, но и перед людьми. Но Церковь довольно скоро отказалась от публичной исповеди, потому что она могла быть соблазном для других, и искушением от ближних самого человека.

На самом деле мало кому можно что-то доверить. Скажешь одному: «Не говори никому», а он тут же передаст другому и тоже скажет: «Никому не говори». А потом события твоей жизни возвращаются к тебе в совершенно ином свете, и ты понимаешь, что тебя давно раздели, обсудили, что теперь ты перед всеми предстоишь в совершенно другом, искаженном виде.

Это очень сложный вопрос, конечно. Человек волен о себе рассказать, это его право. Но в духовном смысле лучше бы себя беречь еще и потому, что иногда рассказываешь о своих грехах без покаяния, а иногда даже с сочувствием ко греху. Бывает такое. Мне кажется, лучше всегда быть духовно целомудренным и прикровенным.

Такая сокровенность очень важна еще и потому, что бес не знает человека. Человек для бесовской силы сокрыт. Скажем, не было сатане известно о воплощении Христа, он не знал, что Богочеловек – это Сын Божий (Его называли Сыном Божием, а Он называл Себя Сыном Человеческим). И в человека бес войти не может, если тот сам каким-то образом этого не допустит через свои грехи, через свои страсти. «Демоны не знают наших сердец, как думают некоторые из людей, – говорит авва Евагрий, – Ибо Сердцеведец один сведый ум человечь… Но то из слов, какие произносятся, то по каким-то движениям тела они узнают многие из движений, происходящих в сердце».

И поэтому, все, что с человеком происходит, все его искушения, ошибки, которые он потом сваливает на бесовскую силу, происходят потому, что человек сам открывает бесу знание о своей духовной жизни, выбалтывает себя. Иногда можно раскрыть себя даже выражением лица. Бес может узнать человека, искушая его помыслами. Он пытается через них «зацепить» человека, и если тот входит с помыслом в общение, начинает разговор, то дорожка проложена, и сердце, и помыслы открыты, все открыто для беса, и тогда он может человека победить. Но если человек умеет себя хранить, не празднословить, вести себя целомудренно и сокровенно, то, в общем, он неизвестен бесу, и тому тяжело подступиться к человеческому сердцу.

Человек недоступен бесу и во время исповеди, когда совершается Таинство покаяния. Поэтому надо достаточно тактично и особенно сокровенно относиться к своему внутреннему миру и опасаться обсуждать тайну исповеди и духовного руководства в беседе с людьми. Можно делиться, конечно, своими духовными переживаниями с близкими, но это опять-таки должно носить характер сокровенности. «Когда двое или трое собраны во Имя»(Мф.18,20) Христово , там бес не может присутствовать. Но когда что-то важное выбалтывается просто в празднословии, в осуждении, в похвальбе или в тщеславии, там, где к нашей откровенности примешивается хоть какая-то страстишка, там, будьте уверены, рядом окажется лукавый, который этим обязательно воспользуется.

Вообще, духовная жизнь человека не может быть открытой, показной. Человек должен хранить себя и свое таинственное общение с Богом. Архимандрит Софроний говорит: *«То малое или великое, что мне дано было пережить, есть дар милости Божией ко мне окаяннейшему из всех людей, и я считаю необходимым хранить его, как бесконечно мне дорогое от постороннего взора, чтобы не быть окраденным»*.

Когда человек осознает грехи свои, решается на покаяние, то решает Бог суд Свой с человеком следующим решением: «Аще будут грехи ваши, яко багряное, яко снег убелю». (Ис.1:18)

Некоторые расстраиваются и недоумевают, если священник на исповеди ничего им не говорит, для них это как бы уже и не исповедь. Но совершенно не обязательно ждать от

священника каких-то слов и наставлений. Человек, который ждет этого, вероятно, подходит к исповеди с желанием особого к себе отношения, чего быть не должно. Потом такое отношение будет отягощать его, он будет стараться выглядеть перед священником немножечко лучше, чем он есть на самом деле, будет искать особенные слова для исповеди, отвлекаться на человеческие отношения.

Не для каждого находятся слова у батюшки. Иногда он не знает, что сказать, потому что ему не открывается что-то в самом человеке. А иногда священник хочет услышать человека, и не слышит его, тогда остается только уповать на Господа и молиться, чтобы Господь как-то Сам помимо тебя все управил, открыл человеку все, что необходимо. А потом что-то прорывается, и ты вдруг можешь сказать о человеке очень точные вещи.

Если священник каждому может что-то сказать на исповеди, это большой священнический дар. Замечательно, если такой дар есть. Когда слышишь от духовника на исповеди то, что касается твоей духовной жизни, это очень важно. Старайтесь очень внимательно его слова к себе приложить. Иногда человеку кажется, что это совсем не про него, или что вообще не об этом идет речь. Но иногда священник замечает что-то такое, на что ты обратил мало внимания в своей исповеди. Прислушайтесь. Постаратесь запомнить это для себя. Это обязательно как-то потом откроется, проявится.

А многие священники, даже старцы, вообще ничего не говорят на исповеди. Но они умеют так помолиться о человеке, так впустить его в свое сердце, что некоторое время спустя ему многое становится ясно.

Исповедь – прежде всего Таинство, в котором человеку подаются силы на борьбу с грехом. Самое важное, что в этом Таинстве происходит, заключается даже не в том, что его грехи прощаются, и не в том, что священник сказал, а в том, что в самом Таинстве свидетельства перед Церковью подаются благодатные силы наконец-то преодолеть себя. И если мы этого не делаем, это плохо. Человек оказывается готовым в любой момент потерять благодать, как после причащения, так и после исповеди – после любого Таинства.

Таинственность исповеди, ее благодатность, присутствие Духа Святого именно в том, что человек не сам по себе от исповеди меняется, а получает силы для борьбы с грехом и уходит полный благодатных сил. «Иди и больше не греши» – это значит, тебе Господь говорит: «Начинай борьбу. Ты победишь, тебе даны силы». И остальное зависит от нас, от нашей решимость и борьбы. Отошел от исповеди – начинается битва.

Тесные врата

***«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими»*. (Мф. 7,13)**

«Мы же, не смотря на то, что слышим от Самого Господа: «Внидите тесными враты, вводящими в живот», – предпочли путь широкий и пространный, ведущий в пагубу. За то, когда Он придет судить живых и мертвых, услышим от Него: «Отойдите от Меня проклятии».

Прп. Максим Исповедник

Если мы обратимся к христианской литературе, например, к такой книге, как «Учение двенадцати апостолов», то найдем четкое определение, что есть два пути: один путь – к жизни, а другой путь – к смерти, и различие между этими путями огромно. Да и Евангелие, книга вообще очень категоричная, говорит нам, что есть широкий путь и есть путь узкий. То есть, везде предъявляется это требование бескомпромиссного отношения к самому себе и к своему духовному подвигу. Но в жизни столь явных и очевидных примеров абсолютной победы христианства в ком-либо из наших близких мы обычно не наблюдаем.

Можно ли в связи с этим говорить о лицемерии, двойном стандарте или о двойной жизни христиан?

Вопрос этот очень важен, и суть его заключается в обретении смысла своей веры и в обретении вместе с верой самого себя. Именно об этом чаще всего говорит нам Святое Евангелие: если клад находится на поле, то поле покупается ради этого клада; и продается все остальное ради того, чтобы приобрести дорогую жемчужину. И прежде всего важно определить, насколько человек способен по-настоящему и до конца осознать свою верность Богу, но не как уже осуществившуюся константу своего бытия, а как желание этой верности: как понимание того, что нет другого бытия, как только бытия с Богом, не существует иного конечного осмысления жизни, как только ее осмысления в Боге, и нет другой абсолютной истины, кроме истины евангельской.

В Евангелии говорится, что нельзя служить одновременно двум господам, и это тоже момент абсолютизирования единственного пути. Но случается так, как написано у апостола Иакова, что приходит человек с двоящимися мыслями и изначально пытается служить двум господам. В этом случае вместе с истиной знания о Боге он несет в себе еще и другие «истины», которым доверяет, но которых в Боге нет. Тогда вместе с верой во Христа и в Евангелие он пытается одновременно верить в то, что может существовать какая-то «истина» и помимо Христа, что евангельская истина не абсолютна и требует дополнения в других религиозных и философских системах.

Подобная двойственность может быть связана с упованием на внешние обстоятельства, скажем, на свой разум или человеческие отношения, или с запутанностью в философских вопросах и попыткой разбавить Истину различными псевдодуховными «истинами» и суевериями.

Вера во Христа может быть не свободна от примесей язычества, в том числе интеллектуального, когда представления о духовной жизни перемешаны со всевозможными мифами: культурологическими, эстетическими, политическими, национальными, – которые мешают ему верить в понятия, определенные Евангелием. Например, некоторые христиане не могут принять вечность адских мучений, так как их, так называемая, интеллигентность не позволяет совместить наличие ада с Божиим милосердием. Другие же считают, что христианство может осуществить себя только, скажем, как монархия. Эти и множество других мифов вынуждает людей представлять Бога таким, каким им больше нравится Его себе представлять.

Помимо этого существует эмоциональная сфера, сфера нравственной жизни, и человек, желая примирить свой приход в Церковь с собственными пороками и страстями, может пытаться одновременно быть с Богом и жить по заповедям, и все-таки оставаться немножечко прежним. Он не хочет принять Христа таким, каким Он предстает перед нами в Евангелии и в учении Церкви, потому что держится за свои привычные представления и пристрастия.

Людей, заблуждения которых становятся их принципиальной позицией, в том числе религиозной, и абсолютизируемые гордыней навязываются уже, как учение церковное, называют еретиками. Человек, приходящий ко Христу, может внешне быть христианином: исполнять все церковные обряды, соблюдать святые посты, ходить в храм, участвовать в Таинствах, – но его духовная жизнь трансформируется таким образом, что его путь, как ему кажется, ко Христу будет постоянным поиском новых и новых самооправданий и апологий своим «истинам». И эти «истины» все время будут увеличиваться, а Христос будет умаляться, и в конечном итоге останется только ложь с примесью христианства и антуражем Православия. Это мы наблюдаем в таких крайних проявлениях, как демонстрации чернорубашечников, прикрывающих свой дикий национализм святыми иконами. Так именем Христа пытаются прикрыть любые убеждения, от крайне правых до крайне левых, которые в конце концов смыкаются в единодушной ненависти к Церкви и ко Христовой истине.

Такие наглядные проявления хорошо видны со стороны. Но не так часто мы замечаем то же самое в самих себе, когда так или иначе пытаемся сопротивляться Церкви. И тогда путь, который мы выбираем, приходя к Богу, становится широким путем, сознательно расширяемым своими собственными химерами, страстями, пристрастиями и привычками, от которых мы никак не хотим освободиться.

«Есть два пути, – путь жизни и путь смерти. Кто решительно вступает на один, тот нейдет по другому; кто же ступает то на тот, то на другой, значит неприурочен ни к одному; и куда придет – в царство или в муку – не видно, пока не изыдет он из тела. А там – Божий суд…»

Блаженный авва Исаия

Придти к Богу невозможно без абсолютного обнищания. Христос сказал богатому юноше: «Пойди, продай имение твое и раздай нищим… и приходи и следуй за Мной» (Мф. 19,21). Об этом же говорит и пятая глава книги Деяний святых Апостолов, когда Анания и Сапфира приходят и приносят Апостолам как бы все свое имение, а на самом деле – только часть его, утаивая что-то от Церкви, от Христа, от апостолов, желая оставить в себе немножко ветхого человека. Приходя к Богу, надо уметь совершенно обнищать, и именно с этого начинаются Заповеди Блаженства в Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царсто Небесное» (Мф. 5,3). За этим ли мы приходим в Церковь?

Состояние современной Церкви кажется мне тяжелым из-за того, что многие люди приходят в Церковь затем, чтобы что-то у нее взять и унести. А из Церкви ничего нельзя унести, можно только придти в Церковь и в ней жить. Об этом можно говорить долго, это касается отношения ко всем Таинствам, и к Таинству исповеди, и к евхаристии. Участвующие в них люди часто не вполне осознают, что они делают, не понимают, что приходят ко Христу с тем, чтобы Христос за их большие и маленькие грехи заплатил Своей Собственной Кровью – ни больше ни меньше.

Когда мы читаем об узком и широком пути в Евангелии, мы думаем, что вот мы-то, верующие, узкий путь себе избрали, а широким идут те, которые неверующие: в храм не ходят, Евангелие не читают, в Бога не верят, – в общем, не христиане… А у нас, у христиан, путь узкий, мы заходим тесными вратами… Ничего подобного. И в христианстве мы часто выбираем себе необыкновенно широкий путь, широченный, не спасительный совершенно. Чего мы в ищем христианстве? Не того, что мы станем другими, а что нам станет комфортней. Ищем хорошего к себе отношения от всех людей, безответственной жизни, возможности ничего ни для кого не делать: ни для храма, ни для ближнего, ни для дальнего, ни для кого. Мы приходим, чтобы нас в храме все понимали, чтобы батюшка нас утешал, чтобы все прихожане по первому зову прибегали к нам на помощь, чтобы все было для нас. Но имеем ли мы право на какое-то утешение, или все-таки мы должны приходить в Церковь для чего-то другого?

Хотя совершенно естественно ждать от Церкви утешения, потому что тот, кто любит, всегда утешает того, кто страдает. Приходя в храм, человек понимает, что это, может быть, единственное место на Земле, где ему не вправе отказать в утешении, потому что Церковь это утешение имеет, и человек может получить его совершенно незаслуженно. Именно – незаслуженно, а в нашем сознании сложилось так, что мы ждем утешения, как чего-то совершенно законного, как будто это является обязанностью Христа и обязанностью Церкви. И не получив утешения, мы считаем себя вправе обижаться, отворачиваться и искать его вне Церкви.

Принося себя в Церковь и трезво себя оценивая, какими мы себя приносим, и как Христос нас такими принимает, мы можем испытывать только удивление, чувство собственного недостоинства и бесконечной благодарности. А тот, кто испытывает такие

чувства, не может ни требовать чего-то, ни предъявлять счетов, ни удивляться, почему с ним обошлись не так, как он ожидал.

Да почему же должно стать легче в Церкви? Наоборот! Все Евангелие говорит нам о том, что это – узкий путь (см.:Мф.7,14)., … Пришел в Церковь – умри для мира, «отвергнись себя, возьми крест свой» (Мф. 16, 24), «душу свою погуби» (см.: Лк. 17,33)… Это для каждого христианина говорится. Этих слов почему-то никто слушать не хочет.

Таков сложившийся стереотип мышления у человека, приходящего в храм: после исповеди мне должно стать хорошо, легко и радостно. И в первый раз войдя в храм, принося свою обвальную жизнь: жуткую совершенно, в грехах, в поступках ужасных, не осознаваемых до конца, – люди приходят не с тем, чтобы разобраться, что они натворили, а с тем, чтобы сказать: «Мне плохо, я хочу, чтобы мне стало хорошо». Как приятно придти в храм время от времени, исповедоваться, почувствовать: «Ух, как легко», – и продолжать жить обычной жизнью, совершенно не похожей на христианскую.

Но исповедь не обязательно должна приносить человеку наслаждение и удовольствие. Хотя об исповеди много сказано утешительных слов в Евангелии, о том, сколько «на небесах радости будет об одном грешнике кающемся» (Лк. 15, 7). На небесах она действительно существует, но это не значит, что кающийся грешник приходит затем, чтобы эту небесную радость взять себе и, отходя от исповеди как ни в чем не бывало, облегченно вздыхать: «Ну, слава Богу, все прошло, я все рассказал о себе и теперь ни за что не отвечаю». Как будто Бог не все знает о человеке. Если бы мы себя видели, как нас видит Господь, то просто не смогли бы существовать на Земле от отвращения к самим себе. Я вокруг себя такого натворил, что мне плохо, но я прихожу на исповедь и жду, что мне станет хорошо. Почему? Не для того дано Богом это Таинство. Если ты плохо поступил, то живи с этим и научись переживать то, что ты сделал, как рану.

Каждый человек должен внимательно посмотреть на себя: насколько его приход ко Христу, его исповедание собственной веры есть настоящее желание обнищать для Христа, отказаться от всего того, что несешь в себе ложного, не евангельского, не того, что Церковь преподает, как идеал Истины. Церковь это то место, где человек должен служить и приносить себя в жертву Богу и людям, где он должен нести свой крест, сораспинаться Христу, быть мужественным, кровь свою за других проливать.

Конечно, приход ко Христу не означает, что мы сразу становимся идеальными. Но вопрос в образе нашего пришествия ко Христу: готовы ли мы по-настоящему обнищать, готовы ли представить себя обнаженным перед истиной? Не несем ли мы в себе желание к этой истине прилепить несколько ярлыков и сделать вид, что это тоже христианство.

«Душа наша на свет является со старым; и если не отнять у нее этого старья, она так и останется старою, не вкусив новинки».

Св. Феофан Затворник

Человека, который избрал себе широкий путь, ветхий человек не мучит, он с ним примирен, и жить ему более или менее удобно. Самое главное, что в нем вызывает болезненность, это само учение Церкви, которое не совпадает с его ложными представлениями, и с которым он начинает бороться, воспринимая свой протест, как некий путь борьбы за истину и свое несение креста. В остальном же, чаще всего человека, который живет иными идеалами и имеет что-то еще, кроме Христа, ветхий человек не сильно тревожит.

Другое дело, если человек приходит ко Христу действительно с желанием обнищания, если евангельский юноша не уходит от Христа, а все-таки готов раздать свое богатство нищим, если он окончательно решил для себя, что нет у него пути, кроме христианского, нет никакой другой истины, она ему не нужна, ему хорошо со Христом, ему хорошо в Церкви. Теперь мы говорим о тех, кто сделал решительный шаг ко Христу, встал на путь,

который потому-то и назван узким, что человек приходит с желанием истины, но ею еще не обладает.

В этот момент начинается протест ветхого человека, его стремление победить человека нового. Ветхий человек, по слову апостола Павла, начинает проявлять себя во всем своем безобразии, и его постепенное истлевание является наиболее невыносимым и составляет основную тяжесть узкого пути: оно мешает нашей молитве, нам хочется поскорее закрыть молитвослов и включить телевизор; оно мешает нам соблюдать посты. Эта внутренняя тяжесть заставляет нас искать какого-то отдохновения, расслабления, удовольствия в чем-то таком же ветхом.

Неспособность справиться с ветхим человек чаще всего и рождает уныние в наших сердцах и тяжелую проблему, как соединить в себе категоричность евангельских требований и себя самого. Пришел я ко Христу или не пришел? С Ним я или не с Ним, если до сих пор остался со всеми своими мерзкими привычками, с которыми был и раньше, до Крещения? Это состояние нашего возмущения, или уныния, или отчаяния, какой-то тяжести на душе, – признаки истлевания ветхого человека. Если мы чувствуем боль, значит ветхий человек в нас истлевает. Значит, мы еще как-то живы, у мертвого ничего не болит.

Вот это и есть самая настоящая духовная борьба. Запах гнили ветхого человека часто лишает нас представления даже о своей настоящей вере, потому что он бывает настолько силен, что кажется, будто эта ветхость и есть мы сами.

Ветхость часто нас побеждает, заставляет возвращаться к себе прежним. И может так случится, что человек-христианин поверит в свою ветхость, откажется о духовной борьбы, не захочет идти ко Христу. Однажды придя ко Христу, человек может вдруг оказаться без Него, уйти восвояси и не вернуться. Блудный сын вернулся, а мог бы и не вернуться. Случается и такое.

«Евангельский сын уходит из Дома только один раз. И возвращается он к отцу в Дом тоже один раз. А я все время бегаю из Дома и вокруг него. Не умею ни жить в нем, ни пасти свиней вдали от него».

Арх. Иоанн Сан-Францисский

В известной притче о блудном сыне можно порадоваться разрешению этой тяжелой ситуации: все было так плохо, а стало хорошо. Все кончилось хорошо, потому что отец очень любит своего сына. Сын все расточил, а отец его все равно принял (см.: Лк. 15, 11–32)

Но не каждый, кто вот так уходит от Бога, бездумно расточая Его дары, возвращается. Кто-то навсегда остается есть свиную пищу, которая к величайшему сожалению, многих устраивает. Сын не мог с этим примириться, не мог насыщаться свиными рожками, а кто-то вполне может ими питаться, вполне может в этом месиве копошиться, так что иногда не разберешь, где свиньи, а где люди.

Что такое эта «чужая страна», о которой говорит притча? Это не блудилища, не какие-то страшные притоны разврата, это наш привычный мир, оставшийся без Бога, положивший законом своей жизни совсем другое: он жаждет другого, питается другим и кормит своих чад не тем, что Господь нам подает, не тем, что приводит в жизнь вечную, а тем, что свиньи едят. И для многих христиан этот мир стал своим, не чужим. В Евангелии о нем сказано, как о стране далекой, стране чужой. Мир – чужбина, а Отечество – Царствие Небесное. Отечество – это Церковь, это мир Христов, это закон Божий, – вот что такое Отечество наше, где Господь царствует, изгоняя из нас всякое самолюбие, всякое желание что-то по-своему сделать, чтобы мы сумели принять то, что Господь нам дает.

«Все Мое, – говорит Он сыну, – твое» (см.: Лк.15, 31). Каждому из нас говорит Господь эти слова, и каждый из нас поступает с Его дарами по-своему. Старший сын поступает по-своему. И младший сын поступает по-своему. А мы говорим: «Дай нам – мое, чтобы оно

не было нашим: Твоим и моим, – а стало только моим». Мир живет этим главным законом, чтобы твое было твоим, а мое моим: мои проблемы – моими, а твои – твоими; чтобы между людьми никогда не было никакого соединения. «Мое» – вот главное слово, пароль этого мира.

Если человек живет в таком мире, эта пища ему становится необходима и желанна, он может ей насыщаться, чувствовать себя при этом совершенно комфортно, на своем месте: расширять хранилища, умножать это мое и вытеснять из своей жизни все остальное. Конечно, это лишь иллюзия: насытиться этой пищей человек не может и всегда будет испытывать голод и жажду, но само чувство пожирания становится привалирующим.

К сожалению, не каждый сможет очнувшись встать и сказать: «Что же я, безумец, делаю, ведь в доме отца моего все наше».

Эта притча нам для того и дана, чтобы мы все-таки испугались очень простой вещи: что страна далекая – моя, этот мир чужой – мой, чтобы нам стало страшно, чтобы мы очнулись, как этот блудный сын, нашли в себе силы встать, возненавидеть эту свиную пищу, взглянуть на небо и сказать: «Отче, согрешили на небо и пред Тобою и не достойны называться Твоими детьми. Прими нас хотя бы в число Твоих наемников», – и начать свой путь к Богу, настоящий труд духовный, лишенный всякого саможаления, всякого, если хотите, утешения, для того только, чтобы мы смогли, подобно евангельскому сыну, воспрянуть и вернуться к Богу.

«Умри для всего, что имеешь у себя, потом живи во Мне; изыди из ветхого мира страстей и потом вступи в новый мир духа. Ветхому человеку невозможно ходить путем Христовым».

Прп. Исаак Сирин

Мы должны очень хорошо понимать, с чем связано наше состояние, в чем заключается наша двойственность: в том, что мы путь не тот выбрали и идем совершенно в другую сторону, удаляясь от Христа, или же мы идем ко Христу, но ветхий человек заставляет нас быть прежними, постоянно забываться и обманывать Христа.

Да, мы постоянно обманываем Христа. Мы постоянно хотим свернуть с этого пути, то и дело хотим не того, чего пожелали с самого начала. Мы пожелали сначала одного, а потом постоянно желаем совсем другого. Это вопрос духовной борьбы. Это вопрос искренности и понимания того, что же все-таки мы выбрали. Это вопрос нашей изначальной верности.

Если человек в какой-то момент понимает, что он просто банально не верен Богу, то он может разобраться, кто в нем неверен. И если неверен ветхий человек, то бояться этого не надо, потому что весь путь человека ко Христу – это постепенное умирание ветхого человека.

Наша христианская жизнь, к величайшему сожалению, состоит из настроений и порывов. Когда что-то с нами случается, и мы вдруг делаем нечто хорошее, то так собой становимся довольны и горды, и этот порыв настолько нас вдохновляет, что потом на очень долгое время мы отходим от Бога, остаемся без Него до следующего раза, до тех пор, пока что-нибудь еще с нами случится. Таким образом не стяжать благодати. Таким образом стать христианином нельзя, потому что христианин призван оставаться христианином всегда, каждое мгновение своей жизни. Именно этому учит нас Евангелие, когда говорит, что «верный в малом и во многом верен» (Лк. 16, 10), что не доверяется большое тому, кто не может быть верен в малом.

Приходят люди на исповедь и каются в одних и те же грехах, и отходят неисцеленные. Казалось бы, разве благодать нам не подается в Таинстве Покаяния? Нам подается благодать, величайшая благодать, которая может из нас сделать святых. А мы не умеем принять эту благодать. А мы отходим такими же, какими и пришли, теряем ее по самой простой причине, – мы не верны Богу. Мы не способны ему быть верными всегда, служить

каждый день, всегда быть одними и теми же. Мы очень переменчивые люди. Мы не очень верим, что Господь спасет нас, если мы возложим на Него все наше упование. Каждый раз, когда дело доходит до главного, мы отворачиваемся от Христа.

Это и есть тема для исповеди: что нам мешает быть со Христом. Когда человек готовится к исповеди, ему по большому счету надо задать себе только один единственный вопрос, но задать его всерьез: «Что мне мешает быть со Христом? Кто мне сейчас мешает быть со Христом?» И в этот момент ветхий человек себя покажет.

Настоящий смысл Таинства Покаяния состоит в том, чтобы мы могли этого ветхого человека в себе истребить. Каждый раз снова и снова уничтожать его на исповеди, исповедью попирать и побеждать, чтобы с каждой исповедью его сила истлевала и уничтожалась в каждом из нас.

Оставление прежнего

«Некто был спрошен: «Что есть покаяние?». И ответил: «Оставление прежнего и печаль о нем». Прп. Исаак Сирин

«Неправедно покаяние того, кто надеется за немногими и несколькими ударами в перси загладить многие неправды свои! Сомнительно прощение грехов того, кто помышляет немногими слезами без трудов и подвигов, свойственных истинному покаянию, обмыть свои многие беззакония».

Свт. Димитрий Ростовский

Смысл Таинства Покаяния заключается не в том, что был человек грешным, а теперь грех ему простился, и он за него не отвечает, а в том, что человек побеждает грех: сначала он его осознает, потом оплакивает, потом ненавидит его, начинает с грехом бороться, и, наконец, с помощью Божией его побеждает. Поэтому покаяние, как Таинство, не имеет четких временных границ. Оно начинается с личного покаяния перед Богом в тайне, когда тебя, как Нафанаила под смоковницей, видит только Господь (см.: Ин. 1, 48), продолжается во время исповедания греха Богу в храме перед священником и заканчивается в момент принесения плодов покаяния.

Не обязательно совпадая друг с другом по времени, покаяние и исповедь и эмоционально переживаются по-разному. Последняя молитва нашего вечернего правила – это повседневное исповедание грехов. В ней каждому из нас дается общая форма и перечисление наиболее очевидных прегрешений. Читая эту молитву формально, мы можем исповедоваться в тех грехах, которые, может быть, и не совершали. Не каждый даже понимает, что такое, например, «мшелоимство». А ведь эту молитвенную форму можно наполнить настоящим содержанием и вместо «скверноприбытчества, мшелоимства и лихоимства» вспомнить, как мы в этот день гордились, лгали, празднословили, обижали ближних, забывали о Боге, и принести не формальное, а настоящее покаяние. Эта ежевечерняя исповедь помогает нам понять, с какими грехами нам необходимо бороться именно сегодня, увидеть свои главные отступления от Бога. В этот момент наедине с собой они осознаются глубоко и всерьез, и понимаешь, как важно сейчас с ними справиться. И пусть через несколько дней на исповеди мы не будем чувствовать это так же глубоко и остро, и наше покаяние будет выглядеть не очень величественно и как-то мелко. Тогда, наедине с собой, мы пережили настоящее покаяние. И это тоже – Таинство, во время которого Господь нас слышит и наше покаяние принимает.

В требниках и в семинарских учебниках написаны условия, при которых совершается исповедь – священник, епитрахиль, требник, кающийся грешник, вычитанное правило. И вот вроде бы все соблюдено, и все нужные слова сказаны, но если покаяния не было и нет

решимости бороться с грехом дальше, Таинство может и не совершиться. Настоящее покаяние происходит только тогда, когда оно сопровождается духовным трудом.

Десять раз ты каялся, все понял для себя, все осознал, на исповеди с сокрушением рассказал о своих грехах, и… ничего не сделал. Ведь так легко ничего не сделать после исповеди. Такая свобода, такая легкость наступает, что сразу хочется пойти в гости, поговорить со своими друзьями, да что угодно сделать, но только не трудиться над собой. Чаще всего так и бывает. Эти радость и легкость после исповеди заканчиваются полным откатом назад. А потом удивляемся, – как же так? Почему же я опять согрешил тем же самым грехом?

На самом же деле все очень просто: там, где нет духовного труда, где нет работы над собой, там не было и настоящего покаяния. Был формальный повод придти в храм, было эмоциональное переживание своего греха, было, наверное, обстоятельное объяснение, как это все совершилось, так сказать, «репортаж о содеянном», но исповеди не было.

Личное покаяние, церковная исповедь, а потом духовный труд – это единое пространство духовной жизни, это и есть Таинство; не только когда мы понимаем, что такое грех, не только когда мы приходим к священнику и говорим: «Я виноват в том-то и в том-то», – но когда исповедь и покаяние соединяются между собой, и когда после этого мы приносим плоды покаяния, и происходит освобождение от греха и духовное исцеление.

«Просвети убо очи сердца моего и даждь ми умиление к покаянию и сокрушение сердца ко исправлению…»

Молитва по 10 кафизме Псалтири

Библейская история о грехопадении дает возможность предположить, что Таинство Покаяния было установлено еще в Раю. И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: «Адам, где ты»? (Быт. 3,9). Господь призвал Адама к покаянию, и если бы прародители покаялись, в тот же момент и были бы прощены. Но этого не случилось… Так и каждого из нас Господь ищет и призывает: «Где ты, Адам?» . И так же трудно правильно отозваться на этот зов. И мы, подобно Адаму, прячемся от Него.

Покаянию учатся, как всякому духовному подвигу. Ведь чаще всего сердце человека – окамененное, и покаяние – поверхностное: человек знает заповеди, у него есть совесть, которая подсказывает, когда он согрешает, – в этом человек себя обмануть не может, – но не всегда он способен осознать глубину своего греха, не чувствует того искажения, которое происходит с ним после согрешения, не может ужаснуться происшедшему падению. Чтобы дойти до глубины покаяния, необходимо пройти долгий и трудный духовный путь.

Начинается он, прежде всего, с молитвы, в которой человек призывает Бога дать ему искреннее покаяние: это покаянные каноны, покаянный псалом, поклоны с сердечным сокрушением, понуждение себя на этот ежедневный труд. Это молитвенный вопль Богу, чтобы Господь дал видеть грехи и открыл сердце для покаяния.

Конечно, индикатором человеческих поступков служит, прежде всего, совесть, поэтому каждый человек, верующий или неверующий, в какой-то мере испытывает и чувство покаяния, и желание покаяться. Изначально заложенное в человеке покаянное чувство возникает сначала как стыд за совершенный грех. Но внутренняя разделенность человека создает многие препятствия к покаянию. Иногда сердце глубоко осознает, что что-то не так, неправильно, а ум разобраться не может. Человек одновременно и понимает, что же на самом деле произошло, и тут же ищет этому оправдания. Свидетельство совести – это как свидетельство Иоанна Крестителя и его призыв к покаянию. Но оно может остаться гласом вопиющего в пустыне, если не соединится с умом, который, подобно Ироду, ищет оправдания своей лжи, своему греховному поступку, пытается заглушить этот призыв, как Ирод пытался заткнуть рот Иоанну Крестителю. Внутренний подвиг самого человека

заключается именно в том, чтобы эти две духовные величины соединились, чтобы сердце и ум пришли в согласие, в совместный поиск правды Божией в себе самом.

Это очень болезненный путь, все естество ветхого человека восстает против обличения совести, все его падшее состояние с этим борется. Когда священник назначает кающемуся епитимью, это как раз и есть предложение потрудиться над собой для покаяния. Ведь епитимья – не наказание: как в уголовном кодексе, – за такое-то преступление столько-то лет отсидки. Это возможность растопить свое сердце, оживить как-то окамененную душу свою, чтобы глубоко-глубоко почувствовать, как страшен грех. Такая внутренняя работа сама по себе уже делает человека другим, потому что, когда он начинает осознавать ужас совершившегося падения, у него происходит перемена сознания.

«Мы каемся персонально, но наши страсти являются тем, что жестоко угнетает мир. Следовательно, то, что мы живем, не является отдельным от жизни мира. Нашим покаянием мы не живем только нашу индивидуальную драму: живем в самих нас трагедию всего мира, драму его истории от начала времен».

Архим. Софроний (Сахаров)

Грех обладает страшной губительной силой не только для того, кто его совершает, но и для тех, кто с этим человеком кровно связан. В евангельской притче о двух должниках, в которой за долг одного члена семьи, вся семья продается в рабство, Господь открывает очень важный закон духовной жизни: грех одного человека связывает всех ближних, ставит препятствие на пути к Богу. За грехи одного человека без сомнения всегда страдают и другие.

Исповедь дает человеку возможность освобождать всех своих близких от греховной связи. Так покаялся евангельский должник, упросил, умолил, и Господь всех простил, всем дал свободу, развязал все узлы, которыми они были связаны.

Наиболее тесно люди соединены в браке. Как благодать, так и грех имеют особенное проникновение в наших ближних, и если два человека живут в таком единении, что они как бы одно существо, то, конечно, отвечает за грех тот, кто его совершает, но страдает от этого греха тот, кто неповинен.

Брак имеет свое осуществление только в общем взаимном спасении, иначе он лишается смысла. Если люди не спасаются вместе, то брака у них быть не может: он или разрушен, или не осуществился. Трудно сказать, каким образом происходит это взаимное спасение, может быть, молитва и сама любовь одного из супругов, несмотря на полное отвержение от Бога другого и его греховное состояние, тем не менее может в дальнейшем привести его ко спасению. Возможно, если люди до конца прожили в браке, то благодаря неустанной молитве и терпению одного из них и его постоянному сораспятию за другого этим спасается и второй… Не знаю… «Тайна сия велика есть» (Еф. 5, 32).

«Никто не должен приступать ко Крещению во Христа, в котором очищаются все грехи, если прежде не раскается в прежней жизни. Никто не начинает новой жизни, не раскаявшись в старой».

Блаж. Августин

Многое из того, что произошло в жизни человека, уже не исправишь. И проходит жизнь, оглядываешься, и видишь свою жизнь, как кораблекрушение. Вокруг – кладбище потерянных друзей, поврежденных жизней, предательств, а человек как бы выныривает из болота и думает, что можно и дальше ни за что не отвечая перескакивать с кочки на кочку. Это величайшее заблуждение.

Мы знаем, что в Крещении человеку прощаются все грехи. Многие сейчас крестятся во взрослом состоянии и спокойны, что все прошлые грехи им прощены, но можно ли забыть о том, что совершено до Крещения? Надо ли исповедовать грехи, которые были до совершения Крещения взрослого человека? Не надо. Но тогда сделать это следует перед

Крещением. Крещение взрослого человека должно предваряться полной, глубокой и подробной исповедью, потому что Крещение – это тоже Таинство Покаяния.

Человек, может быть, стал другим, но люди, которых он когда-то в юности толкнул на грех, продолжают вертеться в этой адской бездне. Как быть с этим? Возможно ли себя простить, если даже вспоминать о совершенном бывает страшно?

В свое время я сам многого не осознавал. Сейчас я молюсь за одного умершего священника. Когда он был молодым человеком, я совершил ошибку, дав ему ход к священству, а он не выдержал этого креста, стал пить и умер в запрещении. Его нашли раздетого и избитого, скончавшегося в состоянии алкогольного опьянения. А я тогда был благочинным, видел его слабости, но думал, что он найдет в себе силы бороться. Как это исправишь? Человек уже умер…

Ответственность за прошлые грехи не может исчезнуть. Как можно быть уверенным в прощении грехов, если их плоды до сих пор живут на земле? Значит, что-то надо делать. Молиться за тех, кого безумием моим соблазних и от пути спасительного отвратих, или до конца своих дней оплакивать свой грех, но только не быть успокоенным осознанием того, что ты сам уже другой. Ведь на самом деле, если ты хороший, а они погибают, это происходит и по твоим грехам. Человек должен быть внутренне озабочен этим и приносить плоды покаяния не только за себя, но и за всех тех людей, которых он когда-то толкнул на грех.

Но существует и бездна милосердия Божия, оскудевающее восполняющая и немощствующее врачующая, и это единственное, на что можно надеяться. Человек имеет возможность закрыть дорогу ко греху в самом себе, а потом добрыми делами принесенными плодами покаяния свою жизнь исцелить. В Таинстве Покаяния пресекается его греховная связь с тем обществом, с тем миром, с теми людьми, которые были втянуты в этот круговорот смерти. И я думаю, раз человек – существо церковное, его дальнейшее исцеление для многих людей может явиться ослаблением действия греха и в них. Возможно, наверно, и такое.

Понимание того, что его грех еще живет в мире, не должно позволить человеку успокаиваться в его движении к Богу. Каждое его доброе дело, каждая молитва, каждое приношение Богу должно быть в какой-то степени приношением за всех людей. Может быть, это не до конца осознается человеком, с кем-то он уже не может восстановить отношений, это может быть и ненужно. Но его добродетель каким-то таинственным образом должна коснуться и тех людей, с которыми он когда-то был связан узами греха.

Мы говорим о том, что грех – временный, а любовь – вечна, и если твоя добродетель и твоя жизнь во Христе сопряжена с вечностью, то всякая вечность другого человека может быть сопряжена и с твоей добродетелью. Иначе все бессмысленно. Иначе твое личное спасение является только осуществлением каких-то твоих собственнических идей. Мы же не можем сказать: «Я-то спасусь, а если вы не хотите или не можете, это ваше дело» Раз мы соединились в этом мире, наверное, есть и какая-то возможность, пройдя определенный круг жизни, что-то сделать для тех, с кем мы были связаны узами греха, пусть не для изменения их временной жизни, но сделать что-то для вечности.

Раз мы чаем воскресения мертвых, мы чаем и того, что есть какие-то возможности за пределами времени, и они в Боге могут иметь свое осуществление через тебя, через твое покаяние, через твою жизнь во Христе.

«Когда вы о чем-то просите в течение долгого времени, и Он не дает вам помощи, знайте, что причина этому – ваша гордость. Мы должны помочь Богу своим смиренным мудрованием. Скажем так: «Боже мой, я такой никчемный человек. Прошу Тебя, прости и помоги мне»!

Старец Паисий Святогорец

Без постоянства, без молитвы, без понуждения себя на покаяние, – исповедь становится формальностью, привычкой, что мы часто и наблюдаем. Покаяние – это не какие-то всплески сознания, а образ жизни.

«Помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется» (Мф. 15,22), – говорит евангельская хананеянка, хотя ей самой, как язычнице, мессианское обетование было чуждо. Господь не откликается. А она идет и просит: «Помилуй меня, Сыне Давидов». А Господь молчит и не оборачивается. Но она идет и кричит во след. Даже ученики стали уговаривать Его: Отпусти ее, потому что кричит за нами» (Мф. 15:23). В этой евангельской истории строгость, с которой отнесся Христос к Хананеянке, удивляет до непонимания. Почему Христос отворачивается от язычницы? Как приговор звучат слова: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24). Страшно услышать в ответ на вопль отчаявшейся матери: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15:26).

Но эта женщина почему-то не оскорбилась, не прокляла Христа, не стала всем рассказывать, как Он грубо с ней обошелся, как ее не поняли, не выслушали ее горькую просьбу. Она сказала очень важное слово, она признала, увидела в себе нечто такое, что не давало ей право называться дочерью Израилевой. Но одновременно она поняла, что жить без Бога не может. Когда Господь не отвечал на ее молитвы, не поворачивался к ней лицом, она не переставала идти за Ним.

Господь не откликнулся сразу на ее призыв по одной простой причине: Он дал ей возможность совершить очень важный духовный путь – от оскверненной язычницы до дщери Израилевой. Эта женщина так долго шла за Христом, прося Его о милости, что вернуться обратно без Христа она уже не могла.

Как часто бывает с нами: Господь не помог нам сразу, и в ответ – отчаяние, уныние, нежелание идти дальше, нести свой крест, что-либо делать… Это говорит только о том, что человек шел не к Богу, он шел только за своим, за исполнением своего маленького, совсем не главного желания… Преображения жизни он не искал.

Человеку надо до конца пройти этот путь, чтобы понять, что без Бога ему невозможно жить в этом мире, что без Христа он ничто. Даже если его дочь будет здорова без Христа, это все равно будет болезнью.

И вот женщина, которая прошла такой тяжелый, казалось бы безблагодатный путь, ушла христианкой, потому что она поняла самое главное: она поняла кто она такая. Очень важно хоть раз в жизни по-настоящему увидеть себя таким, каков ты есть, понять, что занимает твое сердце. И когда это происходит с человеком, у него рождается очень важное чувство – глубочайшее покаяние и сокрушение о своей жизни. И тогда будешь просить хоть крупицу, потому что без этой крупицы жизни тебе нет.

Эта евангельская история учит нас, как надо к Господу приходить, учит понимать, на что Господь откликается: на глубочайшее смирение и сокрушение о своих грехах. А смирение начинается с того, что человек перестает бояться видеть себя таким, какой он есть на самом деле.

«Искушения, неожиданно с нами случающиеся, по усмотрению Божию научают нас быть трудолюбивыми и невольно влекут к покаянию».

Прп. Марк Подвижник

Каждый день в молитве «Отче наш» мы просим: *«И не введи нас во искушение».*

Словом «искушение» мы называем по крайней мере два обстоятельства в нашей жизни. Прежде всего, мы привыкли понимать искушение, как какое-то внешнее явление, толкающее нас на грех, и очень часто списываем на искушение то, что принадлежат лично нам, участию нашей собственной воли, сердца и ума. «Вот какое искушение», – часто

говорим мы к месту и не к месту. Это выражение стало своего рода дурной присказкой православных христиан: всюду сплошные искушения. Однако, не всегда это так.

С одной стороны, конечно, бес – наш искуситель. Как мы знаем, он трижды искушал Христа в пустыне, и эти искушения до сих пор являются как бы центром нашей духовной борьбы. Но есть еще и наше самовольное стремление жить по своей воле, для себя, а во всех окружающих видеть препятствия для собственного спасения и находить в них такие качества, которыми мы свою испорченность всегда можем оправдать. В этом как раз проявляется глубокое отпадение от Бога, и искушение тут не при чем. Это мы сами.

Вспоминается такой случай из Патерика.Великим постом игумен обходил кельи братии и через окно увидел монаха со свечкой в руках, стоящего в неподвижном молитвенном положении. Долго стоял этот брат не шелохнувшись. Тогда игумен тихонько зашел в келью и увидел, что монах на свечке печет себе яйцо. Обернувшись и увидев игумена, брат воскликнул: «Отче, прости, меня бес попутал». А бес вылез из-под кровати и говорит: «Нет, это не я, это он сам придумал».

Или другой случай из более близкой нам церковной истории, из жития преподобного Амвросия Оптинского. Как-то он шел в скит и увидел, что на заборе сидит бес, ножками качает. Преподобный спрашивает: «Ты что тут делаешь?» А он: «А что мне еще делать, никакого дела в вашем монастыре нет. Такие монахи, что их искушать не надо, без меня все в порядке».

А искушения, действительно, есть. Так сатана искушает Господа в пустыне после Крещения. Он искушает Его, как человека (ведь Бога нельзя искусить), и в Его лице – все человечество. И поэтому все человечество до сих пор искушается этими тремя способами.

Первое искушение, когда бес говорит Христу, голодному Человеку, который сорок дней постился и взалкал: «Скажи, чтобы эти камни сделались хлебами, Ты же можешь» (см.: Мф. 4, 3)..

Но в силах человечества оказалось возможным все безжизненное сделать источником жизни, необходимым, как хлеб. Современный прогресс, который нас питает, и есть, собственно говоря, те камни, которые сделались для нас хлебами. Все материальное, бессмысленное и ненужное стало для мира сего источником постоянного потребления. Мир стал великим потребителем. То, что сейчас строится в первую очередь – это не больницы, не дома престарелых, не приюты для сирот, а гигантские магазины. Безумное человечество бесконечно пытается наполнить свою ненасытную утробу. Вот это искушение настоящее, которое стало мировой проблемой. Человек становится потребителем, и все человеческое стало потребительским. Права потребителя возводятся в ранг новой морали, определенных законов. «Я имею право потреблять то, что я считаю нужным». Люди потребляют друг друга и все вокруг себя. Человеческое естество может потреблять себе подобных, и общество не считает это ни развратом, ни грехом: «Я потребляю, имею право! И какая разница, кого я потребляю, противоположный пол или однополых своих. Кто посмеет сказать, что я делаю что-то не так, тот враг человечества». Всякая мораль, нравственность, закон Божий, определяющий нормы отношений между людьми, становятся враждебными.

Это искушение во все века предлагалось человечеству в целом и каждому человеку в отдельности. Как на него отвечать, показывает нам Господь: «Не хлебом единым будет жить человек» (Мф.4,4). И в нагорной проповеди Он говорит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». (Мф.6:33)

Во время второго искушения бес ставит Христа на крыло храма и говорит: «Бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Мф.4:6). «Не искушай Господа Бога Твоего», – отвечает на это Господь (Мф.4:7). И это искушение тоже предлагается каждому из нас и всему человечеству: «Вот смотри, какой мир лежит перед тобой, давай-ка воспарим!

Плюнем на все и рванемся во все тяжкие! Вот она – свобода! Как птицы будем летать. Есть свобода абсолютная, безграничная! Делаю все, что хочу. Можно в бездну рвануться. Ничего не случится, только попробуй! Ведь тебя же Ангелы подхватят, не бойся. Представь, какую свободу ты почувствуешь в полете!»

Но вот вопрос: «Куда ты летишь?» Летишь обычно вниз. Но чувство полета каково! Каков завораживающий восторг! До земли еще так далеко…

Второе искушение, которое дается человечеству – это искушение безграничной свободой. Попробуй это, попробуй то. Ничего страшного не случится, все будет хорошо, ведь человеку все позволено. Свобода – это и есть идеал. Нет никакой нравственности, есть свобода. Нет никаких границ, есть свобода. Есть свобода, за которой на самом деле нет ничего, кроме смерти.

Третье искушение: «Все это дам Тебе, если пав, поклонишься мне, – говорит сатана, показывая Христу все царства мира и славу их» (Мф. 4,9). Такое простое и банальное: «Поклонись мне, и все тебе будет. Сделай вид, что Бога нет, что нет никакой духовной жизни. Сделай вид, что есть только законы мирского бытия, что тебе нужно в этом мире достичь всего, но без Бога». Не будем долго об этом говорить, современным людям это и так хорошо понятно.

К каждому из нас рано или поздно эти три искушения приходят. Как мы их встречаем, и как мы с ними боремся? Пусть будет нам в этом примером наш Спаситель, который на каждое искушение ответил от лица людей, искушаемый, как Сын Человеческий.

Еще один смысл слова «искушение» – испытание. Именно так его можно перевести с церковнославянского языка, так как оно происходит от слова «искус». Искусный – тот, кто прошел испытания, кто по-настоящему владеет ремеслом. Процесс, когда переплавляют серебро из нечистой породы в чистую, тоже по церковнославянски называют искушением. «Яко искусил ны еси, Боже, разжегл ны еси, якоже разжизается сребро». (Пс.65,10) В этом смысле слова нас искушает, или испытывает, Сам Господь. То есть, с одной стороны нас искушает лукавый, а с другой – испытывает Господь.

Как Бог искушает, мы знаем из Священного Писания. В книге Бытия написано, как Бог искушал Авраама. У Авраама от Сары родился долгожданный сын Исаак. Он дорос он до зрелого возраста (кто-то из толкователей считает, что он был отроком, кто-то – что он был в возрасте Христа), и тогда Господь стал искушать Авраама. Он сказал: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой я скажу тебе» (Быт. 22,2). Авраам взвалил на Исаака вязанку хвороста, и они пошли на гору недалеко от Голгофы. И начал Исаак говорить аврааму: «… вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой» (Быт.22:7–8).

Авраам, которому было обещано от Бога, что именно через Исаака благословится весь его род и умножится, как песок морской, как звезды небесные, идет, исполняя волю Божию. На горе он разводит костер, связывает Исаака по рукам и ногам, заносит нож для заклания, и тут является Ангел Господень и освобождает Исаака, заменяя его овном.

Авраам принимает от Бога заповедь принести своего сына в жертву и одновременно верит в то, что от этого сына произойдет род человеческий. Вот это и есть искушение. С этого момента Авраам называется отцом верующих, потому, что вера его определяется не только знанием о том, что Бог есть и Ему надо приносить жертвы, не только тем, что он исполняет Его повеления, но и тем, что он настолько верит в Бога, что может в себе, в своем уме совместить совершенно несовместимые вещи, не поколебавшись ни в одном из этих двух обетований.

Это искушение кажется бессмысленным и невероятно жестоким, если мы не видим за ним крестной жертвы нашего Спасителя. Как во время искушения от дьявола Христос отвечает за все человечество и побеждает сатану от имени всего человечества, так и

Авраам искушается Богом как все человечество. В его лице Господь испытывает всех нас: достойно ли человечество крестной жертвы Спасителя. Как поется в Евхаристической молитве Литургии Иоанна Златоуста: «Ибо мир Твой так возлюбил еси, якоже Сына своего Единородного дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный». Авраам приносит в жертву своего единородного сына, и Бог, испытывая его верность и любовь, жертвы не принимает, но в ответ на эту верность и любовь отдает Своего Единородного Сына в жертву из каждого из нас. И поэтому всякое наше искушение от Бога – это испытание и нашей верности и любви.

«Как ребенок, непрестанно касающийся огня греха и плачущий, человечество непрестанно касается огня греха и похоти, плачет, и страдает, но – снова и снова касается… не понимая своего состояния духовной детскости…»

Арх. Иоанн сан-Францисский

Грех это болезнь. И исповедь – не всегда моментальное выздоровление.

Если грех по-настоящему из человека изживается, то после исповеди он настолько чувствует ненависть к нему, что самый помысел об этом грехе вызывает внутреннюю брань против него. Это означает, что человек чист от греха и свободен. Но исключительно редко бывает с нами такое глубокое сердечное покаяние, которое не дает возможности греху даже к нам приблизиться, так что всякое приближение помысла этого греха вызывает у нас желание всеми силами души ему сопротивляться. И поэтому грех, особенно мелкий грех, – это хроническое состояние нашей души. Очень досадно и горько это сознавать, но это действительно так.

После тяжелой болезни, человек обычно еще долго бывает слаб, например, после перелома долго не может твердо держаться на ногах, ходит, опираясь на палочку. Так и после исповеди: грех может быть прощен, но чтобы научиться жить без греха, помнить о нем и страшиться согрешить, Господь иногда оставляет в человеке чувство боли и несвободы, которое уберегает нас от дальнейших ошибок, чтобы мы не переставали себя укорять и чувствовали, насколько страшен грек, как тяжело и даже невозможно с ним жить. Досада, смущение и боль могут оставаться в душе еще очень долгое время. Человек скорбит, мучается немножко, на сердце бывает тяжесть, но эта тяжесть и скорбь предохраняют его от будущих ошибок. Хотя, к сожалению, не всегда.

Есть много таких грехов, в которых человеку приходится каяться постоянно, особенно связанных с нашей гордыней, обидчивостью, уязвленным самолюбием. Ты вроде и покаялся, что обиду простить не можешь, и очень хочешь из своего сердца это изжить, как-то по-настоящему исцелиться, но сразу не получается.

Часто люди говорят в смущении: «Ну, зачем я буду приходить на исповедь с одним и тем же грехом?» А на самом деле, если человек духовно с напряжением живет и трудится над собой, если он постоянно много сил прилагает, а грех этот в нем остается, то это уже не тот грех. Наше покаяние постепенно лишает грех власти над нами.

Мы снова и снова каемся в уже исповеданном грехе, но каждый раз мы делаем это, находясь уже на другом уровне: мы осознали свой грех иначе, увидели его с другой стороны, он имеет, может быть, то же название, но это уже совершенно другой грех. Ведь грех многослоен. В нем много поверхностных и глубинных уровней, и человек часто то одну шкурку снимет, то другую, пока дойдет до самой сердцевины. Может быть, вся жизнь на это и уйдет.

Кажется, что мы ходим по кругу, но это более походит на восхождение по серпантину на вершину горы. Наше движение – это не круг, а спираль духовного восхождения. Главное, не останавливаться, а всегда идти вперед: не просто признавая, что это хроническая болезнь (я в ней пребываю, свыкся с ней, приблизительно знаю, как ее переживать, но лечиться не буду, так как считаю, что это бесполезно и бессмысленно, –

думать так неправильно), а помнить о том, что это хроническая болезнь, но она, конечно, исцеляемая. Все болезни даются для исцеления, даже неизлечимые.

«А доказательством того, что они (грехи) прощены, служит то, что из наших сердец истребляется и расположение к ним».

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин

На исповеди каждое наше согрешение должно переживаться именно как отлучение от Бога, иначе исповедь лишается смысла, превращаясь в сеанс психотерапии, этакую духовную химчистку, в которую человек сдает грязную одежду своей души, а получает чистую. Человек просит у Бога прощения и рассчитывает, что Бог обязательно простит, – это как бы вменяется Ему в обязанность. А исповедь объявляется Таинством, в котором хочешь или не хочешь, но тебе грехи обязательно отпустятся, раз Таинство, значит, оно непреложно в своем действии…

Конечно же, всякий раз на исповеди прощаются грехи, но это не значит, что человек становится свободным от греха. Ведь Господь прощает, а человек не становится свободным, потому что сам не хочет освободиться до конца, не хочет приложить усилия для того, чтобы с этим грехом бороться.

Исповедь облегчает жизнь человека, и он очень легко может вернуться к своим страстям. Стало легко, он опять получил помощь, и быстро забыл о той милости, которую Господь ему оказал, и по забвению легко возвращается на прежнее. Но все же надо очень хорошо понимать, что за формой «прощаю и разрешаю», может быть полное неразрешение и непрощение. Бывают такие грехи, такие состояния, что если духовник их внимательно рассматривает, то он может и не прочесть над человеком разрешительной молитвы до тех пор, пока тот не исправит себя, пока не принесет плодов покаяния. Недопущение человека до Причастия это и есть его непрощение. Пока человек отлучен от Церкви, он вне Бога, значит, грех на нем остается, грех еще не искуплен, человек еще не сделал ничего, чтобы его разрешить.

Можно считать, что исповедь, которая не приносит никаких плодов покаяния, и не совершалась. При этом дело совсем не в том, как человек себя на исповеди обнажает, как может описать свой грех. Разные состояния свойственны человеческой душе: иногда необходимость открывать себя до конца причиняет боль, а иногда удовольствие. Разные бывают люди. Некоторые могут скрывать в себе какие-то наклонности и свой грех представлять менее страшным, но есть такое свойство человеческой гордыни и самолюбования, когда человек готов себя достаточно сильно на исповеди обнажить. Если идешь на исповедь, ожидая формального прощения греха только из-за того, что способен назвать этот грех по имени, определить его достаточно серьезно, даже себя в некотором смысле уничижив, но знаешь, что грех тебе еще сладок, что грех тебе еще мил, что ты не хочешь до конца от него отказаться, то этот грех остается с тобой. И знаком непрощения является то, что ты снова в этот грех впадаешь, остаешься с тем, с чем был.

Покаяние измеряется плодами, и истинное духовное покаяние, это изменение жизни. Как его достигнуть? Только решимостью борьбы с грехом. Человек видит в себе, и по настоящему переживает те грехи, с которыми он имеет силы справиться, какими бы большими они ему не казались. Иногда грех, как Голиаф предстает перед нами, но мы, подобно Давиду, должны его победить. То, что мы сами в себе видим в результате помощи духовника, или как озарение нашей совести, или как обличение нашими ближними, все, что дается нашим живым опытом, это видение того, что у нас есть силы бороться с этими грехами. И если мы с ними не боремся, то ответственность за них целиком ложится на нас.

В притче о двух должниках господин простил человека, отпустил, а он тут же начал требовать долг со своего должника, при первой же возможности проявил себя таким же, каким был до этого. Вот пример того, что прощен человек, но не исцелен, и снова посажен в темницу.

Конечно, грех прощается человеку на исповеди. Не надо думать, что существует небесная бухгалтерия, которая тщательно подсчитывает все человеческие грехопадения. Но результатом прощения греха может быть только изменившаяся жизнь человека, и если это не происходит, то человеку приходится нести на себе последствия этого прощения, которое дается только вместе с очень серьезной ответственностью. Ты получил прощение и не изменил свою жизнь, – и тогда приходишь на суд, где тебе говорят, как тому должнику: «Не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последней полушки» (Лк. 12,59).

А бывает так, что человек прощен и исцелен. Это означает, что покаяние совершилось во всей полноте, и прежнего греха с ним случиться уже не может, потому что он принес плоды покаяния.

«Согрешить – дело человеческое, но во грехе быть и лежать – дьявольское».

Свт. Тихон Задонский

Мы все знаем Евангельскую историю о расслабленном (Ин.5, 2–14), который много лет был парализован, не мог приблизиться к целебной воде, и не имел такого человека, который мог бы помочь ему. Расслабленный находился в том месте, где люди получали исцеление, но сам его не получал. Тридцать восемь лет он провел рядом с благодатью, ожидал, когда эта благодать его коснется, и не терял надежды.

Так часто случается и с нами. Мы находимся в таком месте, где люди причащаются и исповедуют свои грехи. Для каждого человека наступает такое время, например время поста, когда благодать касается его сердца, но проходит пост, и возвращаются расслабление, немощи, невозможности собрать себя в единое целое и продолжать жить духовной жизнью. И человека посещает уныние или даже отчаяние, когда он смотрит на себя и понимает, что с ним ничего не происходит. Он ходит в Церковь, а ничего не меняется: каким был раздражительным, таким и остался; каким был ленивым, таким и остался; каким был нерадивым, таким и остался. Почему это происходит? Ведь всё рядом, рядом Христос, рядом Таинства, всё в храме дышит благодатью, которая способна каждого исцелить. Но вот проходят годы, а исцеление, как нам кажется, не наступает. Но так ли это?

Господь показывает, что тридцать лет лежания возле купели силоамской в расслабленном состоянии не прошли даром. Человек всю свою жизнь потратил на то, чтобы быть рядом с благодатью с чувством глубокой надежды на то, что найдется кто-нибудь, кто ввергнет его в купель. Все эти тридцать лет он был грешным и, как кажется, ничего не делал, но на самом деле он внутренне стремился к этому исцелению, потому что, как только рука Господня коснулась его, расслабленный отозвался всем существом. Господь сказал: «Возьми постель твою и ходи» (Ин. 5,11), – и тот не стал рассуждать, – я больной, я слабый, я ведь не могу, – он взял постель и пошел, потому что внутренняя готовность и упование на Христа, являлись центром его жизни и сделали свое дело, – он получил исцеление.

Ведь Господь не случайно обратился к нему, а потому что видел, какой духовный путь прошел этот человек, какую серьезную работу проделал, как все эти годы, находясь рядом с источником исцеления и внешне исцеления не получая, он исцелялся внутренне.

Очень часто Господь ждет от нас только веры и упования, и видя нашу удобоприклонность ко греху, наше непостоянство, не дает нам возможность сразу исцелиться полностью. Он не дает нам сразу богатых даров, которые мы видим у великих угодников Божиих, которые могли чисто молиться, понести труды по служению ближним, которые были просвещены Духом Божиим. С нами так не бывает.

Господь очень часто ведет нас путем расслабленного, давая возможность всегда видеть свое несовершенство, сознавать свои грехи и уповать на Него. Образ расслабленного дает пример настоящего духовного терпения, духовной борьбы, несения своего креста, надежды на Бога. Пусть мы пока ничего не можем, но если мы научимся смиренно

осознавать это, Господь придет к нам и скажет: «Возьми одр свой и иди», – и мы встанем и пойдем за Христом исцеленными.

В этом Евангельском рассказе есть еще один замечательный момент. Для ветхозаветного человека духовное здоровье всегда было связано со здоровьем физическим. Исцеление телесное было знаком исцеления духовного. Евангелие часто приводит примеры того, что больной человек оказывается больным духовно. И вот Христос говорит исцеленному человеку: «Не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже» (Ин.5,14). Потому что самое страшное, что может с нами случится, это то, что грех может нас побороть, а нежелание бороться со грехом, это и есть расслабление.

Если мы хотим быть со Христом, если мы хотим по-настоящему духовно расти, то для каждого из нас есть только один путь – постоянная борьба со грехом, который не дает нам возможности идти ко Христу.

В Таинстве исповеди Господь подает человеку благодатные силы для этой борьбы. Мы почувствовали силу, почувствовали благодать, обновление, почувствовали, что есть настоящая жизнь духовная. И Господь к каждому из нас обращается со словами: «Ты стал здоров, но не живи прежней жизнью! Я помог тебе стать другим, но не возвращайся назад! Будь исцеленным до конца».

Правда, которую надо исполнить

«Грех манит тем, что он «похож на свободу»; он «вроде благодати». Мнимая свобода, неверная радость, ложный простор. Человек обманывает себя. Это и есть грех». **Арх. Иоанн Сан-Францисский**

«Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих…» (Рим. 3, 21–22)

Евангелие, которое читается на Богоявление, повествует нам о том, как Христос приходит на Иордан к Иоанну креститься. Иоанн видит, как Христос идет через толпу грешников, людей искаженных, отпадших от правды Божией, но которые пришли, чтобы каким-то образом себя исправить. Они чувствуют свою внутреннюю неправду и приходят на Иордан с тем, чтобы через покаяние стать готовыми принять Мессию. Иоанн омывает их иорданской водой. Вода – это как бы символ их покаяния и отпущения.

И вот среди этих людей вдруг обретается наш Господь, Сама Истина и Правда, Который приходит к Иоанну и тоже просит крещения вместе с ними. Иоанн, узнав Его, говорит: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне»? А что Христос ему на это отвечает? – Нет, «ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». И тогда Иоанн Его крестит, и в этот момент Дух в виде голубини сходит на Христа, и с небес раздается голос Отца: «Сей естьСын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение». (Мф. 3,13–17)

Тут говорится о Правде. Какую же правду надо исполнить? О какой правде может идти речь? Ведь ни о какой правде, с точки зрения человеческой справедливости, речи быть не может. Какая же тут справедливость, когда безгрешный Христос берет на Себя грехи мира? Справедливость могла бы заключаться в том, чтобы грешник расплачивается за свои долги… А тут этого нет. Вместо того, чтобы грешникам воздавать за их грехи, требовать с должников их долги, Господь исполняет всякую правду таким странным, удивительным образом – Он берет на Себя грехи мира. Всю ложь этого мира, все его искажения, Он берет на Себя, чтобы Самим Собой и Своей собственной жертвой эту правду даровать людям, все исправить и восполнить Собой.

Христос о Себе говорит: *«Я есть Путь и Истина и Жизнь».* Сам Христос есть эта Правда. Только общение с Ним и приобщение к Нему нашу ложь может исправить. Только Сама Истина может восполнить нашу собственную неправоту.

Но соединяться с правдой без страха может только сама правда. А если ты в чем-то неправда, то приобщение к правде может произойти лишь при желании Самой Правды приобщить тебя к Себе, и только через твое желание, сокрушенное сердце и осознание полной своей неправоты. Таким образом и происходит наше приобщение к Правде, и ничто другое нам не может позволить подойти к Самому Христу.

«Бог верен, а всякий человек лжив». (Рим. 3:4)

«Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетливости ума своего, будучи помрачены в разуме…» (Еф. 4,17–18)

Есть совершенно замечательный афоризм Аввы Дорофея: *«кривое правило и прямое делает кривым».* По церковнославянски слово правило означает – линейка, то, чем правят, выправляют и управляют. Наша кривая линейка – наше искаженное внутреннее правило, которым мы измеряем мир, себя, ближнего, оцениваем его поступки, выносим свой маленький приговор или даем оценку тому или другому явлению мира, – все делая кривым, как это ни странно и ни страшно. А так как наш взгляд на мир может быть ложным, Авва Дорофей не советует верить никаким своим помыслам. Если человек начинает доверять своему мнению об этом мире, своим мыслям о том, как на него смотрят другие люди, в нем появляется мнительность, он постоянно переживает, что о нем подумают, и верит своим измышлениям. На других людей, на их поступки и взаимоотношения он смотрит так же неправильно, веря своему искаженному суждению о них. Это рождает в человеке подозрительность, неуверенность в себе и постоянное уныние, заставляет доверять пересудам, клеветать на ближнего, искажать искаженное и передавать дальше, как испорченный телефон.

Так же опасно и бесплодно доверять и своему мнению о самом себе. Ложное самомнение заставляет человека оправдывать себя в любом неблаговидном поступке и, в конечном счете, опять лгать. Когда правда Божия никому не нужна, а совсем без правды человек жить не может, необходимо всякое свое злодеяние и коварство оправдывать только видом добродетели. Начинаясь с мелочи, это мало-помалу входит в привычку, и человек начинает лгать не только мысленно, доверяя своим измышлениям, и не только словами, оправдывая свои неблаговидные поступки, а всей своей жизнью. Подлец притворяется благородным и хвалит честность и благородство. Блудник начинает выдавать себя за целомудренного и хвалит целомудрие. Не потому, что он хочет быть целомудренным и честным, понимая, что он не таков, что для него это недостижимая высота, но он намеренно соблазняет на грех других, подобно сатане обращается в ангела света, чтобы соблазнить. “Ибо ни неправда, ни сам дьявол, ни одна ересь не могут соблазнить, как только под видом добродетели”, говорит авва Дорофей. Человек, постоянно себя оправдывающий и не умеющий жить никак иначе, как только во лжи, начинает пользоваться ложью, чтобы убивать других людей.

Это, конечно, крайнее проявление навыка лжи, но нет такого человека, который не был бы ложью хоть в какой-то степени искажен. И поэтому Господь не дает нам возможности стать мерилом этого мира. Исполняя всякую правду, Он показывает, как ее можно исполнить, – через явление миру, через Богоявление Свое, – и не дает нам пути поиска правды и справедливости по человеческим меркам, а указует путь милости и покаяния.

Все неестественно искривленное, искаженное грехом должно быть выпрямлено и уврачевано покаянием, если это не сделано, то человек просто не имеет возможности соединиться с истиной. Наш единственный Учитель и Педагог берет на Себя нашу неправду, восполняя ее Своею благодатью, и все, что Он оставляет сделать нам, – это потрудиться над собой. Но прежде всего человек должен увидеть свою ложь, определить

критерии собственной неправды, понять, в чем лично он всегда прегрешает против истины.

В Евангельской истории о слепом Господь спрашивает нищего: «Чего ты хочешь от Меня?. – Господи, чтобы мне прозреть. И Иисус сказал ему: Прозри! Вера твоя спасла тебя». (Лк. 18:41–42)

Слепой человек воспринимает окружающим мир только осязанием, и эта привычка жить на ощупь у слепорожденного, очень сильна – никакого другого способа восприятия у него нет. Так и мы, даже обратившись к Богу, часто живем, как слепорожденные: привыкли жить только тем, что можно пощупать, на что можно опереться. Были бы мы по-настоящему зрячими, мы бы в каждом своем ближнем видели Бога, в тяжелых обстоятельствах жизни – милость Божию, непрестанную заботу о нас Творца. У нас было бы ясное зрение – Господь рядом, близко Господь, и никакие жизненные обстоятельства нас бы не пугали, не раздражали, не приводили в уныние. Слышание Его слова, никогда бы не оставляло бы нас в беспомощности и унынии, в котором мы чаще всего пребываем.

Христос приходит, чтобы просветить. Но хотим ли мы прозреть? Разве мы так просим, как тот слепец? Его молчать заставляли, а он кричал. Спросил Господь: Чего ты хочешь от меня?» Он же не попросил ни смирения, ни терпения, ничего другого. Ведь если мы обращаемся к Богу, то просим всего сразу: этого и этого нам дай, и, Господи здоровья, и чтобы на работе все было хорошо, помоги нам с ближними, помоги, помоги… А о прозрении не просим, в этом как будто не нуждаемся. Иногда даже бывает так, что мы боимся просвещения. А чтобы так, как слепой сказать: Господи, хочу прозреть! Ведь это же такие слова сильные. Это значит, все увидеть по-настоящему, неискаженно, и, прежде всего – увидеть правильно самого себя. А это тяжело и неприятно. Очень хочется думать о себе хорошо.

«Бог творит из ничего: доколе мы хотим и думаем быть чем-нибудь, дотоле Он в нас не начинает дела Своего».

Прп. Иоанн Лествичник

«Когда человек искренне придет в сознание, что он ничто, Бог начнет творить из него великое».

Прп. Нектарий Оптинский

Почему так часто в Евангелии мы видим отвержение, неприятие и обличение фарисейства? Потому что это праведность, но не настоящая. Все хорошо, но фальшивка. А все, что не настоящее, в настоящее войти не может, как не может фальшивое золото стать настоящим. А настоящее, оно в любом виде настоящее: скажем, настоящий грешник может стать настоящим праведником, а ненастоящий праведник никем быть не может, потому что, и согрешив, он даже грешником настоящим не может себя ощутить, – всегда будет оправдываться и досадовать на себя, – ведь я же праведник, как такое со мной могло случиться?

Когда перед человеком раскрываются его грехи, он неприятен сам себе и часто приходит на исповедь с досадой. Досада – это проявление гордости, и они имеют сходную форму выражения. Человек мыслит иногда таким образом: «Я поступил плохо, это ужасно. Но я не могу понять, как же это произошло. Ведь я же хороший, почему я так плохо поступил?» Ему досадно за свой поступок, который мог бы его многому научить, но к сожалению не учит: человек не хочет понять, что большое или маленькое падение, которое с ним произошло, помогло ему немножечко раскрыть самого себя, и тем самым помогло измениться. Ему просто неприятно, что он таков, он-то думает о себе иначе. Он готов признать, что поступил плохо, но все-таки не хочет расстаться со своим мнением о себе, и поэтому никогда не сможет увидеть себя правильно. Все настоящее для него совершенно закрыто, остается одна неплодотворная досада на грехи, как на какие-то простительные неудачи: «Ах, какая досадная неудача, опять мне случилось оскорбить

моего ближнего… попался же он мне под руку в такой неудачный момент… я не хотел, но так получилось…». И, в конце концов, вся жизнь может оказаться такой досадной неудачей.

Человек же, который приходит с покаянием, мыслит о себе совсем иначе: «Я думал о себе хорошо, но теперь я знаю, кто я такой на самом деле». И это знание о самом себе может его в каком-то смысле даже обрадовать. Он может обрадоваться не тому, что согрешил, а тому, что может стать другим. Ведь в чем заключается радость покаяния? Именно в том, что человеку дается возможность стать другим. Покаяние по-настоящему воспринятое, хоть очень неприятным и горьким чувством часто бывает, радостно тем, что когда человеку открывается его грех, ему одновременно открывается и возможность сразу от этого греха избавиться.

Это, может быть, самое страшное в нашей жизни – духовная прелесть, самообман. Мы, действительно, часто обманываем себя, создавая лишь видимость духовной жизни: присутствуем на молитве и не молимся, находимся в храме, а душой отсутствуем, причащаемся Святых Христовых Таин, а сами с Богом не соединяемся, потому что в нас очень много ложного, внешнего и очень мало настоящего, того, что Господь может взять для соединения с собой.

Ведь Христос пришел по-настоящему к настоящим. И грешники поняли вдруг, что они настоящие грешники, и что грех – это просто настоящая смерть, а к ним пришла настоящая жизнь. И тогда они этой настоящей жизни жаждут, и становятся настоящими праведниками, святыми, преподобными. Мытари и блудницы первыми входят в Царствие Небесное, но не как мытари и блудницы, а как праведники, ибо их осознание своей греховности дало им радость богообщения.

Вспомните восьмую молитву в утреннем правиле. Там есть такие слова, от которых сердце трепещет. Что же я такое говорю? Она исповедует бескрайнее милосердие Божие при всем человеческом несовершенстве. Вот эти слова: «…но или хощу, спаси мя, или не хощу, Христе Спасе мой, предвари скоро, скоро погибох…» Так может говорить только тот, кто тонет, и глубины своего падения и понимания, что все другие спасутся, кроме меня…

Помните историю из жития Антония Великого, как он ходил учиться жизни духовной к башмачнику, который сидел и думал – все спасутся, а я нет. Эта молитва – вопль из глубины покаяния, когда человек действительно чувствует свою погибель: «Те спасутся, Господи, ты меня спаси! Ты Сам сказал, что кто будет в Тебя верить, тот не умрет. Так вот, – я верю! Дел у меня нет, а только вера. И пусть эта вера превозможет все. Приди скорее, я погибаю!»

Самооправдание не имеет ничего общего с духовной жизнью. Оправдывая себя ты словно строишь стену, отделяющую тебя от Бога, и таким образом прерываешь с Ним всякую связь.

«Обвиняй себя с запасом, чтобы не прогадать».

Старец Паисий Святогорец

Если человек знает заповеди, слушает свою совесть, он понимает, когда согрешает, даже если смысл греха не до конца ему ясен. Дальше у него есть разные пути, определенные его душой, его состоянием, его свободной волей.

Есть масса причин, которые позволяют человеку оправдать свой поступок, не дают возможности просто сказать о себе правду. В повседневной жизни мы очень часто лжем, как опоздавший на урок ребенок, который, вместо того, чтобы просто признаться, что поленился вовремя встать, придумывает массу причин в свое оправдание, только чтобы не укорить себя, не смириться, поступить по своему желанию.

Слава Богу, у нас есть и другой путь – покаяние и исповедь, возможность никогда себя не оправдывать. Но иногда приходя на исповедь, человек не может оставить эту привычку. Это самое большое препятствие для исповеди, то есть для исправления и приобщения к правде, когда в покаянии присутствует элемент самооправдания и ссылки на определенные обстоятельства жизни: «Вот если бы не это, я бы так не поступил… Как же так получилось нехорошо, что в этот самый момент…»

В чем беда самооправдания, самый главный вред этого явления? В том, что когда человек оправдывает сам себя, он не дает возможности сделать это никому другому. Действительно, что происходит на исповеди? Господь нас оправдывает. Он Своей правдой покрывает нашу неправду. Только в том случае, когда мы можем себя укорить, обвинить, наказать, мы даем возможность Богу нас оправдать.

А чаще всего исповедь заключается в том, что мы сами себя прощаем. Простили себя за какой-то грех, а потом пошли на исповедь на всякий случай, для того, чтобы подтвердить собственное прощение собственных грехов. Так часто и строится, к величайшему сожалению, наша духовная жизнь, когда каждый содеянный грех, прежде всего, прощается нами самими. Каждое наше помышление нечистое, каждое наше желание нехорошее, каждую мелочь мы сначала прощаем сами себе, а потом мы ее совершаем в уверенности, что Господь нас простит.

Трудно себе представить, что Таинство совершается таким образом, что Господь вот так прощает. Господь прощает нас по милосердию, а с настоящим милосердием нельзя так обращаться. С настоящей любовью нельзя так шутить. Невозможно формально, отстранено и равнодушно каждый раз подходить к Богу для того, чтобы просто отчитаться перед Ним в своих грехах.

Исповедь становится обыденным действием, некоей операцией, к которой человек привык, и ни страха Божия, ни страха наказания, ни ужаса от содеянного не испытывает. Он просто умом понимает – это грех, а это не грех, это можно, а это нельзя. И то, чего делать нельзя, оказывается можно, только нужно потом придти на исповедь, и грех простится. Конечно, Господь прощает все. Нет такого греха, который бы победил милосердие Божие. Но многие оказываются неспособными принять это милосердие, если у них совершенно другие устремления, если они совсем не этого хотят.

Чего мы хотим? – прощения грехов, или того, чтобы нам разрешали грешить и не наказывали? Вот, собственно говоря, о чем нужно спросить себя, чтобы не получилось так, что мы сосознанно грешим, но просим Бога это как-то покрыть, чтобы и в дальнейшем была возможность жить так же безответственно. Но на это не может быть прощения.

Регулярно приходя на исповедь, можно оставаться со своей ложью, не каяться, а оправдываться и в конечном итоге лгать, привыкая к тому, что эта ложь может стать облегчением твоей участи. Солжешь, значит, избежишь наказания, приобретешь возможность и дальше жить легко, поступать, как хочется. Здесь… здесь… И таким образом человек доходит до такой степени, что не лгать он уже не может. Вместо того, чтобы себя укорить и сказать правду, он будет говорить сто слов в самооправдание, только бы не сказать одного слова о себе: я согрешил. И, в конечном счете, он остается таким, каким был, без движения, о ком сказано, – Ты носишь имя, как будто ты жив… А ты мертв.

«Если человек желает стяжать любовь Божию, то он должен возыметь страх Божий; страх же рождает и плач, а плач рождает мужество».

Прп. Антоний Великий

Покаяние человека, преодоление себя, называется – духовной борьбой, и требует очень большого мужества. Каждому человеку Господь дает возможность быть мужественным, исходя из того, сколько у человека сил, и по мере наших сил и мужеству дает нам видение наших грехов

Часто мы, когда готовимся к исповеди, перечисляем огромное количество разных грехов на всякий случай, но какой в этом смысл? Ведь всех своих грехов мы все равно не знаем. Господь по Своей любви и мудрости, открывает нам наши грехи не сразу, а по мере нашей решимости и возможности эти грехи победить. Если бы Он вдруг показал нам, какие мы есть на самом деле, мы бы просто от отчаяния умерли, не справились бы с этим, у нас не хватило бы мужества с собой, такими, какие мы есть, ни бороться, ни дальше жить. Поэтому Господь по милосердию Своему сразу с нас не взыскивает, а дает нам путь жизни для того, чтобы мы постепенно очищались.

И только по мере нашего духовного возрастания и укрепления духовного мужества Он открывает нам нашу бездну, давая возможность бороться с грехом, постепенно переходя от силы в силу. Все святые и считали себя величайшими грешниками: у них было великое мужество видеть себя по-настоящему.

Элементарное человеческое мужество состоит в том, чтобы мы не боялись принимать от Бога вразумление Часто путают два понятия – мужество и бесстрашие, считая их синонимами, но это не так. В основе одного и другого лежит смелость, победа над страхом, над трусостью. Но бесстрашие – это не всегда хорошо. Например, в культовом представлении о мужестве, которое сейчас навязывается, как образ для подражания нашим подросткам и детям, герой выступает в роли спасителя человечества, в роли мессии. Бесстрашный герой ничего не боится. Но, прежде всего, он не боится греха.

А ведь каждый человек чего-то боится, и наиболее часто это – страх чужого мнения, который мешает ему бояться Бога и лишает его Божиих даров. По аскетическому определению, тот, кто угождает людям, бояться Бога не может. Настоящее мужество связано со Страхом Божиим: это тот страх, который заставляет человека забывать о себе, который помогает человеку быть самим собой, который в наивысшем своем проявлении является самой любовью Божией. Человек, который боится Бога, не думает, как на него посмотрят, поверят ему или не поверят, похвалят или не похвалят, он свободен от этих мыслей.

Чтобы вернуться к себе, просто быть самим собой, нужно очень много мужества – для того, чтобы быть, а не казаться, чтобы постоянно заставлять себя не играть чужую роль, не казаться умным, не стремиться быть красивым или обаятельным, или каким угодно; у каждого своя роль в этой жизни отработана до мелочей.

Мужество воспитывается в семье, в Церкви и на послушании; прежде всего – как ответ на поступки. Совесть – основа для воспитания мужества, в ней кроются его начатки. Оно начинается с верности в малом, потом продолжается, как действие совести в человеке. А потом оно проявляется, как смирение, потому что между мужеством и смирением в какой-то момент можно поставить знак равенства или отождествить их, если не во всем, то в каких-то отдельных гранях, где мужество становится смирением, а смирение – мужеством. Хотя эти вещи сами по себе огромны и друг друга не перекрывают, но воспитывается мужество в возможности каждого человека не бояться признаться, кто он такой на самом деле, увидеть себя по-настоящему и это в себе сохранить.

«Но жизнь уходит, показывая нам тщету царей, народов, красоты, богатства, славы, земного знания. Только Божия воля крепка и непреложна. Видеть свет мы рождены… Но только – не этот свет… Не только этот свет».

Арх. Иоанн Сан-Францисский

В Евангельской истории о богатом улове апостол Петр говорит: «Наставник! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть» (Лк.5,5). Когда Петр так открыл Себя Господу до конца, поверил, смог поступить просто *«по слову Твоему, Господи»,* – тогда совершилось чудо: рыбаки стали тянуть сеть, и рыбы оказалось так много, что корабль стал утопать. Вот знак того, что Господь отвечает на решимость человека, на желание его быть с Богом, не ограничивая себя в поиске Его воли, а взыскуя

ее всегда, как бы ни было это подчас абсурдно по отношению к собственному опыту, как бы ни казалось это странным и невыгодным. И в ответ он получает милость Божию, безмерную благодать и одновременно просвещение глубокое.

Ведь ночь проходит. А когда приходит день, свет показывает все. В этом свете апостол Петр видит, кто он такой, каков он на самом деле. Когда свет вступает, происходит то, что с апостолом Петром, когда он сказал: «Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный» (Лк. 5,8). Свет воссиял для Петра: он вдруг увидел, как он жил все эти годы, каким он был по отношению к Богу, каким он был по отношению к ближним. И это – Апостол, благочестивейший человек, который одним из первых пошел за Христом! Но и он, увидев себя, сказал, – выйди от меня, потому что я – человек грешный. А Христос сказал ему: «Не бойся». (Лк. 5,10). Не бойся себя таким, не бойся, что увидел себя грешным. Не бойся, что, наконец, свет для тебя воссиял, и тебе стало страшно от видения своих грехов. Не бойся!

Господь и нам говорит эти слова, когда в какой-то момент луч света проникнет в тьму наши душ, и мы видим весь свой ужас: какими мы бываем по отношению к Богу в своей безумной, бессмысленной, такой мелкой и безблагодатной жизни, когда мы, подобно скупому рыцарю, отворачиваемся от Бога, чтобы считать сундуки собранного добра. И нам хочется скрыться даже от самих себя, убежать, не видеть, сделать вид, что ничего не произошло, что можно жить с этим. Потому что очень страшно видеть себя грешным. Очень тяжело с этим жить. А Господь говорит: Не бойся, – потому что благодать, которую Бог подает человеку, делает его иным.

И еще Он сказал Петру: «Отныне будешь ловить человеков». (Лк. 5,10) То есть ты становишься способным сам просвещать людей. Через видение своих грехов, своей немощи и помраченности ты оказываешься способным просвещать других. И вот что делают эти люди, которые слышали Его слова, – они бросают все свое, оставляют все, что составляло смысл их жизни, и идут за Христом. И нет уже никакого предела, нет никакой преграды между апостолами и Христом.

Господь призывает нас сеять щедро, оставить все, свои дела, свои семьи и быть вместе с Ним, потому что ночь, она проходит, день приблизился. И мы не чада ночи, а сыны дня.

Свобода послушания

***«Будь свободен, хотя и связан ты телом, и ради Христа докажи свободу своего послушания».* Прп. Ефрем Сирин**

«Мы все, и прежде всего тот, кто причастен истинной жизни, обязаны не желать ничего другого и ничего другого не любить, как только того, что любит и чего хочет Бог».

Майстер Экхарт

Жизнь духовная складывается через жертву. И никак иначе она складываться не может, потому что, когда Христос приходит исполнить всякую правду, Он приносит Себя в жертву. И исполнение правды, – это всегда некое подражание жертве Христовой.

Когда мы причащаемся святых Христовых Таин, в молитве Евхаристического канона мы слышим такие слова: *«Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов… Пийте от нея вси, Сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов».* Тело, оно – ломимое… Кровь – изливаемая… это же Крест, ничто другое. Чаша, которую нам выносит священник, – осуществленное распятие Христово. Распятый Христос Своим изломанным Телом и Своей излиянной Кровью приходит к нам, и мы не просто причащаемся неких энергий, желая, чтобы все существо наше преисполнилось счастьем и радостью, чтобы мы полны были физических сил и здоровья… Нет, мы ко Христу приходим, к Его распятию. Надо очень хорошо

понимать, что Крест – он тяжел, что жизнь наша, которую мы отдаем в руки Божии, может очень сильно поменяться совершенно не в том направлении, в котором нам бы хотелось. И только если мы так приходим к Богу со свободным желанием Ему себя отдать, тогда всё слава Богу, тогда благодать, которую нам подает Господь, нас с Ним соединяет и исправляет.

Соединиться с Богом можно только полностью принося самого как жертву в Его руки. Другое дело, что мы не в состоянии так отдать себя Богу, поскольку все в нас искажено и рвется в обратном направлении. Но Господь все-таки принимает и саму нашу решимость.

Воля Божия и правда Божия – это, в общем, одно и то же. Человек, который хочет жить по воле Божией, постоянно прислушивается к правде Божией. Мы хорошо знаем по слову Писания, что отец лжи – сатана. И если мы по своей воле приражаемся к неправде, то тем самым становимся исполнителями не Божественной воли и Божественной правды, а воли сатанинской, как ни страшно это звучит.

Жить по воле Божией – это значит жить в свободе Божией. Это очень нелегко. Нелегко пожертвовать своей свободой, искаженной, помраченной, своевольной, но иначе, как через эту жертву, свободе не научишься.

«…какое это трудное дело – отдать себя Богу. Труден и скорбен путь, ведущий к Господу, только с Божией помощью мы можем идти вперед. Предоставленные самим себе, мы в самом начале погибли бы…»

Св. прав. Алексей Мечев

Еще один евангельский отрывок рассказывает о том, как Господь исцелил слепого от рождения. Исцелил таким удивительным образом: Он помазал ему глаза брением и послал умыться в купальне Силоам.

Это был не просто больной, а человек, рожденный с отсутствием органа зрения вообще, не имеющий никакого основания надеяться на исцеление, привыкший к своему состоянию и абсолютно закосневший в нем. И вот мы видим, как слепец, который всю жизнь сидел на месте и просил милостыню, совершенно не задумываясь, по слову Господню идет туда, куда его посылает Некто, о Котором он только что-то слышал, только знал, что Его зовут Иисус. Слепец должен был бы испугаться, подумать: «Ну, куда я пойду, как я найду эту купель, если я не знаю ничего, кроме места, на котором сижу?» А он встал и пошел. Над ним, наверное, все смеялись, потому что лицо его было измазано глиной, он шел и спотыкался, шел и падал, шел долго-долго, пока не дошел до того места, которое ему указал Господь. Человек, который настолько доверил свою жизнь Спасителю, дошел до купели, умылся и прозрел.

Что же с ним произошло дальше? Во-первых, ему никто не верил. Потом фарисеи и книжники всячески пытались заставить его отречься от Христа, доказать, что происшедшее с ним духовное исцеление – случайность, совпадение, что не может Человек, которого обвиняют в нарушении закона Божиего, совершить чудо. Но прозревший не поддался на искушение принять исцеление как нечто само собой разумеющееся, как нечто случайное, и его изгнали после этого. И когда Христос нашел его и спросил, хочет ли он верить в Сына Божьего, он сказал, что хочет, и поклонился Ему, признав в своем Спасителе истинного Сына Божьего.

Вот такая история про слепорожденного, которая говорит нам о том, что вера наша – это не вера в людей, это не вера фарисеев, это не вера книжников, которые, как им кажется, все о Боге знают. «Мы Моисеевы ученики, – говорит фарисеи исцеленному от слепоты, – Мы знаем, кто пророк, а кто не пророк, кто праведник, а кто грешник, кого слушать, а кого не слушать». Многое слышали, многое прочли, всё знают, но не сумели сделать главного – решиться доверить свою жизнь Богу.

Наша вера должна быть подобна вере этого слепорожденного. Да, человек еще слеп, он многого в своей жизни не знает, он не может постичь Бога, потому что Бог Сам в Себе

непостижим. Его невозможно познать через книги. Его невозможно познать через законы. Его невозможно познать через какое-то внешнее знание. Это всегда слепота и гордыня духовная, когда кто-то думает, что он что-то знает о Боге. Доподлинно знает Бога лишь тот, кто может без всякого сомнения, без всякого колебания вручить Ему свою жизнь. «Господи, я не знаю, куда идти, не вижу дороги, не представляю своего жизненного пути», – подобно слепорожденному говорит человек, когда пытается доверить свою жизнь Богу. Только по-настоящему ощутив себя духовным слепцом можно вручить себя в руки Божии.

И такому человеку, конечно, нужен зрячий поводырь, которому он вручает себя с величайшим доверием, ведь слепой не знает, по какой дороге его поведут, он ее не видит. Он может только надеяться, что зрячий выведет его на правильный путь, не заблудится по дороге.

И мы, когда хотим доверить себя Богу, подобны слепцам, которые без поводыря не могут найти верного пути, чтобы выйти из мрака заблуждений собственной жизни. Только так можно идти. Но путь этот очень не прост. Душу человека всегда одолевают сомнения: «А вдруг меня не туда заведут? А вдруг меня обманут? Вдруг мой поводырь бросит меня на пол-пути и я совсем заблужусь? Не лучше ли сидеть на месте и просить милостыню? Так проще, может быть, надежнее». Но нет. Евангельский слепорожденный показывает нам единственно возможный духовный путь, который может приблизить нас к Богу.

Конечно, так верить, как верят слепые своим поводырям, мы не можем. Так верить, как верит евангельский слепорожденный, мы боимся. Нам кажется, что мы и сами что-то можем нащупать, и сами что-то можем увидеть. Мы сами пытаемся проложить себе духовные маршруты, и они всегда заканчиваются тупиком.

Как не хватает нам веры слепого человека, который может до конца вручить себя в руки Божии. И не сомневаться. И не колебаться. И не поддаваться на искушения, на провокации этого мира, который пытается нас убедить, что мы способны идти сами, что удивительные события и духовные перерождения, которые с нами происходят, это просто совпадения. «Ты поблагодари, и иди своей дорогой», – говорят слепцу книжники и фарисеи. Но прозревший их не слушает. И тогда Христос встречает его и дает ему высшее знание о Себе: «Это Я, Сын Божий». И тот Ему поклонился.

И нам стоит задать себе вопрос: «А мы слепые или зрячие? По-настоящему ли мы живем с Богом? Идем ли мы туда, куда Господь нас посылает? Умеем ли мы свидетельствовать о свете, который Господь нам даровал? Готовы ли, подобно слепорожденному, поклоняться Богу духом и истиной?»

«Предав себя Господу, да потечет он сим узким путем послушания, и охотно да подклоняется под сие благое иго Христово, несомненно веруя, что оно уготовляет ему великое спасение».

Прп. Ефрем Сирин

Каждый раз молитвенно говоря: *«Да будет воля Твоя»,* – мы просим исполнения воли Божией, но хотим ли мы этого по-настоящему? Воля Божия есть крест. Просим, но готовы ли мы трудиться, чтобы начать ее видеть? Воля Божия есть тайна. Как же ее найти – волю Божию?

Поиски воли Божией не являются какими-то загадочными плутаниями человека среди мистических знаков, которые Господь посылает, а мы должны каким-то образом разгадывать. Такое представление сродни античной мифологии, как гадать о воле Божией по полету птиц или на картах. Если у Бога, действительно, есть воля о каждом из нас, то Он старается, чтобы человек ее понял, почувствовал, воля Божия раскрывается перед нами через нашу совесть, через обстоятельства жизни, через исполнение заповедей, иногда в каких-то особенных случаях через особенных людей – духовно опытных старцев.

Не надо думать, что волю Божию можно лишь у старца узнать. Каждый человек способен и должен жить по воле Божией. Просто для этого нужно иметь внутреннее

смирение, искренне к этому стремиться и все время просить о вразумлении. И будьте уверены, – Господь вас обязательно к Своей воле приведет. На этом пути неизбежны ошибки и падения, но если человек хочет жить по воле Божией, то он обязательно будет так жить. А если не хочет, то к какому бы старцу он ни поехал, обязательно будет искать своей воли, чтобы было приятно и удобно, и если старец скажет то, что я хочу услышать, это хороший старец, а если нет, то надо поехать к другому, пока не найдется такой, какого мне хочется. И тогда моя воля будет как бы скреплена печатью – все правильно, – и можно жить абсолютно безответственно.

Познавать волю Божию – это значит внимательно вслушиваться в Бога, прислушиваться к своей совести. Воля Божия таинственна, но не секретна, она все время является перед нами, и только наши собственныя глухота и слепота приводят к тому, что мы ей противимся.

Можно ли излечить глухоту духовную? Можно. Так иногда о ребенке, у которого нет музыкального слуха, говорят: «Ему медведь на ухо наступил». Но родители прикладывают усилия, вынуждают его заниматься сольфеджио, и музыкальный слух развивается. Так же развивается и духовный слух. Происходит это через послушание.

В духовной жизни невероятно важно умение слышать, вслушиваться, быть послушным. Христос «был послушным даже до смерти» (Фил.2,8). Не зря говорится, что послушание выше поста и молитвы. Оно приобретает кардинальное значение, если мы просим у Бога: *«Да будет воля Твоя…»*. В этот момент мы становимся в положение готовности к послушанию в принципе, готовности жить прислушиваясь к совету, к обличению, к голосу своей совести. А без этого воля Божия не дается.

О послушании часто бытуют неверные и совершенно нелепые представления. Послушание – это свобода или рабство? Люди, которые хотят, чтобы их слушали, конечно, ответят – свобода, а для многих это совершенно не очевидно. Послушание – это когда я обязан выполнить чье-то поручение. Послушание – это когда мне говорят что-то сделать, а я не хочу. Это хорошо или плохо? Это, наверное, хорошо, но для меня это плохо. Когда человек не хочет жить по послушанию, он все время что-то придумывает, лишь бы исполнить свою волю.

Желание поступать по своей воле лишает человека этой важной добродетели, – способности предать свою глухоту и слепоту в руки Божии. А Бог гордым противится, никогда гордый волю Божию не услышит, никогда волю Божию не исполнит. Он будет слышать только самого себя. А послушание – это когда человек слышит Слово Божие .

Послушание может восприниматься как ограничение свободы, как деспотизм старшего по отношению к младшему, сильного по отношению к слабому или начальника к подчиненному. Но на самом деле, когда человек принимает послушание, он развивает свой духовный слух, пытается услышать Самого Бога – через слова простого человека услышать Бога, обращенного к нему.

Послушание воспитывается в течение всей жизни: сначала через послушание родителям, потому что они в Боге ведут ребенка ко спасению; наставникам; духовному отцу.

Протестанты укоряют нас в том, что мы называем священников отцами. И действительно, Господь сказал, чтобы мы никого не называли ни отцами, ни учителями, ни наставниками, а только Самого Бога, а мы называем. Но на самом деле, в каждом, кто ведет нас к Богу, отражается Отечество Небесное, поэтому мы называем священника отцом. Земное отечество, и учительство, и наставничество, если не отражено в отечестве небесном, лишено силы и благодати.

Отцовство принадлежит только Богу и подается, как величайший дар: родители только тогда настоящие родители, когда они ведут своих детей к Богу, учитель только тогда настоящий учитель, когда учит правде Божией, духовный отец только тогда отец, когда

приводит людей не к себе, а ко Христу. Правители, которые не пекутся отечески о своем народе, – это либо тираны и мучители, либо это воры, совершенно отрекшиеся от своего народа. Но в русском народе царя называли отцом. В нашем отечестве остался удивительный пример такого царя – царя-мученика.

Если земной отец не связан с Отцом небесным, у него нет возможности раскрытия полноты любви, его отечество ущербно и, в большей степени биологично, инстинктивно. Господь говорит: и враги человеку домашние его, – потому что плотская любовь пытается удержать человека для себя. Кажется, что Бог отнимает сына у матери, когда, например, он идет в монастырь в стремлении посвятить себя Господу до конца. Но когда отцовство связано с небесным отцовством, оно приражается вечности и безграничности, и становится таким же жертвенным и безграничным, покрывает собой и грехи своих детей и идет на подвиг ради их спасения. Отец земной тогда по-настоящему отец, когда он свое чадо для Христа воспитал, Ему сына вручил.

Христос становится нашим Отцом, когда мы входим в Церковь, в нашу новую, духовную семью, где наши земные связи не порываются, а преображаются. И тогда мы получаем воспитание от Бога через Его любовь: раньше нас мама питала, а теперь Христос вос-питывает, питает, но не молоком, а Своим Телом и Своей Кровью. Мы получаем в школе образование, но Христос тоже дает нам образование. Это самое высшее образование, когда человек раскрывается, как образ Божий. Часто мы называем образование – просвещением. Но разве Христос не просвещает нас светом Своей истины? Когда Его отеческая любовь нас собой наполняет, преображаются все остальные проявления любви, которые не должны уводить от Бога, не должны быть препятствием ко Христу.

Если человек ведет ко спасению, так или иначе возвещает правду Божию, может быть не до конца, не во всем, но тем не менее ведет человека ко Христу, тогда это наполнение небесным отцовством делает его отцом. Если духовник не ведет человека к Богу, то он неизбежно занимает место Бога, вот результат, которым оборачивается ложная религиозная жизнь сект. Существует это и в православии к величайшему сожалению.

Но если священник так умеет руководить своими духовными чадами, чтобы не заслонять собой Христа, то он, прежде всего, сам научается слышать голос Божий и приучает к этому своих духовных чад. Отцовство духовное тоже становится безграничным, сердце священника оказывается способным вместить в себя и горе, и заботу, и несчастье, и болезни, и воздыхания всех людей, которые к нему приходят.

И когда человек готов на послушание, когда он внимательно прислушивается к тому, что говорит ему духовник, то тогда духовный слух его развивается настолько, что он начинает быть способным слышать волю Божию, и исполнять ее, и радоваться ей. Там где есть послушание, там есть начатки смирения. Там, где есть начатки смирения, там Господь открывает Себя.

Тема духовничества настолько сложна, что вряд ли удастся раскрыть здесь ее во всей полноте. Более того, то, что я сейчас буду говорить, может быть вполне субъективным, и не найти какого-то подтверждения во мнениях других священников. Тем не менее, о духовном руководстве имеет смысл говорить: что такое духовничество, что такое отношение духовного отца и духовного чада, на чем оно зиждется и как появляется.

«Не сказал Господь Петру: «Подвизайся в посте, спи на голой земле, бодрствуй, непрестанно защищай притесняемых, будь сиротам вместо отца и матери», – но, – «если любишь Меня, паси овец Моих».

Свт.Иоанн Златоуст

Церковь постоянно развивается, и естественно, что после гонений, после разрушения института приходской жизни, монастырей и духовничества, как такового, должны появляться какие-то новые формы духовной жизни.

Я очень рад, что в русской Церкви сохранилась традиция, заложенная последними старцами времен гонений, такими как отец Алексий Мечев, и другими мирскими священниками, которые восприняли традицию оптинских старцев и исповедывали в храмах, применяя именно опыт старчества. Это позволяет современному священству совмещать в себе исповедь и духовное руководство в миру, чего не было раньше никогда.

Сегодняшнее состояние духовного руководства не предполагает отношений, которые складывались в прежние времена между священником и его приходом.

Вот представьте себе городской приход, который здесь был сто лет назад. К нему были приписаны определенные дома, стоящие поблизости. Жившие в них люди должны были ходить именно в этот храм и считались его прихожанами по территориальному признаку. Такая практика исторически и духовно апробирована. Служащий в приходе священник был их духовником, отвечал на просьбы своих прихожан и их нужды, ходил по домам, служил молебны, отпевал усопших, крестил детей, венчал браки, принимал исповеди. Он, конечно, знал жизнь своих прихожан, потому что все они жили в одной районе. Между ними складывались очень простые, естественные, доверительные отношения. Большего от священника не требовались.

Дар священства предполагает священническое служение, достаточное для спасения души, и никакими особенными харизматическими дарами он не должен был обладать, никаким старцем мог и не быть. Старчество могло являться только результатом его особенного личного духовного подвига.

Всякое духовное руководство сопрягалось с жизнью монастырской, а среди простых мирских священников духовных отцов не было за редким исключением. Во времена гонений мирские священники стали брать на себя функцию духовного руководства, что никогда не было свойственно приходскому священнику. Одним из первых был Валентин Амфитеатров, затем отец Иоанн Кронштадтский, Алексей Мечев, и так была заложена традиция.

Старчество же, как особое служение в Церкви, было характерно исключительно для монастырей. Но оно было совсем не тем, что мы сейчас этим словом называем.

Старчеством назывался особый харизматический подвиг служения в монастыре. Священник не сам именовал себя старцем. Не народ выбирал, кого называть старцем, а кого не называть. Старца для монастыря избирала братия. Старец мог воспитать старца и оставить после себя своего приемника. Скажем, все оптинские старцы, которых мы знаем, почитаем и любим, были избранными старцами монастыря. Подвиг старчества был связан, конечно, с практикой исихазма, особенной молитвы, уединения, углубленного христианского подвига. Старец был открыт не только для монастырской братии, которую он исповедовал и вел ко спасению, чью духовную жизнь он брал на себя в качестве настоящего послушания и исповедования помыслов. Но старец, как преподобный Серафим, мог еще вразумлять и приходящих к нему людей, быть утешителем народа, печальником, брать на себя человеческие немощи и болезни, отмаливать людей, потому что обладал особыми духовными дарами.

Священник был на своем месте, старец – на своем месте, каждый делал свое дело. Вот поменялась жизнь в нашей Церкви. Современные православные приходы и отношения, которые складываются в общинах с настоятелем или духовником, тоже разные. Но то, что делает сейчас священник, как духовный руководитель, намного шире, чем круг его обычных священнических обязанностей.

Старчество, как таковое, исчезло, возможно, безвозвратно, потому что нет монастырской жизни в прежнем ее понимании, и нет ничего того, из чего оно могло бы рождаться, но востребованность старчества осталась.

Умонастроения многих людей таковы, что постоянно любого более или менее длиннобородого седого монаха в монастыре принято считать старцем. Чем он

экстраординарнее, чем что-то более суровое пророчествует, тем выше его авторитет, – раз старец сказал, все замрите. Ни священноначалие, ни святые отцы, ни догматика церковная никакого значения для многих людей не имеют, если “старец сказал”. Как, скажем, в истории с ИНН, или другими нелепостями, которые подписывали именами некоторых старцев. Человеку можно объяснять, что у нас есть церковные соборы, есть мнение богословских комиссий, учение Церкви, – ничто не вразумляет, потому что старец сказал иначе. А почему этот человек старец, откуда он взялся, кто его старцем избирал, почему он имеет такую власть, неизвестно. Но магическое слово «старец» для людей, вошедших сейчас в Церковь, является огромным авторитетом.

Но почему мнение отдельного человека, какой бы он ни был духовный и благочестивый, вдруг перечеркивает вообще все, что есть в Церкви, вносит смуту в Церковную жизнь? Архимандрита Кирилла (Павлова) спрашивали: «А есть сейчас в монастыре старцы?» «Старичков, – говорит, – много, стареньких много, а старцев не знаю».

Это вопрос очень важен для осмысления. Что такое старчество? Это особый благодатный дар, и не у каждого он есть.

«Духоносные души, озаренные от Духа, и другим сообщают благодать».

Св. Василий Великий

«Это не то, что пастырю бессловесного стада. Если он потерял овцу, то терпит ущерб материальный, здесь же потеря словесной овцы влечет за собой потерю, погибель своей собственной пастырской души, влечет за собой великую нравственную ответственость. Там обыкновенный пастырь защищает своих овец и ведет борьбу с внешними врагами, здесь же священник, ограждая словесное стадо, должен вести брань «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф.6,12).

Еп. Арсений (Жадановский)

Сейчас священнику, независимо от того, насколько он одарен духовно и от тогго, ведет ли подвижническую жизнь, можно сказать, навязана роль старца. Хочет он или не хочет, но становясь духовником, или начиная исповедовать, или собирая вокруг себя духовных чад, священник выступает как бы в этой роли. И к нему складывается такое отношение, при котором от него ждут того, на что он, может быть, не вполне способен. Но люди приходят к священнику и требуют у него большего, чем он может дать, потому что больше попросить этого негде.

Приходы сейчас сформированы не по территориальному принципу, каждому человеку предоставлена возможность выбрать себе священника для исповеди, особенно в Москве, как в мегаполисе. То, что священник избираем, само по себе предъявляет к нему иные требования, ставит его в другое положение по отношению к своим прихожанам. Он как бы становится обязан всеми прихожанами духовно руководить, формировать из людей, пришедших из разных мест, приход.

Каким образом можно сформировать приход? Только одним, – через какое-то духовное руководство. Иначе непонятно, зачем люди будут ездить в храм, тратя только на дорогу час-два времени. Ведь есть храмы рядом с домом, но приходы в них формируются иначе. И вот священнику приходится брать на себя роль духовного руководителя. Это очень сложно, и не каждому это по силам, по возрасту, по духовному опыту. Когда меня назначили в мой первый приход настоятелем, мой духовный отец очень строго сказал мне, что в течение первых трех лет никаких духовных чад у меня быть не должно. Действительно, как можно принять кого-то в чада, если сам не знаешь ничего о духовной жизни: как это бывает, какая мера ответственности у священника за то, что он кем-то духовно руководит, какая мера ответственности у человека, который приходит к священнику, чтобы просить у него духовного руководства. Это же очень серьезно.

В русской Церкви каждый рукоположенный священник одновременно и духовник, такая ситуация сложилась из-за огромных пространств России и небольшого количества храмов. А в Греции, и не только там, молодые священники не исповедуют, а только – опытные, получившие на это особое благословение епархиального архиерея. Такая традиция Церкви сложилась издавна: в требниках написано, что исповедовать может только тот, кто имеет на исповедь архиерейскую грамоту.

В древней Церкви священство было сословным, передавалось от отца к детям, и они воспринимали его, как всякий в своем сословии воспринимает ремесло. Когда к священническому служению готовились с детства, тогда и духовничество воспринималось как воспитательная задача отца по отношению к ребенку. А в современной Церкви мы – разночинцы в священнической среде. Сословия разрушены, и поэтому каждый из нас, приходя к аналою и становясь духовником, не застрахован от духовных ошибок, отражающихся на судьбах людей. Милость Божия и неоскудевающая благодать, которая все врачует и восполняет, все-таки преобладает, потому что священник не от себя прощает и разрешает, это Таинство. Но все-таки как человек, священник может иногда навредить в результате молодости, неопытности, личной гордыни или самомнения. В последнее время это бывает, к сожалению, часто. По милости Божией это преодолевается потом, но рана в душе остается. Человек может надолго отойти от Церкви после встречи с неопытным или не совсем духовно здоровым священником.

Бывают священники, вышедшие из среды совершенно нецерковной, безбожной, из противоположной культуры. И вопрос в том, насколько такой человек способен переродиться, чтобы не нести в себе остатки прежней жизни.

Появилось в духовной жизни и такое явление, как младостарчество, когда священник, не имеющий своего личного духовного опыта ни молитвы, ни аскезы, начинает выполнять какие-то старческие функции, то есть духовно руководить людьми, абсолютно во всем направляя их жизнь, требуя от чада стопроцентного послушания, какой-то особенной исповеди. Но в ответ на свои требования послушания, или покаяния, или какого-то духовного отклика, сам от себя дать чаще всего ничего не может. Он начинает властвовать над приходом, над душами людей, что является страшным искажением духовной жизни.

Нельзя сказать, что это отдельные редкие явления. Некоторая духовная неопытность свойственна всем живущим в миру священникам, которые сейчас становятся на служение и принимают исповедь. Хочешь – не хочешь, но тебя спрашивают о чем-то, спрашивают благословения, духовного совета. Священнику, действительно, в каком-то смысле навязывают несвойственную ему функцию глубокого духовного руководства теми людьми, которых он чаще всего не знает, которых он себе в духовные чада не выбирал, и которые к нему пришли совершенно случайным образом.

«Вечное желание – свободы, чтобы быть ответственным».

Протопресв. Александр Шмеман

«В капище водружен идол: мнение смирения. Мнение смирения – всегда с сочиненною наружностью: ею оно себя публикует».

Свт. Игнатий Брянчанинов

Есть три вещи, которые формируются от неправильного отношения к духовной жизни и к исповеди: это состояние безответственности, и когда человек вместо покаяния приносит жалобы, а вместо смирения – смиреннословие.

Именно безответственность, желание совершенно никаким образом не отвечать за свою жизнь часто приводит к поиску старчества. Многие люди в поиске сверхъестественного, ждут, чтобы старец что-то говорил, открывал, прозревал и показывал человеку волю Божию.

А за неимением старца прихожане из многих священников насильно пытаются сделать некое уродливое подобие якобы старчества, духовнических якобы отношений старца и духовного чада. Вместо того чтобы жить духовной жизнью, человек приходит к священнику с тем, чтобы полностью взвалить на него всю ответственность за свою духовную жизнь. И поэтому эти бесконечные: «Батюшка, благословите на то, на се, на пятое-десятое», – являются не желанием жить по воле Божией, а желанием вообще никогда ни за что не отвечать.

Отец Глеб Каледа жаловался, что сейчас так много потребности в христианском служении, а вот православных христиан брать на служение не хочется. В больницу ухаживать за больными лучше взять неверующего человека, невоцерковленного, потому что от верующего часто невозможно ничего добиться. Надо, например, чтобы православная прихожанка пришла сидеть с больным, не приходит: Мой батюшка сегодня служил, я не могла не пойти».

И это во многом определяется тем, к кому приходит человек, – к Богу или к священнику. Отношения между священником и, грубо говоря, чадом, или пасомым, складываются чисто человеческие. Мой батюшка сказал, сегодня служит мой батюшка, я пойду к моему батюшке.

Когда священника пытаются использовать для того, чтобы снять с себя ответственность за свою духовную жизнь, исповедь превращается в нытье, в постоянную жалобу на то, как тяжело жить. Вместо покаяния и самоукорения – обвинение других. Человек «исповедовался» таким образом, его выслушали, и ему становится полегче, поувереннее. Никто больше такого слушать не будет, тяжело, а священник как бы обязан – у него благодать, которая обязывает человека нести болезни всех людей. Так оно и есть, но человек начинает использовать это для удовлетворения своего внутреннего эгоизма, подменяя исповедь жалобами.

Еще одна болезнь, когда человек ничего не хочет делать духовно, но свою духовную лень оправдывает такими словами – «я недостойный», или «я недостойная». Или – «я немощный», или «я немощная», хотя на самом деле это гордый и совершенно ни в ком не нуждающийся человек. И получается, что тот, которому поручено жить по-христиански, отказывается от своего служения, от всех добрых дел, от несения своего креста. Вместо того, что святые отцы называют смиренномудрием, проявляется смиреннословие. «Простите, благословите. Простите меня, грешную». Чуть что, сразу в ноги – бух, «ах, простите!» Вместо того чтобы что-то делать, менять, одни слова: «мы грешные, мы недостойные», и соответствующая поза, соответствующая интонация, соответствующая форма одежды, все по образцу.

Такое же отношение и к духовнику. Всякая исповедь превращается в постоянное желание увильнуть от жизни. Человека почему-то начинает удовлетворять какое-то аморфное безжизненное существование, когда он не решается ни на один поступок, ничего не хочет изменить, боится жить настоящей духовной жизнью. Это очень удобная позиция, когда за все отвечено, и складывается ложное представление о послушании, ложное представление о смирении, ложное представление о покаянии.

Таким искаженным пониманием духовной жизни часто определяется и отношение к духовнику, а иногда может сформировать и у самого духовника неправильное отношение ко всему приходу: он начинает пользоваться такого рода людьми. Они оказываются очень хорошо управляемыми, при случае скандал учинят, за своего батюшку горой пойдут и т.д. Они жаждут стать не пасомыми, а управляемым стадом, у которого должен быть не пастух, а погонщик, который будет их прищелкивать кнутом и над ними властвовать. Им достаточно придти к некоему лидеру, которым может быть, например, священник. Но ко Христу им идти не надо.

«Духовный отец есть как бы Ангел, посланный с неба возвещать человеку повеления Божии».

Св. прав. Алексей Мечев

Другое дело, когда люди ищут настоящей духовной жизни. Конечно, и в этом случае могут возникать такие же проблемы, потому что в какой-то степени каждому человеку свойственно все, о чем я сейчас сказал. Но вместе с тем есть еще представление о том, что существует духовная жизнь, и, слава Богу, есть другой путь.

И тогда возникает момент, когда между священником и его пасомым налаживаются духовные отношения, то, что принято сейчас у нас называть духовничеством, когда священник становится духовным отцом, а тот, кто приходит к нему на исповедь, становится духовным чадом.

Кто такой духовный отец? Что означает словосочетание – духовное чадо? Как это получается, сказать очень тяжело. Но какие-то вещи можно попробовать описать.

Не всякий, кто приходит к священнику даже регулярно, становится его духовным чадом. Не каждому человеку, который исповедуется у священника, тот является духовным отцом. Это же понятно. Для этого должны сложиться какие-то особенные, таинственные отношения. Эти отношения, когда они складываются правильно, действительно дают возможность священнику в каком-то смысле старчествовать, то есть очень точно изрекать волю Божию, всегда точно попадать в изречении и в этой самой мере брать на себя ответственность перед человеком за свои слова.

В этот момент духовнику дается нечто большее, чем священнику, который принимает исповедь: он уже не только свидетель покаяния, но ему может быть открыто о человеке что-то особенное.

Человек, это величайшая тайна. По учению Церкви он бесконечен и непознаваем. Более того, у Максима Исповедника сказано, что когда человек действительно соединяется с Богом и происходит его обожение, он становится не только бесконечным, но и безначальным. И поэтому что-либо о ком-либо сказать очень тяжело. Направить человека по какому-то определенному пути, дать благословение на какой-то особенный жизненный шаг – очень сложно или почти невозможно. И священник может это сказать от Бога только тогда, когда он и сам по-настоящему в Боге, и когда его отношения с его прихожанином тоже в Боге по настоящему родились. Надо, чтобы произошло чудо такого рождения.

Как это происходит, когда это происходит, в какой момент, уловить невозможно. Но есть некоторые условия, которые необходимы для того, чтобы это когда-либо произошло.

От священника зависит очень много. Прежде всего, от него требуется равная ко всем любовь, и любовь очень трезвенная. В какой полноте она присутствует, зависит от духовного состояния священника, но он должен быть всегда готов каждого, к нему приходящего, взять полностью и целиком на себя. Кроме этого, очень важно, чтобы духовник обладал даром молитвы, когда он готов так молиться за свою паству, чтобы эта молитва действительно была принятием человека на себя до конца. Пока этого нет, вряд ли возможна серьезная духовная близость.

Естественно, что священник ограничен, как человек он не в состоянии всех любить одинаково, или взять на себя очень большое количество людей. Может быть, он может взять только одного или двух, а иногда и двух-то не может понести на себе. Это все очень сложно, и зависит от того, как пастырь духовно растет. Конечно, когда священнику лет двадцать пять, и он только что рукоположен, он не может быть духовным отцом пока еще никому, в принципе не имеет права руководить чьей-то духовной жизнью, брать на себя ответственность за другого человека. Поэтому от священника требуется очень большое смирение и честность, чтобы ответить приходящему на исповедь: «Не знаю, не умею, не могу, не готов». На вопрос: «А как, батюшка, мне быть, что мне делать?» – он совершенно спокойно может развести руками и ответить: «Не знаю». Это право священника – не знать,

и требовать от него всепокрывающего благодатного знания воли Божией или самого человека невозможно.

И это уже обязанность приходящего – ничего не ждать от священника, как от человека, не предъявлять ему для разрешения те вопросы, которые он обязан решать сам. Священник может и не знать и не должен, может быть, знать, а может и ошибаться. Конечно, советоваться можно, но мы всегда должны понимать, что мы советуемся в большей степени со священником по-человечески. Если Господь неизвестным для нас образом как-то вмешивается в нашу беседу, это Его вмешательство и от священника никак не зависит. Поэтому, когда мы с вами общаемся по поводу житейских дел, поверьте, все это – человеческие советы, и не значат большего, чем совет очень опытного человека в каком-то конкретном деле. И не надо создавать себе по этому поводу иллюзий и придавать этому какое-то особенное духовного значение. Единственно, что когда мы спрашиваем совета с поиском воли Божией, то Господь каким-то образом нас направляет. Но это мы и сами можем сделать, если очень хотим и истинно ищем воли Божией.

Следующий очень важный момент: если человек ищет духовного руководства, он должен, прежде всего, жить духовной жизнью. Если он духовной жизнью не живет, то о каком духовном руководстве вообще может идти речь? Если человек не ищет постоянства в духовной жизни, не стремится постоянно ко спасению, никакого руководства он не найдет никогда. Оно дается только тогда, когда человек уже в пути, он уже преодолел серьезное расстояние и обратной дороги не знает. Вот тогда начинается духовное руководство. Человек приходит с настоящей исповедью, и священник понимает, что он пришел к нему не как торговец, не как попрошайка, не как желающий переложить свой крест на пастыря, а как человек, который хочет духовной жизни. И тогда священник может начать с ним некое духовное сораскрытие. Человек начинает доверять священнику свою духовную жизнь, то есть становится с ним очень откровенным. Это не значит, что надо специально исповедывать свои помыслы, это происходит совершенно естественно, просто он открывает священнику всю свою жизнь без утайки в свете покаяния. И с этого момента может начаться такое духовное действие, которое, собственно говоря, и делает человека чадом, а священника отцом, и которое называется послушанием.

«Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь». (Лк, 8,18)

Духовная жизнь начинается с послушания. Что такое послушание? Врач вставляет в уши фонендоскоп и слушает своего пациента. Нечто подобное происходит и со священником. Он очень глубоко молитвенно вслушивается, постоянно стремясь узнать человека с помощью Божией, познать человека в Боге. Такое «послушание» происходит со стороны священника.

И если он оказывается на это способен, надо чтобы сам человек умел открыться. Когда пациент приходит к врачу, он обнажает свои больные места. И тогда врач его слушает. То же самое в каком-то смысле происходит, когда человек по настоящему приходит за духовным. Он себя как-то умеет открыть, быть очень откровенным и открытым для священника, чтобы тот смог в него очень внимательно глубоко-глубоко вслушаться.

А в ответ на это происходит послушание со стороны пасомого. Он внимательно вслушивается во все слова, которые говорит ему священник, с тем, чтобы потом это исполнить.

В древности очень важное значение имело понятие «слышания». Ученики шли за философом и слушали, что он говорит. Люди шли в синагогу слушали, как читается Тора и объясняется священный текст. Писания читались только в синагогах, они там хранились, а в домам их не хранили. Представьте, как хорошо могли слышать книжники и фарисеи, которые буквально наизусть знали тексты Священного писания. А потом люди слушали апостолов, которые проповедовали Христа, слушали в храме Евангелие. Евангелие тоже

не хранилось в домах, только в редких случаях. Люди внимательно вслушивались в каждое евангельское Слово, и это Слово преображало их жизнь.

Сейчас весь человеческий мир переключился на зрелищность и все только через нее воспринимает. А ведь это духовно низкое состояние, когда человек нуждается в зрелищах. Уже в первые века христианства св. Иоанн Златоуст и другие отцы выступают против театров и других зрелищ, называя их языческим порождением. И не только потому, что это языческие или безнравственные представления, но и потому, что это совсем иной способ восприятия мира. Мы привыкли воспринимать любую информацию через зрительные образы, а надо следить, как вы слушаете.

Епископ Афанасий Ефтич в своей лекции об исихазме говорит очень важные вещи о слышании: «В Ветхом Завете более важное значение придается чувству слуха. Чувство зрения всегда подчеркивали античные греки: все вокруг прекрасно, везде красота, космос. Вся греческая философия сводится к эстетике…Отец Георгий Флоровский пишет, что это было и в прошлом веке в русской философии, даже у Соловьева. Таков соблазн эстетики, чтобы все вокруг было красиво.

Конечно, это не отрицает значения видения в Священном Писании. Но, например, вот я читаю лекцию и смотрю на вас. Кто более внимателен – тот, кто смотрит на меня? Однако можно смотреть и при этом отсутствовать. Но если человек внимает слухом, он отсутствовать не может. Он более сконцентрирован, когда внимает слухом. И вот святитель Василий сказал: *«Внимай себе».*

Когда человек умеет внимать слухом, это рождает послушание. Человек становится очень внимателен к себе и внимает своему духовнику. Ведь в этот момент послушания и рождаются отношения духовного отца и духовного чада.

Внешне послушание воспринимается, как четкое исполнение неких указаний. Но на самом деле смысл послушания гораздо глубже. Внимательное слышание, глубокое проникновение в тебя слова, которое тебя может сделать тебя иным, или может предостеречь тебя от какого-то поступка, или наоборот дать тебе импульс для твоего духовного развития, должно восприниматься со всей сердечной глубиной. Человек себя предоставил, чтобы быть понятым, чтобы быть открытым, чтобы показать, кто он такой, и это дает возможность услышать правдивое слово о себе. Тогда священник говорит уже не просто, как священник, в этот момент появляется элемент старчества, такого старчества, которое было духоносным.

Это зависит от вещей неуловимых. Никто не может на старчество претендовать. Никто не может в себе это воспитать. Никто не может о себе это сказать. Это подается Богом именно в такой момент послушания. И вот это рождает дары, которые даются потом священнику в его духовном окормлении, которые делают человека пасомого и человека пасущего такими близкими, родными, что он действительно воспринимает своих чад духовных, как нечто живое и нераздельное с самим собой.

Как это происходит, в какой момент, как эти отношения развиваются, сказать практически невозможно. Духовнические отношения нельзя определить формально. Невозможно сказать: «Я тебя назначаю своим духовным чадом», или: «Я себе выбрал духовного отца». Отношения складываются долгими годами послушания, постоянного раскрытия себя для послушания.

Знание священником того, кто перед ним стоит, доверие того, кто к нему приходит, собственно и рождают духовничество, сродство душ и взаимное доверие. Потому что, когда человек не может себя доверить, тогда вообще не о чем говорить. Духовная беседа превращается в душевную, в задушевную, психологическую, житейскую и бытовую. Человек думает, что он взял благословение, и теперь жизнь его протекает по воле Божией, но воля Божия бывает тут совершенно не при чем.

Конечно, не все люди равного духовного уровня, исповедующиеся у священника, становятся ему одинаково открыты, доверчивы, или способны его слышать. И священник не до всех людей одинаково способен донести нечто, есть определенные препятствия. Я не знаю, с чем они связаны. Это тайна. Но знаю одно, – если человек хочет духовной жизни, ищет духовной жизни, то он может ее получить только через послушание. Никак иначе она не дается.

«Тому, кто свою жизнь располагает не по своему усмотрению, а по совету преуспевших, невозможно пасть от прельщения бесовского».

Св. Иоанн Кассиан

«Смиренному же поможет Господь, и если нет опытного наставника, и он будет ходить к духовнику, какой есть, то за смирение покроет его Господь.Помышляй, что в духовнике живет Святой Дух, и Он тебе скажет, что должно».

Прп. Силуан Афонский

Не все священники и отцы Церкви одинаково смотрят на проблему послушания. Так, в некоторых сочинениях святитель Игнатий Брянчанинов пишет, что даже в монастыре не может быть в святоотеческом смысле послушания старцу, что это невозможно и рискованно, потому что нет сейчас духоносных старцев, а отдавать себя в послушание человеку, который сам не очистился от страстей, бессмысленно и опасно.

Конечно, та осторожность и осмотрительность святителя Игнатия, с которой он пишет о духовной жизни, без всякого сомнения является критерием для современной жизни, в которой налицо с одной стороны случаи младостарчества, лжестарчества, лжепророчества, мракобесия, а с другой стороны – экзальтированность новообращенных христиан, ожидающих сразу каких-то озарений, духовных подвигов и немедленных результатов, чего-то сверхъестественного, чувственного. Поэтому разумное духовное руководство сопряжено с внутренним трезвением, оно необходимо сейчас.

Но можно ли сказать, что человек, пришедший в Церковь, вовсе не нуждается в духовном руководстве? Ему, конечно, нужен наставник, и для этого совершенно не обязательно искать себе духоносного старца. Не каждый из тех, кто умеет молиться, может молиться научить. Не каждый из тех, кто безмолвствует, может научить безмолвию. Не каждый из тех, кто ведет подвижническую жизнь, может оказаться духовником. Так не каждый виртуоз, который отлично играет на инструменте, может быть учителем. Но очень часто прекрасным учителем является человек средних музыкальных способностей, никакой не виртуоз, но он просто очень хорошо знает эту школу.

В последнее время очень типичный случай, когда в духовники выбирают людей, которые никогда никого ничему не учили. Учились сами, да, что-то воспринимали через личный подвиг, а как они это сделали, повторить не могут.

Вот, скажем, опытный старец, духовная жизнь, действительно, прекрасная, видно, как он сияет. Спрашиваешь его, а он дает совершенно неправильный совет, который может исказить духовную жизнь человеку. Есть люди, у которых в доме второй этаж отлично отштукатурен и вычищен, а первый этаж в полном запустении. По благодати Божией, по особенному внутреннему устроению, они очень быстро постигли какие-то духовные величины, многое им легко открылось. Они сразу оказались на очень высокой ступеньке, но как они этого достигли, не знают, это тайна духовной жизни. Но они не прошли по этой лестнице, поэтому сами научить новоначального человека не могут.

Сейчас очень популярно мнение святителя Игнатия, что вообще личного духовного руководства в последние времена быть не может, и что главное слушать не духовника, но ориентироваться на учение святых отцов и книги, которые должны вести человека ко спасению. Но оно очень сильно оспаривается Афоном, где появилась вразумительная и достаточно разумная критика. В том числе вышла книга иеромонаха Дормидонта “О послушании”, где он, приводя святоотеческие изречения и ссылаясь на традицию Афона,

спорит со святителем Игнатием очень, по-моему, достойно. В книге говорится, что путь свт. Игнатия – уникальный и личностный, что его мнение – это частное мнение святого отца, которое не является общецерковным. У нас же в России оно воспринято, как общецерковное и во многом не приносит хороших плодов.

И сам святитель Игнатий, когда говорит о том, что книги будут руководить людьми, говорит это именно как духовный наставник, – это совет духовника.

Некоторые интеллектуально настроенные люди так и думают, – мне никто не нужен, только книги. Трудно себе представить, что люди не с того ни с сего, оказавшись в такой пропасти, – при нашей полной необразованности, при отсутствии традиции, которая прервана в духовной жизни, – возьмут книгу с книжной полки и сразу научатся духовной жизни. Можно всю жизнь книги читать, из дома не выходить, при этом никакого отношения к духовной жизни это иметь не будет. Потому что это только книги, а есть жизнь Церкви, которая не только в книгах заключена, но, прежде всего, в общем строе духовной жизни, который сопряжен с ритмом молитвы и богослужения, с таинствами Церкви, и с книгами в том числе, как органичной частью церковной жизни.

Святые отцы и их писания вне Церкви не существуют, как не существует вне Церкви и Священное Писание. Именно поэтому думать, что я буду читать книги и все о духовной жизни узнаю, невозможно. За книгами стоит колоссальный опыт жизни всей Церкви. И человеку, который не живет церковной жизнью, книги могут только повредить, если он будет пытаться по ним научиться тому, с чем в жизни никогда не сталкивался.

Тем более что книги бывают разные: разными людьми написанные, на разных языках, для разных людей и для разного духовного уровня. Каждая книга подразумевает личность, которая ее писала. Многие книги, которые мы сейчас имеем, для нас во многом просто недоступны, потому что понятия и язык, на которых они написаны, – это сложный язык духовной жизни. К ним надо постепенно подбираться. Если начнешь читать о серьезных духовных вещах, скажем, о Иисусовой молитве, о безмолвии, о хранении помыслов, о таких понятиях высокой аскетики, то без определенного опыта будет даже непонятно о чем идет речь. Поиск того, о чем пишут святые отцы, не зная этого на опыте и не имея духовного руководителя, в общем, не спасает.

«…душа человеческая есть простое существо, и одно мгновенное движение сердца ко греху есть уже грех. Итак, поелику всякий малый грех ведет к большому, то он и наказывается всегда в самом начале и должен быть сокрушаем».

Св. Иоанн Кронштадтский

Иногда духовнику открывается о человеке нечто такое, чего тот в себе не видит, но с чем может справиться. Часто случается так, что многие очевидные вещи, которые с человеком происходят постоянно, он сознательно не хочет считать за грех, потому что ему удобно так жить. Он просто не хочет их видеть, гордыня мешает, самомнение, желание самооправдания. Поэтому священник может ему на это указать. В этом и есть смысл духовного руководства: священник может помочь, взять на себя такой труд помощи этому человеку в его борьбе с грехом, вот в этом – его мужество.

Такое обличение может вызывать возмущение, трудно бывает сразу с ним согласиться. Потом со временем многие, слава Богу, соглашаются. Конечно, Бог милосерден, и конечно, священник выступает, как отец, он не может казнить на исповеди, но он может хирургически врачевать, и операция может приносить в том числе и боль.

Когда человек впадает в тяжкое греховное состояние, это происходит не вдруг и не случайно. Это не как под машину попасть, – зазевался немножко, и ты уже труп. А грех тяжкий, смертный грех, если человек в него впадает, развивается достаточно поэтапно. У святых подвижников и в разных аскетических книгах описано, как развивается грех, какие он стадии проходит. Но из обихода современного христианина почти исчезло такое понятие, как страх Божий, который является охранительным страхом и оберегает человека

от греха на очень ранних стадиях. У людей преобладает нечувствие ко греху, отсутствие представления, в каком состоянии они находятся, насколько близки к грехопадению. Поэтому человек, который просто кратко исповедует, называя некое духовное явление одним словом, не исповедует себя в этом духовном явлении.

Не оценивая себя правильно, человек может не понимать, что ситуация, в которую он попал, положение, в котором он сейчас находится, или какие-то другие сопутствующие обстоятельства, уже являются греховными сами по себе, хотя он ничего греховного еще не сделал. Он еще как бы далек от греха, еще нет ничего конкретного, – никакого поступка, никакого даже слова, никакого обстоятельства, которое можно описать, как грех, – но направление уже определено.

И в такой ситуации, при условии, что человек своему духовнику исповедует многое о себе, у духовника есть возможность предупредить, – вот по этой дороге не ходи, с тем не общайся, этого не делай, – и будет возможность избежать греха. Часто человеку непонятно, почему: «Ну, подумаешь, что я с этим человеком общаюсь.. Ну, он, может быть свободнее других, он немножечко знает больше, и так далее, что в этом плохого… Я – это я , он – это он». Но при этом не понимает, что этот человек уже есть предшественник греха, хотя само по себе общение с ним может не быть греховным.

Конечно же, Господь предупреждает человека совестью и внутренним состоянием о том, что не стоило бы… В сердце тревога, или какое-то нездоровое возбуждение, которое как бы кружит голову человеку и увлекает его. Это всегда состояние, может быть приятное, но какое-то нездоровое, некое опьянение, нетрезвенность, которая возникает от общения, или от обстоятельств жизни, или от сильных впечатлений. Это может быть от музыки, которую он слушает, от книги, если человек читает, например, современную литературу. И в этом случае он может о себе сказать: «Ну, я же оцениваю то, что я читаю. И если я прочту плохое, я оценю это, как плохое, а то, что прочту хорошего, оценю, как хорошее». Но не понимает того, что человек сам в себе абсолютного критерия не имеет, всякий его критерий искажен.

И поэтому, если человек еще духовно не взросел, не целомудренен, не крепок в вере, не стоит твердо на путях Господних, он не может себе позволять заглядывать в какие-то пропасти просто из интереса. Любое смотрение вниз с большой высоты всегда кружит голову, и можно, пошатнувшись, упасть. Такое смотрение вниз, в какую-то бездну, – это еще не нахождение в бездне, конечно, но состояние, когда возникают тревожные ощущения, – кружится голова, или страх возникает. Так и с грехом бывает, и при общении с людьми, которые могут направить на греховные обстоятельства… Совесть подсказывает.

Человек, если он чуток к себе, обязательно должен это выносить на исповедь, обязательно должен говорить о том, что он почувствовал. Священник сам оценит его состояние, это уже область духовного руководства. Конечно, не всякий случайно встретившийся на пути священник будет принимать такую подробную исповедь, часто некогда бывает так подробно выслушивать. Но если это разговор с духовником, то обязательно надо все открывать, чтобы вовремя быть предупрежденным и обязательно слушаться этого предупреждения. Не дружи с этим человеком, не ходи в эту компанию, прекрати резко общение, предположим… Почему? Подумаешь… И плохо все кончается, как это всегда бывает, когда человек не слушается таких простых советов, смысла которых он не понимает.

«Не я над наставником, а он надо мной получил суд; не я его, а он мой судия».

Прп. Иоанн Лествичник

Как сказано у Гоголя, – *«полюби нас черненькими, а беленькими нас каждый полюбит».* Духовник готов с самого начала всех любить черненькими. Это такая милость Божия, духовническая благодать, которая дает возможность всех любить именно

черненькими. А вот сами чада-то, прихожане, община, как только видят в священнике что-то не то, тут же отворачиваются, уходят, – нет, нам такого не нужно, нам подавай беленького, только святого.

Духовник ведет человека на каком-то первом отрезке его пути, поднимает, вразумляет по милости Божией, по благодати, данной ему в священстве, хотя иногда сам он может не являться совершенным примером. Но Господь скрывает многие личные недостатки духовника от его чад, они видят просто внешне прекрасную сторону священства, которой его наградил Господь, и радостно его слушают. А потом, когда люди становятся более близкими, более родными, могут обнажиться, как вообще в семейной жизни, неприглядные личные стороны человека. И для одних людей это оказывается шоком, – Вот, оказывается, он какой! А другими воспринимается, как принимается в семье, со смирением и пониманием, что надо тяготы друг друга носить и так исполнить закон Христов. Для духовника бывает спасением такое отношение к нему духовных чад, которые готовы потерпеть его немощи и какие-то духовные падения, и помочь ему встать и идти дальше. Это очень важно, тогда можно говорить о том, что сложилось настоящее духовное родство, духовная близость.

Духовное родство предполагает общую жизнь в совместном движении ко Христу, обоюдную любовь и поддержку. Духовник своим подвигом ведет за собой своих духовных чад, и их нежелание духовно расти может тормозить и самого священника, как-то руки опускаются. Но чем выше мы предъявляем запросы к своему духовному отцу, тем больше мы и самого духовника подвигаем к стремлению чего-то достичь, и тем более он нам дает возможность потрудиться над собой.

Все люди совершают ошибки. Если духовный отец несет на себе все грехи, промахи и ошибки своих духовных чад, прощает, разрешает, молится за них, то естественно, что все падения и ошибки, и ваши, и вашего духовного отца, должны переживаться вместе.

Только, наверное, очень просвещенные духовники могут говорить безошибочно, или они просто максимально берегут себя от совершения ошибок и поэтому действуют предельно осторожно. Они сохраняют серьезную дистанцию между вопросом и ответом и на конкретный вопрос могут дать очень широко понимаемый ответ, и не потому, что боятся ошибиться, а просто берегут самого человека от его духовной ошибки потом. Например, на конкретный вопрос, – что будет, если я поступлю таким образом, я не могу поступить по-другому, – старец иногда отвечает примерно так: вы можете поступать, как считаете нужным, но предупреждаю, что тот, кто это делает, может в своей жизни столкнуться с этим, этим и этим. Он не говорит, – нет, не делай этого ни в коем случае, хотя это правильный ответ, и его легко может дать любой священник. Но он так не отвечает, все-таки сохраняя человеческую волю свободной, и, в отличие от духовного отца, не зная, может быть, каких-то побудительных причин, всего объема условий жизни человека.

Не надо быть настроенным на то, что священник когда-нибудь обязательно ошибется, но в случае ошибки надо относиться к этому естественно. Ведь ошибки совершаются в жизни любого человека, и как-то постоянно разрешаются. Ну да, приходится потом что-то потерпеть, конечно, какие-то скорби выпадают. Иногда нам дается возможность через определенные испытания понять, что мы сделали ошибку, чтобы потом ее не совершать. Не надо этого бояться. Конечно, если тебя благословляют на что-то не церковное, греховное, ты так поступать не должен. Но если ты что-то совершаешь в простоте своего сердца по послушанию, то никогда это тебе в грех не вменится. Если отношения духовно правильные, если человек идет к Богу с доверием, принимая слова своего духовного отца, как волю Божию, Господь Сам покрывает и исправляет очень многое.

В богослужебных книгах написано: превращает сень смертную в вечную жизнь (…). Так, если Господь смерть в жизнь может превратить, если не только ошибки, но многие человеческие преступления, обращенные против ближнего, в итоге по милости Божией во

благо обращаются, то уж, конечно, Господь покрывает и человеческие промахи, которые сделаны по неведению, но с добрым намерением. Очень часто мы даже не замечаем, как это происходит.

Иногда, как в жизни любого несовершенного человека, бывает спад и в жизни священника. Не может человек в начале или в середине своего духовного пути быть постоянным: меняется он сам, могут меняться жизненные обстоятельства, у духовника могут быть свои внутренние проблемы, какой-то кризис в духовной жизни, собственные духовные ошибки. И тогда его чада могут вести духовника вперед, – своим внутренним постоянством, любовью и доверием не оставлять его в минуту духовной болезни или духовной немощи, а молитвенно и любовно поддержать. Это, к сожалению, очень редко бывает.

Мне очень часто приходится наблюдать, как легко люди отказываются от своих духовных отцов, так легко на пол-пути забывая, сколько для них было сделано в духовном смысле, сколько было за них молитв, попечения, сердечных мук. Духовные чада легко отворачиваются и уходят, совершенно забывая о тех людях, которые их на себе долго несли, и затаскивая на какую-то ступенечку, споткнулись и очень сильно расшиблись.

Для священника это бывает еще большим серьезным испытанием: когда нет духовной поддержки, не на кого опереться, тогда очень тяжело выправлять свою духовную жизнь, не хочется и нет духовных сил опять и опять совершать какие-то подвиги.

Но если сами чада живут не ради того, чтобы ими руководили добрые и просвещенные, а ради того, чтобы ко Христу идти, тогда они будут делать все, чтобы идти ко Христу вместе со своим духовным отцом. Они подтолкнут его когда-то, поддержат, на себе понесут, пока он не встанет. Это очень важно. Духовник должен сказать на Страшном суде: Се Аз и чада, аще даде ми Бог. Не просто – я, и не просто – они, а – вот мы, Господи, все вместе.

«Никто не замышляй особиться и сам о себе тещи, никто не сдвигай ног своих от твердого камня веры отцу своему духовному».

Св. Феодор Студит

«Сатана извратил нравственный порядок: греху он дал дерзость, а покаянию – стыд».

Свт. Иоанн Златоуст

Если человек уже достаточно серьезно понимает, что есть духовная жизнь, что у него есть духовный отец, то это, конечно, предполагает, что он регулярно исповедуется у одного и того же священника, у своего духовника. Бывают обстоятельства, когда духовный отец вдалеке, или когда сам человек уезжает на какое-то время, тогда он может, конечно, исповедоваться и в других местах.

Невозможно все определить конкретными правилами. Иногда в отношениях с духовным отцом бывают исключительные моменты, например, когда духовник и его чадо входят в отношения не только духовные, но и личные, что связано, скажем, со знанием семейных и личных отношений. Может быть, это не совсем правильно, но жизнь такова, что отношения духовные и отношения личностные иногда переплетаются. В таких случаях бывает тяжело, а иногда не нужно исповедоваться духовнику, чтобы не затянуть кого-то в конфликт. Поэтому можно исповедоваться на стороне, но надо очень хорошо знать священника, которому ты исповедуешься, чтобы была возможность с ним посоветоваться и спросить, нужно ли донести это на исповедь своему духовному отцу.

Но бывает и умышленный соблазн некоторые грехи исповедовать на стороне. Человек не хочет рассказывать о каких-то своих проделках, потому что они могут испортить его образ в глазах духовника. Поэтому возникает желание где-то в другом месте исповедовать свой грех, а потом придти таким чистеньким, – Таинство совершилось, грехи простились. С точки зрения формальной исповеди, наверное, такой грех прощается, но это очень

большая духовная ошибка и совершенный вред для души, – ведь это неприкрытое лукавство и обман своего духовного отца. Человек потом приходит к нему совершенно иным, не настоящим, и священник не может этого не чувствовать. Между ними образуется такая трещина, которая способна привести все дальнейшие отношения к полному краху, совершенно их разрушить.

Один раз поступив так по малодушию, человек потом будет поступать так и в дальнейшем, и все время приходить совсем не тем, кто он есть на самом деле. Он сам будет этим мучиться, потому что, обманув духовного отца, невозможно придти к нему как ни в чем ни бывало, обязательно будешь чувствовать внутреннее смущение. В конце концов, человек будет вынужден или во всем признаться и покаяться своему духовнику, или уйти от него, потому что духовник больше ни в чем не сможет ему помочь.

Еще одно лукавство связано с разницей в таких понятиях, как духовник и духовный отец. Современное представление, что такое духовный отец, складывалось не сразу. Духовник в общем не должен ничем отличаться от духовного отца. Но слову духовник, как и многим словам духовного содержания, придают несколько значений. Скажем, духовник, имея в виду некое послушание священника, может назначаться: например, духовник монастыря, духовник гимназии, епархии, существовал институт духовничества в армии. И все, кто волею судьбы оказывался в определенном состоянии какого-то служения, был обязан исповедоваться у одного священника.

Сейчас эти два понятия разнятся, хотя по природе своей они едины. И вот для многих людей существует такое лукавство: раз он мне духовник, а не духовный отец, – говорят они внутри себя, – значит, я сам буду решать, слушать мне его или не слушать. То есть духовник это тот, кому я исповедую свои грехи, и невзирая на то, что он мне говорит, сам решаю, как мне поступить, – у меня есть свой ум и свобода воли. А если уж духовный отец, то я слушать должен обязательно.

Это такое лукавство, построенное на игре слов. Человек с одной стороны считается с таким понятием, как духовник. (Ты к кому ходишь? Я к тому-то хожу. Во-о, какой у тебя духовник!). А с другой стороны он в принципе не готов к духовной жизни, к таким отношениям, не ищет их себе. И как только получает какой-то серьезный духовный совет, или наставление, или обличение в грехах, начинает лукавить и с легкостью говорит, – это пока мой духовник, я к нему хожу только исповедоваться.

Либо человек готов к послушанию, либо он живет по своей воле, и тогда надо полностью отдавать себе в этом отчет. Могут возникнуть сомнения в правильности слов, которые сказал священник, можно в этом разбираться, молиться, может быть, мучаться этими словами, но в конечном итоге все-таки идти по пути слышания воли Божией. Если же считаешь, что можешь поступать так, как хочешь, не советуйся, а поступай, как решил сам, по молитве и полностью беря на себя ответственность за свои поступки. Но если уж ты за духовным советом пришел, получил его, и тебе он не понравился, ты ему не следуешь, то ты встаешь на путь прямого ослушания, и это надо понимать.

Даже, если священник поставлен духовником в официальном плане, (скажем, человек оказался на какой-то службе, где есть назначенный духовник, – духовник учебного заведения, например, и он разбирает духовные вопросы и благословляет поступать определенным образом), хочешь – не хочешь, а надо его слушаться. Он берет на себя ответственность за это решение. В противном случае надо выбывать из этого учреждения.

Так же, если приходишь в общину, и считаешь священника своим духовником, то разницы между духовником и духовным отцом большой нет, только, может быть, в степени более сугубого родства, более близких духовных отношений, более внимательного слышания слова, более трепетного отношения. Но что касается духовных советов и послушания, то если священник говорит вещи, которые согласуются со священным Писанием и Священным Преданием, нет причин, чтобы его не послушать.

Человек слушается не человека, а слушается Церковь, которая говорит ему устами священника.

Вообще-то никто никого не обязан слушаться. Это всегда свободное действие человека. Но если прихожанин таким образом себя поставил по отношению к священнику, что тот почувствовал возможность сказать ему какие-то серьезные духовные слова, то здесь либо сам человек просто играет в духовную жизнь, либо он идет по пути ослушания, по пути духовного самоубийства.

Невозможно такими вещами просто так играть. Это все очень серьезно. Духовная жизнь – это не общественное мероприятие. Хочу – поступаю так, хочу – поступаю сяк. Хочу – делаю то, хочу – делаю се. Духовная жизнь – это путь ко спасению.

Если ты хочешь идти ко спасению, иди. Если не хочешь идти ко спасению, никто тебя не заставит. Но странно при этом разбирать, духовник это или духовный отец, имеешь ты право или не имеешь… Если ты всерьез готов идти путем ко спасению, тогда вопроса о том поступать или не поступать по своеволию, быть не может. Есть только вопрос о том, как правильно услышать волю Божию.

«Мучимся мы на земле и ищем свободы, но мало кто знает, в чем свобода, где она. И я тоже хочу свободы, и день и ночь ищу ее. Я познал, что она у Бога, и от Бога дается смиренным сердцем, которые покаялись и отсекли свою волю перед Ним. Кающемуся Господь дает Мир Свой и свободу любить Его».

Прп. Силуан Афонский

Слово свобода очень сильно девальвировано, даже поменяло свой смысл. Какие только словосочетания с этим словом не приводят! И все они звучат, я бы сказал, анекдотично: свобода слова, свобода печати, свобода совести, свобода любви… все это страшные искажения той свободы, как понимаем ее мы, христиане. Эти понятия современного мира, так называемые общечеловеческие ценности, сейчас поставлены мировым сообществом выше ценностей христианских.

Но мы, христиане, как понимаем свободу? Можем ли мы чувствовать себя свободными, когда есть так много того, что ее ограничивает – обязанности, нравственно определенные правила, закон, отсутствие денег, и, наконец – совесть. Это чувствует каждый человек. Законы могут быть разными, совесть – для всех людей понятие одинаковое.

Авва Дорофей называет совесть естественным законом, который вложен в человека Богом как образ Божий. И в послании к Римлянам апостол Павел пишет: те, кто умирают вне закона, и судятся вне закона, потому что для умерших вне закона язычников совесть является естественным законом, по которому они будут судимы. То есть мы отождествляем совесть не с человеческим законом, а с естественным законом, который заложен внутри самого человека, с законом Божиим.

А в Евангелии говорится, что Бог принес людям Свободу. «Познаете истину, – говорит Христос, – и истина сделает вас свободными» (Ин.8,32). Все Евангелие говорит нам об освобождении. Бог и есть сама Свобода, совершенная и абсолютная Свобода.

Но если совесть – это голос Божий, голос абсолютной свободы, и она же ограничивает нашу свободу, тогда получается такое противоречие – то, что ограничивает свободу в человеке, одновременно является и призывом к свободе.

Так, где же свобода? В чем она? Между двумя свободами, как ни странно: между той свободой, которая в Боге, и той, которая вне Бога; между свободой своеволия, своенравия и беззакония, и свободой во Христе, которая есть свобода от греха, свобода жизни вечной. Мы не можем назвать желание человека поступать по своей воле несвободой, так же как не можем назвать несвободным человека, который выбрал зло. Выбирая зло, он не выбирает себе, как бы сказать, тюрьму, для него это свобода. Человек свободно выбирает

зло или свободно выбирает добро. И поэтому мы и будем говорить, что человек выбирает между двумя свободами, ему дан свободный выбор.

У прп. Антония Великого говорится, что свободны не те, кто свободен по естеству, кто богат или знатен, потому что они часто являются рабами чувственных страстей, а настоящую свободу души «составляют чистота и презрение привременного».

У слова свобода есть синоним – воля, мы же говорим – вольная волюшка, вольные люди. Поэтому услышать волю Божию – это услышать голос освобождения Божиего, услышать голос Божией свободы. Человек, который слушает свободу, сам становится свободным, но эта свобода дается человеку только через послушание воле Божией. И тогда послушание – это никакое не закрепощение, а именно свобода.

Это видно, когда воспитываешь своих детей и они приучены слушать тебя. Вот ты видишь, что в какой-то момент у них нет никакого желания идти за тобой, а есть желание совершенно противоположное, но ребенок просто не в состоянии исполнить свою греховную волю. Он очень чего-то хочет, его мысли направлены именно на это желание, но у него нет на это внутренней потенции. Он оказывается просто бессильным следовать своей греховной воле, если есть препятствие в родительском слове.

Так часто бывает, и не только с детьми. Приходится немножко надавить, настоять на своем, но как бы тяжело не было в этот момент, потом человек радуется, он получает награду, оказывается довольным и наполненным правильностью своего поступка. Он поступил по послушанию и увидел благой результат этого.

К сожалению, этот же инструмент используется в тоталитаризме. Сама психологическая структура способна подавить человека. Поэтому очень важно, чтобы всегда оставалась возможность выбора, чтобы человек всегда прилагал внутренние усилия, свой маленький подвиг, направленный на слышание этого слова. Не приказ – а послушание, не подавление человеческой воли, а возможность сопряжения человеческой воли с волей родительской, с волей Божией.

В этом-то и есть искусство педагогики и духовничества: с одной стороны оставить человеку возможность не послушаться, не ломать его, всегда оставлять человека свободным, но с другой стороны приложить все усилия к тому, чтобы он тебя все-таки послушался и обязательно дать ему внутренне почувствовать благость послушания.

Духовное руководство добивается того, чтобы человек оказался внутренне бессилен исполнить свои греховные пожелания, поступить против своего духовника, потому что это сопряжено с правильным. Как бы его душа не рвалась, как бы его внутреннее искажение не поворачивало на исполнение своеволия, своих желаний, но тут происходит это маленькое чудо послушания – человек слышит голос духовного закона, который не дает ему возможности поступить по греховной свободе.

От этого иногда бывает досадно, бывает плохо, тяжело, человек, может быть, внутренне протестует, но идет ко Христу, потому что иначе уже не может. А идя за Христом, он всегда идет от рабства к свободе. Когда человек становится послушным, он слышит голос Божией воли, голос свободы, который делает человека совершенно свободным в Боге.

«Сознательная богоподобная воля должна в нас освободиться от всякого природного желания, дабы когда мудрое провидение усмотрит, что представился случай, оно могло приказать воле отрешиться, и чтобы воля сказала тогда: я делаю это охотно! И вот тогда пытка стала бы радостью».

Майстер Экхарт

Исповедь – это обещание человека бороться с грехом. Это просто его клятва. Поэтому человек целует крест и Евангелие, присягая этим во время исповеди, обещая нести крест и жить по Евангелию.

А в Евангелие есть такое место, которое, когда читаешь его, всегда для тебя, как Страшный Суд, – «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Вот такие страшные слова, которые отражают суть духовной жизни и до конца каждого из нас обличают, пронизывают, делают абсолютно безответными перед Богом. Потому что Крест Христов совершенным образом определяет человеческую суть, сердцевину его бытия.

Под словом крест каждый из нас, конечно, понимает что-то свое. В основном это груз неразрешимых проблем, которые нас угнетают и как бы раздавливают. Но иногда люди проживают очень тяжелую жизнь, – бедность, болезни, совершенное крушение всех надежд, – и умирают в старости совершенно разрушенные, а в Царство Небесное не попадают. Потому что не было креста, того самого креста, который является радостью, а было только горе, неисчерпаемое горе безысходности. Такая жизнь, хотя и заканчивается естественным образом, все равно сродни самоубийству, потому что человек не нашел выхода радости, пути ко Христу, возможности быть с Богом не нашел.

Недавно мне пришла в голову мысль, что самый страшный крест, который имеет человек, это – свобода выбора. Настоящая свобода не может выбирать, она как полет, как дыхание. Птица не выбирает, летать ей или не летать, она просто летит. Рыба не выбирает, плыть ей или не плыть, она просто плывет. Истинная свобода может быть только абсолютной, это или совершенно полное прилепление к Богу, как к источнику абсолютной свободы, или совершенно полное Его отвержение, как осознание своей полной свободы от Бога. Смерть тоже сродни свободе, это абсолютное ничего в своей абсолютной удаленности от Него.

Человек, который пожил без Бога, а потом обратился, вдруг понимает, что свобода жизни и свобода смерти это вещи, между которыми нельзя выбирать. Очевидно, что надо жить свободой жизни. Но для того, чтобы это сделать, надо абсолютно исключить из себя всякую смерть. И это самое страшное и самое тяжелое, что только может быть с человеком, потому что выбор между свободой жизни и свободой смерти, так называемая свобода выбора, это и есть крест. Это есть постоянное мучение человека – каждый раз выбирать Бога, когда против этого протестует все его существо. Этот выбор, по моему, и есть сораспятие Христу.

Мне кажется, надо очень спокойно признать, что человек не свободен, просто язык не повернется свободу выбора назвать свободой. Наоборот, это страшные кандалы, это такие муки, которые и составляют настоящий крест человека. Человек совершенно нелогически, против своей природы, наперекор всему тому, к чему тянет его смертоносное тело, выбирает жизнь, выбирает Христа, выбирает свободу, которая является страшным мучением, но при этом вдруг осознает себя действительно свободным, понимает, что приобщается к истинной жизни, которая начинает пробиваться в нем, как в самарянке после беседы со Христом, став источником жизни вечной.

Этот процесс, это духовное становление человека не бывает одномоментным. Оно не было одномоментным, скажем, у Марии Египетской, вся ее жизнь в пустыне было непрестанным умиранием и сораспятием Христу, потому что все ее умершее существо тянуло к выходу из пустыни, и только любовь к жизни тянула обратно в пустыню. Это очень яркий образ. Для человека жизнь там, где все бурлит, искрится, где некая полнота плотского бытия, она тянет к себе, привлекает плоть, как магнит. А пустыня, в которой нет ничего живого, является как бы символом смерти. И вот человек в смерти находит жизнь, а в жизни находит смерть. Об этом и Евангелие так парадоксально говорит, что потерявший душу, ее приобретет, а тот, кто ее приобретет, – потеряет.

Значит, надо отвергнуться себя, отбросить все, что мы называем своим, что к нам приросло, стало маской, исказившей наше собственное лицо, как бы больно, как бы мучительно, как бы страшно это не было. Если мы сумеем так вот совлечься себя, не испугаться погубить свою надуманную, пустую, бессмысленную жизнь, тогда мы

приобретаем Христа, приобретаем истинную жизнь вечную, которую Господь нам даровал Своим распятием и Своим воскресением.

Страх Господень

«Начало и конец духовного пути – страх Господень». **Прп. Пимен Великий**

«Адская бездна отверста перед нами. Все зло, которое мы другим (то есть себе) делаем, есть зло, выходящее из пустоты нашей, не заполненной светом Божиим. Адская бездна непрестанно отверста перед нами, и мы, слепо страшась ее, слепо привязываем себя к тому, что само не вечно, что есть лишь туман над бездной. Смерть рассеивает туман и оставляет бездну».

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Среди множества наших грехов всегда есть такие, с которыми мы не боремся, с которыми мы можем жить. Но страшно то, что эти мелкие грехи, такие простительные, совершенно незаметные, с которыми мы внутренне согласились, могут остаться с нами навеки, связать нас и не пустить к Богу.

С детства мне запомнилась замечательная картинка из книги Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера»: лежит огромный Гулливер, привязанный лилипутами к земле тонкими-тонкими ниточками. Лилипуты бегают по нему и глумятся, а он не может подняться, потому что эти мелкие тоненькие ниточки крепко держат огромного Гулливера и он бессилен что-либо сделать. И в нашей человеческой жизни вполне, как нам кажется, обычной, нормальной, порядочной, мы часто оказываемся связаны своими мелкими грехами и не можем приблизиться к Богу, не можем пребывать с Ним.

Как пишет преподобный авва Дорофей в книге «Душеполезные поучения»: *«Если у кого-нибудь хотя бы одна страсть обратится в навык, то он подлежит муке».* Он приводит такой наглядный пример: *«Орел, если весь будет вне сети, но запутается в ней одним когтем, то через эту малость низлагается вся его сила, ибо не в сети ли он уже, хотя и весь находится вне ее, когда удерживается в ней одним когтем? Не может ли ловец схватить его, если захочет?*

Так и душа; если хоть одну страсть превратит себе в навык, то враг, когда не вздумает, низлагает ее». Орел как бы на свободе, но он – пленник. Только один злой навык превратился в человеке в страсть, но она уже подлежит аду.

Рано или поздно мы все задумываемся о том, что такое ад, что такое вечные муки и насколько они реальны. Учение Церкви говорит о том, что адские муки вечны, что человек в аду мучается и физически, и душевно, и духовно, то есть во всей полноте своей человеческой природы, потому что и воскресает человек телесно, определяя себя во всей полноте человечества.

Почувствовать, что такое ад, очень просто, об этом во многом свидетельствует современная жизнь. Владимир Маяковский в своем стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» пророчески написал: *«Работа адова будет сделана и делается уже».* Это действительно так. Мир, в котором мы живем, все больше и больше принимает на себя черты этого страшного состояния, но пока во времени. Ад же можно представить, как греховное состояние человека, осуществленное в вечности. Человек примиряется со своими грехами и страстями. И хотя это обязательно доставляет ему определенного рода мучение, но пока он живет, он умеет себя обманывать.

Христос сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17, 21). Похожим образом внутрь человека может войти и преисподняя и остаться с ним навечно. Возможность навеки сочетаться с грехом, навеки остаться без Бога, но со своей ненавистью, ложью, развращенностью, со своей подлостью – вот это страшно, гораздо страшнее любых картинок с горящими сковородками и кипящими котлами, полными грешников.

Грех и есть та самая мука, которая мучает грешника в аду, та страсть, через которую человек мистически соединяется с адом, тот недуг души, то искажение и та противоестественность его состояния, которая не дает ему войти в рай. Вот этого состояния вечных мук, уже присутствующего в нас во времени, и надо бояться, а ничего другого. И в какой-то момент человек может устрашиться и начать работать для Бога.

«Ведь одно только, Олимпиада, страшно, одно искушение, именно только грех, – и я не перестаю напоминать тебе это слово, – все же остальное – басня, укажешь ли ты на козни, или на ненависть, или на коварство, или на ложные доносы… на лишение имущества, на изгнания, или заостренные мечи, или на войну во всей вселенной, каково бы все это не было, оно и временно и скоропреходяще, и не имеет места к смертному телу, и нисколько не вредит трезвой душе».

Свт. Иоанн Златоуст

Мы говорили о свободе, а теперь поговорим о страхе. Страх и свобода – совместимы ли эти понятия? Ведь по представлениям мира сего страх – это состояние рабское. Страх порабощает человека. Но как мужество отличается от бесстрашия, так и страх Божий отличается от многочисленных страхов мира сего. «Тамо убояшася страха, идеже не бе страх», – говорит Давид псалмопевец (Пс. 13, 5). Все, чего мы боимся в этом мире, не имеет никакого отношения к тому высокому страху, который делает человека сыном Божиим и ведет ко спасению.

Апостол Павел сказал: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1Кор. 7, 23). Своей смертью и Своим воскресением Христос освободил нас от власти греха и смерти, и поэтому мы свободны и не должны быть рабами мира сего, не должны его бояться.

А мы, к великому сожалению, чаще всего боимся, что Господь нас в этой временной жизни чего-то лишит, чего-то нам недодаст, накажет несчастьями, болезнями, смертью близких, крушением комфорта. В привычном поиске временных удобств для нас бывает очень важно, чтобы нас не лишали незыблемых, как нам кажется, опор. Другого наказания мы не знаем и не представляем. Грех страшен нам не потому, что наша душа не спасется, что мы не увидим Царствия Небесного и лик Христа. Нам по-язычески страшно от того, что сейчас в нашей жизни может случиться что-то плохое, и мы не хотим понимать, что если Господь нас наказывает, значит, хочет отрезвить, вразумить, уберечь от опасности и направить ко спасению.

Само слово «наказание» нами понимается неправильно. В церковно-славянском языке оно означает «научение», «наказ», «вразумление». Наказание – наука, которой нас любовно учит Господь. «Наказания Господня, сын мой, не отвергай, – говорит Священное Писание, – ибо кого любит Господь, того наказывает» (Притч.3:11–12).

Если человеку на исповеди прощены его грехи, а он не исцелился, то исцеление ему может быть преподано через наказание, через определенную жизненную ситуацию, в которой он может стукнуться лбом, набить шишку, образумиться и понять, что дальше идти некуда, и начать собственный путь исцеления.

Когда Бог наказывает, Он спасает. А есть люди, которых Бог уже не наказывает, потому что это бессмысленно. Вот что страшно. «Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя; дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее» (Притч. 9, 8–9), – сказано в Писании.

Самое страшное наказание – кара не в этой жизни, а в будущей. Этим и страшен нераскаянный грех, что придется отвечать на Страшном Суде, когда не останется времени для покаяния и исправления жизни. Если Господь в этой жизни даже через горе и крушение открывает Себя для нас, это значит, что Он хочет вернуть нас к Себе. И тогда для нас постепенно открывается страх того, что наши временные грехи могут стать вечными. Но боязнь этого приходит к человеку только после того, как он по-настоящему

узнает, что Господь благ, что есть вечная жизнь и что она – реальность, доступная каждому человеку.

Многие люди, пережившие потерю близких или другие испытания, которые мы воспринимаем как наказание, через это неожиданно узнали в Боге не карателя и палача, а нежного любящего Отца. Это звучит парадоксально для людей неверующих, но именно через горе многие познали, что Господь поистине благ. «Благо мне, яко смирил мя еси» (Пс. 118, 71), – написал на стенах своей избы в Березове лишившийся всего, потерявший любящих сына и дочь опальный Александр Меншиков, любимец Петра Великого.

Если человек способен увидеть в жизненных несчастьях и неудачах урок, который подает ему Господь, тогда он воспринимает все происходящее с ним как исполнение воли Божией и принимает наказание от Господа с величайшей благодарностью и любовью. О таком человеке можно сказать, что он – раб Божий.

«Не о себе уже думаю: думаю о том, как бы спеть моему Богу красивую песню. Для того хочу быть, и быть совершенным, чтобы побольше отдать Богу».

Лев Карсавин

Люди, которые порабщены греху, Богу работать не могут. Они живут безбоязненно, грешат и не боятся Господа, но разве свободны они от тысячи других безблагодатных страхов? Человек, который не освободился от страхов мира сего, не свободен. Бояться Бога можно только в свободном состоянии. Это высокий страх любви.

В трех ступенях страха Божия, которые различают святые отцы, первое и очень высокое звание – раб Божий. Раб Божий – это свободный человек. Он не боится наказания в этой жизни, но боится вечных мук. Потому что вечная мука – не наказание, а определение состояния души в вечности.

Состояние раба Божия – мера человеческой святости, и тот, кто таким образом исправил свою жизнь, – подвижник. Восходя на следующую ступень, человек уже не боится вечных мук, он знает, что Господь награждает добродетель блаженством, и трудится для Бога ради награды духовной.

Наемник, как называют его святые отцы, – высокая стадия святости, но такое состояние, как свидетельство о Царствии Небесном, в какой-то мере должно быть доступно каждому христианину. Трудно представить, что человек будет действительно любить Бога, не зная о том, что Он благ. На Пасху мы все вместе причащаемся и ликуем и можем всех простить и всех любить хоть какое-то время, пусть и недолгое. Представьте себе, что можно пребывать в таком состоянии всегда. Неужели ради этого человек не будет трудиться для Бога?

Человек, боящийся мук или работающий Богу ради благодати, в своей свободе еще не совершенен. Сыновний страх, освобождающий даже от мысли о воздаянии и о муках, делает свободу совершенной. Не рассчитывая на спасение, не боясь ада, такой человек все делает для Бога из одной своей сыновней любви. Как сказано в молитве святителя Димитрия Ростовского: Господи, если за все мои бесчисленные согрешения Ты пошлешь меня в ад, то и там я не перестану любить Тебя.

Сыновство – это совершенство святости, которое является целью христианской жизни, целью жизни каждого из нас. Сын трудится для Бога не из страха мук, не ради награды, а только из-за одной любви. Преподобный авва Дорофей говорит, что страх Божий есть любовь, настоящая любовь. Каждому из нас Господь дал возможность называть Его Отцом, и поэтому если мы не ставим перед собой такой цели, то я не знаю, как мы спасемся. Если мы даже страшных мук не боимся, мы никогда не поймем, что такое страх Божий, и будем пытаться заработать себе у Бога благополучную временную жизнь лишь постами, молитвами, мелкими добрыми делам, не изменяющими нашего существа. Мы приходим в полное отчаяние, когда из-под наших ног выбиваются какие-то временные

подпорки. Но в Царствии Небесном нет ничего материального, ничего такого, что мы здесь любим, за что хватаемся, чем дорожим, по поводу чего испытываем такие ужасные переживания. В Царствии Небесном нет ничего, кроме духовной жизни.

То, каким Господь видит человека, и к чему Он его призывает, бесконечно высоко и, с одной стороны, очень далеко от нас, но, с другой – доступно каждому, и нет такого человека на земле, который однажды не вошел бы пусть только в одно из этих состояний, человека, в котором Господь не видел бы совершенного Своего сына.

«Сообразно с житием твоим должна быть молитва твоя. Ибо тому, кто привязан к земному, невозможно домогаться небесного и тому, кто занят мирским, нет возможности просить божественного, потому что пожелание каждого человека показывается делами его: в чем показывает он свое рачение, о том подвизается в молитве. Кто желает великого, тот не бывает занят маловажным».

Прп. Ефрем Сирин

Наша душа чувствует, что Бог так далек, так непознаваем, так велик, что сказать Ему «Ты», как говорим мы в молитве, практически невозможно. Хотя мы и обращаемся к Богу на Ты, по-настоящему сказать «Ты» Господу можно тогда, когда Он близок тебе, когда Он свой, и ты Ему не чужой.

Мы часто что-то просим у Бога, но обращаясь к Нему «Отче наш», иногда не хотим и не ищем Отцовства в Боге. Мы обращаемся к Нему, как подчиненные обращаются к начальнику, как неимущие – к богачу, который все имеет и может от своих щедрот нам что-то дать; либо как к великому неизвестному и неисследованному источнику благодати, исцелений и чудес, но почти безличному, неузнаваемому, совсем незнакомому для нас. Ведь это гораздо удобнее – относиться к Богу, как к Отстраненному Всемогущему Существу. Но раз Он Отец и Сам Себя так в этой молитве являет, значит, в Нем есть глубокая познаваемость, узнаваемость и желание этого познания, иначе всякая молитва обессмысливается. Но наша молитва будет останавливаться перед этими словами, как перед непреодолимым препятствием, если мы собираемся их произнести, а сынами Божиими быть не хотим.

Господь по милости Своей подает нам просимое, но часто мы сами не верим, что Он может так много нам дать. Ведь какие великие дары мы испрашиваем себе у Бога! Например, в молитве Ефрема Сирина мы просим смирения, целомудрия, послушания – всю сферу благодатной жизни Царства Небесного. Просим… и не верим, что можем это получить.

«Ну, Ты же все можешь, жалко тебе что ли», такими словами часто обращаемся мы к Богу, когда просим о вмешательстве в нашу жизнь. Конечно же, Ему не жалко, но то, что мы обычно просим у Господа, можно дать только своему, только родному – чужому этого дать нельзя.

Как же можно стать родным Богу? Очевидно, что это невозможно сделать одним желанием. Это происходит только через Христа, через Церковь, через Таинства, только через подвиг. Мы не должны искать сыновства вне себя, в каких-то книгах или учебниках, оно заложено в нас как образ и подобие Божие. Залог этого сыновства присутствует в каждом человеке, но путь к нему раскрывается через Крест так же, как Сын Божий искупает человечество и делает его сопричастным Божеству через Распятие, Крестную смерть и Воскресение.

«Ищите, и обрящете» (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9), – говорит Господь. Но прежде всего должно быть глубокое, живое, трепетное желание усыновления Богу. И желание это должно быть непрестанным. Невозможно в какой-то момент быть сыном Божиим, а потом сказать: «А теперь оставьте меня, мне было дано столько, сколько мне надо, и большего я не хочу».

То состояние «христианства», в котором мы в большинстве своем пребываем, не дает нам возможности называть себя сынами, потому что приобщение к истине невозможно

только какой-то частью, чуть-чуть и ненадолго. Это можно сделать, только отдав всего себя и весь живот свой Христу Богу. И тогда вся наша жизнь может раскрыться, как подвиг.

«Теперь очень часто говорят о богосыновстве, но мало говорят о пути к нему. А путь этот – покаяние. Нигде так ясно не познает душа наша Бога как Отца, как в покаянии. Кающегося Бог принимает, как блудного сына, и радуется о нем, что мертв был и ожил, погибший был и нашелся».

Архим. Софроний (Сахаров)

Блудный сын, когда шел долгим путем к своему отцу, говорил: *«Я недостоин быть твоим сыном, возьми меня хотя бы кем-нибудь, самым последним рабом, наемником, я готов в углу жить под лестницей, но только у тебя»* (см. Лк. 15, 11–32). Это состояние человека, который приносит на исповедь всего себя и готов принять что угодно, но только от Бога, готов на любую жизнь, на любые условия, но только со Христом.

Таинство покаяния – постоянное принесение себя Богу, состояние блудного сына, в котором жить без Бога невозможно.

Бывает так, что даже небольшой грех неожиданно раскрывает человека с самой уязвимой стороны. Вроде он ничего страшного не совершил, может быть, слово лишнее сказал, никто этого и не заметил, а человек маленький незаметный этот грех переживает так, как, может быть, им не переживалось воровство или прелюбодеяние. Потому что только в этот момент он понял, какое он ничтожество, и жить с этим стало невозможно.

Это – состояние, находиться в котором один на один с самим собой невыносимо тяжело. Хочется спрятаться, убежать куда-нибудь, чтобы облегчить его, чтобы заглушить крик души. И тогда человек идет на исповедь, потому что вдруг понимает, что жить так больше не может, что надо вернуться к Богу. Пусть будет тяжело и больно, пусть это состояние останется с ним, но он будет знать, что Господь его не отвергнет. В такой момент человек не думает, станет ему легче или не станет, он думает только о том, чтобы Бог его не прогнал.

А бывает иначе. «Я приду на исповедь, потому что мне тяжело с собой жить, – думает человек, – а мне хочется жить комфортно. Я знаю, что на исповеди Бог милостив, Он простит мне грехи, и тяжесть пройдет, и я снова буду чувствовать себя легко». Жизнь останется прежней, просто человек станет осторожнее, он начнет избегать ситуаций, в которых может оказаться в столь незащищенном положении. Однако если он не изменился, то рано или поздно ему все равно придется за себя отвечать.

Грех невозможно вырвать из человека, как некий случайный сорнячок. Невозможно отделить греховное действие от греховного помысла, от греховного становления, которое не может существовать само по себе, не цепляясь за переживание человеком каких-то явлений, встреч с другими людьми, всей совокупности человеческой жизни. И поэтому человек, приходя на исповедь, не может принести только часть себя. Он должен принести только всего себя.

Так или иначе, благодать Духа Святого через разные обстоятельства жизни, через столкновения с другими людьми понуждает нас меняться. Как говорил Амвросий Оптинский: *«Даже горшки, и те бьются».* Так и люди, как горшки, сталкиваются и бьются, и разбивание этого самоистукана (по слову преподобного Андрея Критского в его Великом покаянном каноне), этого глиняного горшка, приводит человека к осознанию, что он всю жизнь вроде духовно жил, в храм ходил, причащался, а в момент исповеди должен принести Богу не отдельные кусочки этого горшка, а сказать, что – я разбитый горшок.

«…к сохранению душевного мира надо чаще входить в себя и спрашивать: где я?»

Прп. Серафим Саровский

Невозможно обновить каждую ниточку дряхлого платья. Если одежда истлела, ее надо заменить. Многие грехи человек иногда даже не в состоянии бывает назвать, не всегда находятся для этого нужные слова. А есть такие грехи, которым очень трудно дать название, потому что это не поступки, а состояние, нечто такое, чего никак не описать: все плохо, куда не ткни, везде рвется. И поэтому Господь в Таинстве покаяния человеку, который больше не может жить в старой одежде, его одежду обновляет. Не заплаточки ставит на дырочки, а обновляет жизнь, освобождает его от уз греха.

Господь показывает нам главное: корни греха, которые мы должны в себе исправить и вместе с которыми исправится многое другое, чего мы даже не понимаем. В этом и заключается смысл исповеди. Может быть, мы никогда при жизни и не осознаем, что в нас изменилось, какие грехи Господь нам отпустил по милосердию Своему, просто потому, что мы избрали другой путь жизни.

Поэтому я говорю, что исповедь не может быть фрагментарной. Человек всегда должен приходить во всей своей полноте. И если он поймет это, то не будет жить от исповеди до исповеди, покаяние станет сердцевиной его жизни.

Такая жизнь может показаться невыносимой, но, на удивление, это и есть полнота. Мы говорили о радости, о любви, о том, что об одном кающемся грешнике все Царство Небесное радуется (см. Лк. 15, 7). Эта радость происходит потому, что человек во всей полноте становится Человеком, наконец-то становится рабом Божиим. Это величайшая радость, та милость, которую человек получает от своего Отца.

Не каждому дано быть преподобным Серафимом; не каждый достигает меры святости преподобного Силуана. Но каждому человеку Господь дает прикоснуться ко всей полноте святости, каждому доступна какая-то мера сыновства. Потому что полнота в Царствии Небесном – для всех полнота. Один священник привел мне такой пример. Говорили о том, что все люди разные, разной жизнью жили, в разных условиях существовали, кто-то действительно подвизался в монастырях, кто-то у станка стоял, пахал землю, кто-то родился в семье алкоголиков. Все разные, а полнота у всех одна, все полны. Представьте себе: ведро можно наполнить до верха, оно будет полное, а можно наполнить до верха наперсток, и он тоже будет полный. В наперсток больше не вольешь, и он не может претендовать на то, что он не полон: в нем есть все, что он может вместить. В ведре больше, чем в наперстке, но наперстку от этого ущерба нет, он от этого не страдает, своей неполноты не ощущает. И для каждого человека в Царствии Небесном, если по милости Божией мы там окажемся, несмотря на то что мы все очень разные и по-разному шли к Богу полнота у всех будет обязательно – полнота сыновства. Но кто-то до этой меры дорастет еще при жизни и реализует ее в себе, а кто-то получит ее, как дар Божий, в Царствии Небесном.

Но, думая о Царствии Небесном, мы помним, что это Царство любви, Царство радости и вечного блаженства. Мы не привыкли рассуждать о будущей жизни, как о чемто страшном. И опять получается противоречие, потому что где любовь, там не может быть страха. У Иоанна Богослова в Первом соборном послании написано, что «любовь изгоняет страх» (1Ин. 4, 18) и что боящиеся несовершенны (см. там же). И поэтому трудно представить себе одновременно и милосердие Божие, и Страшный Суд. Трудно по одной простой причине: наше собственное тщеславие не дает нам возможности представить себя осужденными, в роли тех, кто всегда виноват пред Богом. Во всякую минуту нашей слабости, какого-то отступления от Бога или даже предательства, мы готовы себя простить и поэтому не можем себе представить, как нас могут не простить другие, мы-то себя прощаем и представить себе, что мы можем быть осуждены окончательно, осуждены в вечности, очень сложно.

Давайте подумаем об этом. Давайте по-настоящему убоимся того, что нам всем принадлежит. Почему мы все себя уже спасли? Почему мы все уже открыли себе вход в Царство Небесное? Почему мы так легко живем, как будто нам не суждено предстать пред

Господом и увидеть Его глаза в глаза, увидеть Его сияющий Лик, Который до конца просветит каждого из нас и покажет нам, кто мы такие и сколько в нас настоящего.

При вратах Царствия

«Умудрись положить в основание путешествия твоего страх Божий и в немногие дни окажешься при вратах Царствия». **Прп. Исаак Сирин**

«Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение».

(Флп. 1,21)

«Умереть нынче не мудрено. Нынче труднее научиться жить».

Св. Патриарх Тихон

Жил богатый человек, жил хорошо и пышно. И был другой, Лазарь, который лежал в струпьях у его дверей и желал напитаться хотя бы крошками, падающими со стола богача, но никто ему их не давал. И вот оба умерли. Лазарь попал в лоно Авраамово, а богач – в место мучений. И тогда богач просит Авраама, чтобы пришел Лазарь, омочил перст в воде и облегчил его муки, но Авраам отказывает ему в этой милости. Тогда богач просит, чтобы Лазарь пришел к его братьям, предупредил, чтобы хоть они-то не погибли. *«Моисея имеют пророком и пусть его слушают»,* – отвечает Авраам. *«Нет, – говорит богач, – не послушают, вот если кого из мертвых встретят, тогда поверят».* И тогда Авраам утверждает: *«Если Моисея и пророков не слушают, то если и мертвые воскреснут, не поверят»* (см. Лк. 16, 29–31).

Вот такая история о конце человеческой жизни и о суде. История о том, как нам умирать, потому что нет ничего более очевидного для человека, чем его будущая смерть. О своей судьбе мы ничего не знаем. Не знаем, что будет с нами через десять минут, но единственное, что мы знаем о себе с абсолютной достоверностью, так это то, что когда-нибудь умрем, как все до нас. Но вот что удивительно, человек, который совершенно точно знает, что умрет, меньше всего думает о смерти, меньше всего старается представить себе, как ему надо жить, чтобы не попасть в место мучений.

За что же страдал этот богач? Что, собственно говоря, он сделал плохого? Ведь Евангелие не говорит нам, что он был дурным человеком. Он мучился, но никому мучений не желал. Даже находясь в аду, он беспокоился о своих сродниках и заботился, чтобы они не погибли. У богача, который попал в ад, было доброе сердце.

Вот такой обычный человек, как все люди, только богач, попадает после смерти в место мучений. И не потому, что богатство плохо, а нищенство хорошо. Богатство здесь означает совсем другое – самодостаточность, когда человек живет в своем замкнутом мире, ничего и никого вокруг себя не замечая. В таком мире живем и мы. Или стремимся к этому – воздвигнуть стену вокруг себя и никого к себе не впускать: «Ваши проблемы – не мои проблемы, мы живем своим уютным мирком, и нам в нем хорошо. А Бог что? Бог есть, конечно, мы знаем, что Бог есть, и нам этого достаточно». Мы даже впадаем в уныние и отчаяние, когда Господь пытается нас потревожить в нашем самодостаточном, самодовольном мире. В Его вмешательстве мы не видим милости Божией. Но это тот самый мир, о котором святые отцы говорили, что лучше брань, чем мир, который удаляет нас от Бога.

Не был бандитом и разбойником и евангельский богач, не был он и злодеем. Он был самым обычным человеком. И в место мучений он попал только потому, что его мир был отделен от Бога. Мир богача был закрыт, но именно поэтому и Божий мир оказался закрытым для него.

Так и мы: знаем, что Бог есть, но живем так, как будто Его нет, как будто нам не предстоит с Ним встретиться. Мы надеемся, что когда-нибудь потом у нас еще будет время пожить для Бога. Может быть, настанет Великий пост, и вот тогда… В этот Великий

пост не получилось, может быть, мы через год что-нибудь сделаем… Но ведь следующего Великого поста может для нас и не быть. Может быть, мы сегодня выйдем из храма, и уже больше никогда в него не вернемся, и не будет у нас возможности когда-то потом что-нибудь сделать для Бога, как-нибудь Ему послужить.

Так и исполняется слово, сказанное богачу Авраамом: «Если даже кто из мертвых воскреснет, не поверят». Ведь поверить – не значит удостовериться. Поверить – значит принять веру в свою жизнь полностью и до конца, быть поглощенным этой верой, жить со Христом.

Пророки и Священное Писание говорят нам о том, каким должен быть человек. Об этом сказано в Послании апостола Павла галатам: «Ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал.6:17). Или: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). А в ком живет Христос, тому смерть не страшна. «Для меня смерть приобретение» (Флп. 1, 21), – говорит апостол Павел, потому что сораспялся Христу.

Так Писание, которое мы часто слушаем, но не всегда слышим, учит нас тому, что жизнь в Боге – это настоящее Ему сораспятие. И Лазарь тогда предстает не просто как нищий больной, а как сораспятый Христу, принявший от Бога жизнь, как милость, как возможность ему спострадать, как возможность в этом малом делании обогатиться Христом. И поэтому в Евангелии Лазарь назван по имени, а имя богача неизвестно, оно стерто из книги жизни.

Мы хорошо знаем евангельские слова, которые поются для нас на Литургии, о том, что «блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны алчущие и жаждущие правды» (Мф.5:3–6), но они как бы не для нас написаны. А ведь это – заповеди блаженства, но такого блаженства, такого счастья, которого никто себе не желает, к которому никто не стремится и сил для достижения которого не употребляет. Потому что наше блаженство в самодостаточности, наше блаженство в комфорте, наше блаженство в том, чтобы нас никто не беспокоил. Вот что обезличивает каждого из нас и не дает нам возможности приобщиться к вечной жизни.

История о богаче и Лазаре повествует нам о том, как человек может пройти мимо своего спасения, как бездарно может закончиться жизнь, проведенная в своем благополучном маленьком мире.

«Умирай ежедневно, и будешь жить вечно».

Прп. Антоний Великий

Память смертная – добродетель, о которой редко вспоминают обычные люди, но о которой много говорят отцы Добротолюбия, – является одним из самых творческих потенциалов в человеке. Это только кажется, что если мы будем думать о смерти, то сойдем с ума. На самом деле люди боятся думать о смерти, потому что по большому счету вообще боятся жить. В наши дни вошло в привычку проводить время, но никак не жить. Люди не только проводят время, но даже думают, как бы это время убить. С одной стороны, его вроде как не хватает, а с другой – слишком этого времени много, потому что… скучно.

Жить, имея память смертную, страшно потому, что с таким памятованием надо все изменить: надо дорожить каждой минутой, проживать каждый час, творчески наполняя его глубоким содержанием. Я помню, как митрополит Антоний Сурожский, вспоминая о смерти своей матери, говорил, что год, в который она умирала, был самым счастливым в их отношениях. Было неизвестно, когда завершится ее тяжелая болезнь, и каждый день, встречаясь, как в последний раз, для них было важно дать друг другу полноту любви. Они знали, что завтра такой возможности может уже не быть.

Когда человек живет памятью о смерти, его жизнь становится совершенно иной. Если это твой последний день, тогда, конечно, глупо грешить. Глупо проводить время впустую: разгадывать кроссворды, читать детективы. Глупо ругаться, спорить. Глупо обижаться на

других людей. Какой смысл обижаться, если ты живешь последний день, лучше простить и наполнить это время добром и любовью. Если человек и согрешит в этот день, он не будет долго медлить, а сразу покается, сразу придет попросить прощения. И так каждый день, в течение всей жизни, пока не умрет.

И когда человек находит в себе мужество так жить, его жизнь становится очень творческой, очень счастливой, очень наполненной. Он дорожит каждой минутой: молится ли, беседует ли с другими людьми, сочиняет ли стихи или пишет картины, изобретает или строит, он понимает, что, может быть, в последний раз ему дается возможность сделать что-то полезное на этой земле, как-то потрудиться для ближних. И так всё для человека приобретает совершенно новый смысл. Вот что такое память смертная.

Память смертная может оживить и наполнить наше молитвенное правило. Сон – это образ смерти, уход из жизни, и вечерние молитвы носят характер глубокого покаяния и примирения.

А в одной из утренних молитв мы читаем: *«В оньже со славою Судия всех приидет, комуждо отдати по делом его; да не падше и обленившеся, но бодрствующе и воздвижени в делание обрящемся готови, в радость и божественный чертог славы Его совнидем, идеже празднующих глас непрестанный…»*

В этой поэтичной и глубокой молитве Василия Великого есть одна очень важная мысль – мысль о том, как человеку прийти на Страшный Суд. Василий Великий называет жизнь ночью и говорит, что день наступает с пришествием Христа. Эта молитва – эсхатологического звучания, призыва Царства Небесного. Подобно тому, как Священное Писание заканчивается словами «Ей, гряди, Господи Иисусе» (Откр. 22, 20), подобно тому, как мы призываем в молитве «Отче наш»: *«Да приидет Царствие Твое»,* – так и основная мысль молитвы Василия Великого заключается именно в этих словах, только выражена она с глубоким богословским осмыслением. В ней совершенно очевидно, что каждое утро христианин готовится к встрече с Богом, и что каждый день может стать для него тем днем, когда он предстанет на Суд. Мы должны понимать, что, начиная новый день, мы каждый раз идем на встречу с Богом, на Страшный Суд можем прийти. Мы, христиане, ждем день, когда придет Судия и всем раздаст по делам его, и поэтому бодрственно будем выходить встречать Господа.

«Служить Богу в страхе – хорошо; служить Ему в любви – лучше; но тот, кто умеет связать воедино страх и любовь, выбирает совершеннейшее».

Майстер Экхарт

Господь рассказывает притчу о Страшном Суде. О том, как сядет во славе Своей Сын Человеческий и будет судить всех людей. Поставит одних по правую сторону, а других – по левую сторону от Себя. И будут одни, как овцы, а другие, как козлища. И тех, кто по правую, он призовет к Себе:

– «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». Потому что был Я голоден, и вы накормили Меня, был Я болен, и вы посети ли Меня, был в темнице, и вы пришли ко Мне.

А те скажут:

– Господи, когда же мы это делали?

И Господь ответит:

– «Так, как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

А тем, кто по левую руку, Господь скажет:

– Отойдите от Меня, проклятые, был Я голоден, «и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня, был болен и в темнице, и не посетили Меня».

И те тоже удивятся:

– Господи, когда же все это было, когда же мы не послужили Тебе?

– «Так, как вы не сделали этого одному из сихюбим больше мы: Бога или своих родителей, Бога или своих детей, Бога или свое отечество?

Мы любим свою родину, нам очень приятно думать о нашем отечестве, как о Святой Руси, но ведь на самом деле земное отечество освящается только подвигом поиска Отечества Небесного. И если человек в отечестве ищет только земное, он и земное отечество теряет, и не приходит к Отечеству Небесному. И только те наши соотечественники, кого мы поминаем как святых, по-настоящему стали гражданами Святой Руси потому, что свое земное отечество они любили, как дом Пресвятой Богородицы, как обитель Пресвятой Троицы, как место, уготованное для подвига и спасения своих сограждан.

И поэтому, когда стоит вопрос о любви к Богу, это вопрос об отношении к нашим ближним и к дальним, и, в конце концов, это вопрос о нашей святости. Путь к святости является смыслом нашей жизни и заключается в том, чтобы возлюбить Господа всем сердцем… всею душею… всем разумением… всею крепостию своею, а потом ближнего, как самого себя (Мк. 12, 30–31). И об этом же говорит Господь: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Но это не значит, что надо бросить своих близких или совершенно забыть о них. Наоборот, тот, кто любит Бога по-настоящему, приобретает и мать, и отца, и мужа, и жену, и детей, и вообще всех, потому что любовь к Богу делает человека святым, совершенным, бесконечным, д меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники – в жизнь вечную» (см. Мф. 25, 34–46).

Вот такое Евангелие о Страшном Суде. Человек начинает трудиться над собой, стремиться к Богу и вдруг понимает, что весь в грехах, что в том состоянии, в котором сейчас находится, он совершенно чужд Царствию Небесному, и жизнь его подлежит геенне и муке, что слова отойдите от меня, проклятые относятся не к каким-то неизвестным людям, а к нему лично.

Кто же те, кому Господь сказал проклятые? Ведь речь не шла о разбойниках, убийцах, гонителях… Никому из них Он не сказал: «Идите от Меня, потому что вы убивали, воровали, блудили, творили другое беззаконное». Господь не называет ни одного греха этих людей. Эти проклятые, видимо, прожили свою жизнь так, как многие из нас: просто занимаясь собой, внимая себе и не замечая никакой другой жизни, кроме собственной. Вот и все. Ничего такого уж отталкивающего эти люди не сделали. Может быть, им и не за что было себя строго судить. А их жизнь подлежит проклятию.

В чем же смысл того, что мы христиане? Чем мы от других отличаемся? Почему так строго спрашивает с нас Господь? Бог один, а людей много и много разных вер. Какая разница, в какого Бога человек верит? Все религии призывают быть честными, хорошими, не убивать, не воровать. Все так считают. И христиане так считают. Что же требуется от меня, христианина? Я же ничего плохого никому не делаю: даю взаймы тем, кто возвращает долги, помогаю кому надо, люблю тех, кто меня любит. И все хорошо у меня, у христианина. Совесть меня не обличает. А вот Евангелие обличает.

Какой смысл нам быть христианами, если мы так же чувствуем, так же думаем, так же поступаем, как и все вокруг нас, ничуть не лучше, а некоторые даже похуже? В чем смысл нашей веры, если мы любим любящих нас, помогаем помогающим нам, заботимся о заботящихся о нас, принимаем участие в тех, кто по-настоящему нам близок? Какой в этом смысл для нашей веры? Никакого, потому что христианская вера заключается совершенно в другом. Господь совсем по-другому относится к нам. Он называет нас Своими детьми, а Себя называет нашим Отцом. «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6, 36). То есть будьте не верующими, не религиозными, а детьми Божиими. Это означает, что

надо с Богом соединиться, по-настоящему стать ему совершенно равными, чувствовать совсем другими чувствами, определять свою жизнь совсем другими поступками, как Господь велит.

И может получиться так, что то Царство любви, к которому люди как-то стремились, как-то его себе представляли, окажется вдруг недоступным по одной простой причине – они представляли себе Царство любви иначе, чем оно есть на самом деле. О другой любви говорится. О той любви, которая делает человека милосердным. О той любви, которая делает человека смиренным. О той любви, которая делает человека совершенным во Христе.

Но теперь он уже не осуждает себя за слабость своей любви, лишь дивится беспредельности Божьей.

«Это на земле он каялся, не зная еще, что такое покаяние. На небе же суд над собой и оказался полнотою любви».

Лев Карсавин

Жить по законам Царствия Небесного для нас нестерпимо тяжело. И в этом есть основание для самого страшного мучения. Мучительно человеку жить духовной жизнью.

Мучительно пребывать рядом со Христом. Очень тяжело и неприятно до конца подчинить себя законам той любви, по которым живет Царствие Небесное и по которым происходит тот самый Страшный Суд. Да нет суда – просто любовь, с которой Господь пришел в мир, станет тем светом, в котором каждый человек будет виден: свой он Христу или чужой; есть в нем хоть немного такой любви или он ничего за свою жизнь не приобрел. Вот и весь суд. И больше ни о чем Он не спросит. И слова никакого больше не скажет нам Господь. А просто любовью Своей так каждого из нас опалит, что для кого-то эта любовь и станет адским пламенем.

Да, это суд бесконечного милосердия и бесконечной любви. Но той любви, которой мы пока не имеем. Той любви, которая пока нам недоступна. Мы боимся поверить, что Его любовь может быть нашим блаженством, окончательным блаженством. И мы ограничиваем нашу жизнь и наше общение с Богом и совершаем некий обман: сделаем доброе дело, поживем немножечко духовной жизнью, а потом вернемся к себе стареньким, к тем, которых мы в себе любим, к которым мы привыкли, чтобы жить удобной привычной размеренной жизнью вне Царства Небесного.

Авва Дорофей говорит: *«Не тот милосерд, кто когда-то подал милостыню, не тот смирен, кто когда-то один раз смирился, не тот целомудрен, кто когда-то отступил от греха, а тот, кто является таковым каждую минуту своей жизни»*. Тот милосерден, для кого это состояние стало естественным, его характером, привычкой, стало его личностью. И только тогда человек не заметит своего милосердия, когда он воистину милосерден, как мы не замечаем того, что мы дышим. «Когда же, Господи, мы это делали? Когда мы Тебе служили?» – удивляются такие люди, потому что это стало их естественной потребностью. Они на земле входят в Царство любви. Для них нет Страшного Суда. Потому что суд, который был произнесен, был произнесен ими самими – самим себе. За каждое свое предательство, за каждый свой проступок, за каждую свою неверность Христу. Эти люди – настоящие, правильные, праведники, потому что все у них, как у солнца правды, все так же, как у Бога.

«Сначала – любовь к Богу, через нее, как последовательное желание угодить Богу, – любовь к ближнему, а затем – переделывание себя для ближнего».

Св. прав. Алексий (Мечев)

Можем ли мы думать, что Бог для нас действительно самое главное, что каждое наше дыхание с Ним связано, что ради Него мы готовы обо всем забыть? Какую меру мы допускаем для Бога в своем сердце?

На вопрос: «Учитель, какая наибольшая заповедь в законе»? – Христос ответил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим» (Мф. 22, 36–37). Евангелие всегда говорит нам о самом главном. Говорит просто, прямо, открыто, не оставляя человеку никакой возможности как-то по-своему истолковать эти слова. Хотя, с другой стороны, эти слова всегда ставят человека перед невозможностью до конца понять эту простоту. Казалось бы, действительно все просто, проще и не скажешь. Что может быть для человека важнее, чем вечная жизнь? Что может быть важнее Бога? Если уж мы когда-то сказали Ему: *«Верую, Господи, и исповедую»*. Если мы когда-то принесли эти клятвы в Таинстве святого крещения и поклонились Ему, как Царю и Богу, значит, ничего более важного в жизни христианина быть не может. Это так просто и так далеко от нас. Легко понять, что Богу можно принести какую-то жертву, что можно для Бога совершить какой-то обряд. Но как понять, что надо любить Бога всем сердцем?

Читая жития святых прежних веков, мы узнаем о том, как они молились, постились, смирялись и в конце концов сподобились блаженной кончины и Господь прославил их. Вот она христианская жизнь! Но мы живем в другое время… Что означает для нас любить Бога? Ведь нельзя родиться с этой любовью. Способность любить Господа всей своей душой не дается человеку от рождения. Те Христовы, кто плоть свою распял со страстями и похотями (Гал. 5, 24). Вот что такое жизнь христианская. Вот с чего начинается любовь Божия. Любовь – это распятие. Христос на Кресте принес нам эту любовь и показал, что значит любить человека всем сердцем, всей душою. Сам показал, как Бог любит человека. И оставил человечеству единственный способ любви. Другого способа любви у нас нет.

Господь говорит: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37). Действительно, тот, кто земное даже из самых благородных побуждений ставит превыше духовного, превыше любви к Богу, может пройти мимо своего спасения. Потому что спасение возможно только тогда, когда человек стремится любить Бога, как своего Отца.

Слыша эти слова, мы начинаем взвешивать на весах своего сердца, а кого лелает его сыном Божиим. А сыну Божию все принадлежит: и спасение принадлежит сыну, и жизнь вечная принадлежит сыну, и суд принадлежит сыновьям, детям Божиим.

Весь суд – только в том, что Господь к нам пришел. Пришел со Своей любовью, со Своим виноградом, всего Себя отдал нам в пищу. Что может быть страшнее этого суда, когда мы этого отвергаемся, не принимаем, если не нужен Христос, не нужна любовь, а нужно жить только для себя, только по-своему? Это и есть Страшный Суд, когда Господь приходит к тебе с любовью, а ты на Него плюешь.

Нам все дано. Великое богатство Божиего милосердия и духовной жизни принадлежит каждому из нас. Почему же мы живем так странно? Почему мы все время смотрим в сторону? Неужели нам мало того, что Сам Господь к нам пришел, принес Себя в жертву, чтобы мы Его хоть немножечко полюбили?

«Один дух должны мы быть с Господом – дух святыни, дух любви, благости, кротости, долготерпения, милосердия. Кто не имеет этого духа в себе, тот не Божий. Итак, я должен быть любовь, единая любовь, всех считать за одно. «Да вси едино будут» (Ин. 17, 21). Буди! Господи, помоги!»

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

Но вот человек начинает понимать, что он действительно очень далек от состояния любви, которой живет Царство Небесное, что ему не только не доступна, но иногда и неприятна эта любовь. А происходит это потому, что он представляет Царство любви, как царство любви к себе. А святое Евангелие говорит, что это Царство любви к ближнему. В этом Царстве себя совсем не замечаешь. И это блаженное исчезание перед Богом, по

слову Иоанна Кронштадтского, является самым трудным для нашего эгоистического сознания.

Так любить ближнего, чтобы всегда видеть в нем Христа, в каждом отвратительном, неприятном человеке – вот какое это Царство! Об этом чувстве даже думать-то не хочется, настолько оно неприятно, не то что испытывать его. Но это и есть то, что отторгает нас от Царства Небесного, и то, что подчас отторгает нас от Бога.

Но Господь ждет от нас даже большего: «А вы любите ненавидящих вас», – говорит Он. Да как же это возможно – любить ненавидящих! Врага своего разве можно любить? Нельзя. Как нельзя дать взаймы человеку, который никогда не вернет тебе долг. Как невозможно открыть свое сердце тому, кто обязательно тебя предаст. Невозможно. Это выше человеческих сил. А Господь говорит, что только так и нужно поступать. Именно так, если мы хотим быть детьми Божиими. И Силуан Афонский свидетельствует, что единственное, что делает нас христианами, это любовь к врагам и ничто другое.

Как такое может быть? Для чего нужна такая вера? Для многих не верующих в Бога людей, нехристиан, тех, кто считает, что у него «Бог в душе», это абсолютная бессмыслица. И с точки зрения разума все, чего требует от человечества христианство, совершенно неправильно. Потому что правильно врагов не любить, взаймы давать тем, кто тебе отдает долги, хорошие дела делать тем, кто воздает за это. Так все поступают, и это правильно по-человечески. А по-Божески – неправильно.

Вера наша заключается не в том, чтобы делать добрые дела добрым людям, не в том, чтобы любить тех, кто любит нас, и не в том, чтобы стать порядочным человеком. Потому что христианство – это не религия порядочных людей. Это даже, если хотите, религия людей непорядочных. Все Евангелие говорит нам о том, как Господь пришел к непорядочным людям. Вот такая безумная вера: в рай попадают непорядочные, а «распни!» кричат порядочные.

Весь Новый Завет говорит нам, что все наоборот в Царствии Небесном, все не так, как на земле. Разные это законы – законы духовной жизни и законы мира сего.

Господь благ по Своей природе. Он есть Любовь. Поэтому, если в нас есть Божие, то именно оно должно нас заполнять. Мы не можем взять от Бога лишь небольшое количество благодати (с которой так удобно!), чтобы стать порядочными людьми. Бог отдает только всего Себя. И когда мы приходим в Церковь, мы можем или получить все, или остаться пустыми. А так, чтобы прийти и немножечко взять, а остальное отвергнуть – невозможно. Не нужно это никому, потому что это не спасает.

Не является пропуском в Царствие Небесное наша порядочность. Нельзя войти в рай, будучи просто хорошим человеком. Для этого надо стать преображенным, совершенно другим. Как сказал апостол Павел: *«Надо переродиться в Боге, чтобы новый человек родился, а старый окончательно погиб»* (см. Еф. 4, 22–24). И для этого необходимо так себя для Бога открыть, – свое сердце, всю свою душу, весь свой ум, всю свою жизнь, – чтобы Господь полностью воцарился в каждом из нас, чтобы Он наполнил нас Собою. А иначе невозможно. Если мы будем Ему давать только маленькое местечко в своем сердце, не самое главное, а остальное будем занимать своей собственной порядочностью, мы не сможем ни в чем найти опоры. Потому что опору ищем не в Боге, а в законах тления и смерти.

Господь сказал апостолу Павлу: «Сила Моя совершается в немощи, – когда тот просил Бога дать ему сил, земных, человеческих. «Тогда я буду хвалиться своими немощами», – ответил апостол (2Кор. 12, 9).

Каждый из нас чувствует свою немощь. Все мы знаем, как тяжело ходить в храм, читать правило, идти на исповедь, посещать больных. Как необыкновенно тяжело простить обиду, просто страшно тяжело. Как же мы немощны! Где же сила-то наша? Почему же

она не совершается в немощи? Почему когда нам надо сделать что-то для Бога, ну никаких сил на это нет?

Но как их оказывается много, когда нам необходимо устраивать нашу земную жизнь! Как здорово мы умеем все делать для себя! Мы спать не ложимся, мы так много всего делаем! И оказывается, что мы очень сильны для того, чтобы укрепить свое мирское бытие. Но такой силе Бог противится. Он от такой силы уходит. Вот когда человек немощен жить по законам мира сего, тогда Господь дает ему силы для того, чтобы этот мир победить. Над таким человеком мир уже не властен, не способен его закабалить и сделать своим. И тогда человеку становится понятно, как можно любить ненавидящих, помогать обижающим, бежать за своим бывшим учеником, потерявшим веру и ушедшим в разбойники, как бежал апостол Иоанн Богослов, чтобы спасти его и с любовью прижать к своей груди. Потому что тогда уже не человеческая, а Божия сила проявляется в каждом из нас.

Человек способен открыться для Бога. Перестать жить умом мира сего и начать жить умом Божиим, перестать надеяться на законы земного бытия и укрепиться в законе Божием. Перестать поступать как принято и начать слышать, как Господь открывает Свою волю. Только так человек становится способным принять в себя Бога.

А когда мы принимаем в себя Бога, для нас не стоит вопрос, кого любить, а кого не любить, кого приблизить, а кого отдалить. Для человека, в котором царствует Господь, нет разделения, как нет разделения для Бога. Бог не может любить одних и не любить других, прийти для спасения одних и не прийти для спасения других. Мы для Него все дети, каждый в отдельности и все вместе. Для человека, который с Богом, уже не важно кого любить: любящего или ненавидящего. Он не понимает, как можно вообще кого-то не любить, как можно за кого-то не пострадать. Не понимает, потому что в нем действует уже не человеческое, а Божественное.

Давайте зададим себе вопрос: «Кто мы? Зачем пришли в храм? Какому Богу поклоняемся и для чего в купели крестились? Для того, чтобы быть порядочными людьми, или для того, чтобы стать людьми Божиими?» Если для того, чтобы стать Божиими людьми, то все силы своей души мы должны употребить на то, чтобы Господь воцарился в каждом из нас.

И прийти к этому можно только через страх Божий. Потому и Суд называется Страшным. И если мы научимся этому хотя бы немножечко, если сделаем это состояние духовной константой нашей жизни, будем стремиться к тому, чтобы оно стало нашим и никогда нас не покидало, тогда это действительно будет слава, которую мы воссылаем Богу.

И если мы действительно любим Христа, хотим любить ближнего и спасти свою душу, то мы должны бесконечно стремиться к Богу, трудиться над собой, судить себя, каяться в своих грехах и никогда не уставать это делать, никогда от этого не отдыхать. И тогда Господь по великой Своей милости подаст нам возможность услышать Свой блаженный глас: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25, 34). Аминь.

Настройте себя, как орган

О, чада мои, да – умоляю вас, настройте себя, как орган и сладостный псалтирь Духа Святого.

Прп. Феодор Студит

Большинство людей, входящих сейчас в нашу Церковь, – новообращенные. Мало кто является носителем традиций, мало кто с детства воспитывался в настоящей христианской

семье с православными устоями. Представления о духовной жизни у современного человека складываются в основном из книг или из общения с другими христианами.

Книг, касающихся духовной жизни, аскетики, читают сейчас мало. Они написаны слишком высоким духовным языком и не всегда доступны пониманию новоначального христианина. Поэтому чаще всего передача христианского опыта идет от новоначального к новоначальному, обычно в виде неких схем: надо исполнять определенные правила, вести себя определенным образом (православные должны говорить с определенной интонацией, носить определенную одежду) и т. д. – это воспринимается как традиция Церкви,х отя традицией Церкви чаще всего не является.

Одновременно в сознании складывается стереотип жизни христианина и представление о том, как надо жить, чтобы «все было хорошо». Причинно-следственные связи при этом определяются чисто внешним, формальным образом: если ты будешь поступать так, то должно быть обязательно вот так. Если христианин молится, читает утренние и вечерние правила, соблюдает пост в среду и пятницу, ходит в храм, постится и причащается (что, без всякого сомнения, необходимо и важно), то вся его жизнь в соответствии с этим должна измениться. У человека не должно быть уныния и отчаяния, но мир и покой в душе и благополучие в семье, «успехи в труде и счастье в личной жизни», как в поздравительной открытке.

И вот человек, начинающий жить в Церкви, искренне старается исполнять необходимые правила христианской жизни и приходит в недоумение: «Как же так, я покаялся, стараюсь исправить свою жизнь, не поступать как прежде, молюсь, пощусь и причащаюсь, а у меня как было все плохо, так и есть, а иногда даже хуже становится». Человек заходит в тупик и не понимает, что с ним происходит. Кажется, все правильно делает, как написано, как говорят, как положено, а ничего не получается. Но есть один очень важный момент, который не осознается или забывается. Скажем, музыкант открывает ноты с ноктюрном Шопена, начинает играть, а звучит какофония. Все вроде бы правильно делает, на нужные клавиши нажимает, а музыки нет. Почему? Инструмент расстроен.

Расстроенность нашего внутреннего инструмента, человеческой души, совершенно нами не осознается. Мы пытаемся преодолевать что-то наскоком, формально следовать правилам духовной жизни, не понимая, что правила эти – для правильных. Они действительно помогают достичь состояния гармонии души, но для того, чтобы душа обрела гармонию, необходимо очень глубокое понимание того, что мы из себя представляем на сегодняшний день, в каком мы находимся состоянии. И ожидать того, что сейчас вмиг или даже за год в нашей жизни воцарится гармония только потому, что мы пришли в Церковь и исповедались, является глубочайшим духовным заблуждением, от которого страдают многие.

Мы все ждем, что спасение может произойти помимо нас или благодаря каким-то внешним факторам, за которые мы будем прятаться, не осознавая того, что такое падший человек, что такое наша искаженная грехом природа. Но духовная жизнь начинается с того, что на духовном языке называют словом «смирение» или «смиренномудрие». Лучше будет сказать – начатки смирения, потому что смирение безгранично. Можно вступить на путь смирения, осознать себя грешником, а вот до конца дойти совершенно невозможно. Но начать духовную жизнь можно только с осознания того, что твой духовный инструмент совершенно расстроен и вся твоя духовная жизнь – это прежде всего приведение в норму твоей души, исцеление не внешнее, но внутреннее.

Человек начинает молиться и удивляется, что не чувствует того, о чем в книгах о молитве прочел. Многого сразу хочет. Несовершенный человек не должен ждать от молитв и постов быстрого результата. Конечно, после исповеди нам кажется, что с этого момента все должно стать другим. На самом же деле с этого момента только начинается осознание того, что душа больна и нуждается в огромной духовной работе, в углубленном духовном труде с пониманием того, что если жизнь не меняется, это не вина Церкви, не

вина священника, который говорит, как надо поступать, а у тебя все равно ничего не получается. Это состояние твоей собственной души, и нужно принять это с определенным смирением.

В духовной жизни, как в альпинизме, все определяют постоянство и большое терпение. Альпинисты идут в гору очень медленно. Опыт подсказывает им, что если они поторопятся, не дойдут до вершины – очень скоро растеряют силы и дальше идти не смогут. В таком же постоянстве подвига духовной жизни и совершается настройка души, приведение ее в порядок. Но происходит это вовсе не быстро, иногда годами, а мы очень нетерпеливы. Грешил человек всю жизнь, с момента своего рождения, а за год-два хочет достичь совершенства. Так не бывает или бывает крайне редко – у людей, которые способны на столь глубокое покаяние, что могут сразу все бросить, уйти в пустыню и жить суровой подвижнической жизнью.

Надо трудиться терпеливо и постоянно, каждый раз, каждый день, каждую минуту настраивать себя, понуждать на духовную жизнь. И наконец в тот момент, когда, проходя таким путем, человек начинает приближаться к состоянию внутренней гармонии, к созвучию с Божественной волей, тогда все, что он делает, приобретает характер спасения. И тогда и молитвенное правило, и посты, и его жизнь в Церкви начинают приносить плоды. Только в этот момент человек становится живым членом Церкви – плодоносящим. Но пока этого нет, происходит страшное искажение. Именно по этой причине жизнь Церкви иногда неприятно удивляет и даже отталкивает неверующих людей. А что это у вас в Церкви все так странно? Вроде написано, что вы должны быть святыми, а у вас все не так. Почему? Именно по этой простой причине, потому что праведность – это результат долгого и нелегкого пути, пути духовного преображения.

Источник: *Тайна примирения : книга об исповеди и покаянии / протоиерей Алексей Уминский. — Москва : Никея, 2015. — 325 с*